

**АНТИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА**

Ю. В. ШАНИН

**ОЛИМПИА.
ИСТОРИЯ АНТИЧНОГО
АТЛЕТИЗМА**

СЕРИЯ

АНТИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ИССЛЕДОВАНИЯ

Ю. В. ШАНИН

ОЛИМПИЯ.
ИСТОРИЯ АНТИЧНОГО
АТЛЕТИЗМА

СЕРИЯ

АНТИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ИССЛЕДОВАНИЯ

Издательство
«Алетейя»
Санкт-Петербург
2001

Ю. В. ШАНИН

ОЛИМПИЯ.
ИСТОРИЯ АНТИЧНОГО
АТЛЕТИЗМА

Под общей редакцией
проф. *В. И. Кузицина*

Научно-популярное издание

М.: Тихонов В.А., 26.07.02

Издательство
«Алетейя»
Санкт-Петербург
2001

УДК ЮЗ(0)321
ББК 1(38)(091)
Ш 20

Шанин Ю. В.
Ш 20 Олимпия. История античного атлетизма / Под общ. ред.
проф. В. И. Кузищина. — СПб.: Алетейя, 2001. — 191 с. —
(Античная библиотека. Исследования)
ISBN 5-89329-354-1

Основатель и руководитель серии:
Абышко О. Л.

Монография посвящена малоисследованной в отечественной антиковедении теме: идея гармонического развития гражданина и ее отражение в древнегреческой поэзии, историографии, философской прозе.

Проблема рассмотрена на фоне сравнительного анализа эллинской мифологии, гомеровского эпоса, произведений Архилоха, Тиртея, Феогнида, Ксенофана, Симонида Кеосского, Вакхилида и других древнегреческих поэтов классического периода. Большое внимание уделено формированию этических и эстетических норм в жизни, литературе и искусстве, равно как и в системе образования и физического воспитания эллинов.

Все эти вопросы связываются автором с историей возникновения и расцвета Олимпийских игр античности. Кратко очерчены и другие общегреческие празднества (Пифийские, Немейские, Истмийские, Панафинейские и т. д.), а также особенности агоний (праздничных состязаний) в эллинских колониях Северного Причерноморья. Показана связь религии, мифотворчества и воспитательной системы древних греков.

Книга адресована филологам, историкам, археологам и искусствоведам.

Монография проиллюстрирована репродукциями лучших произведений древнегреческих скульпторов и художников-керамистов, посвященных атлетам-агонистам и разным аспектам физического воспитания и состязаний эллинских граждан.

ISBN 5-89329-354-1

9 785893 293541

© Издательство «Алетейя» (СПб), 2001 г.
© В. Ю. Шанин, 2001 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

ОЛИМПИЯ ДРЕВНЯЯ И СОВРЕМЕННАЯ

Древняя Олимпия не была городом или поселением, где проживали и занимались повседневным трудом многие люди. Древняя Олимпия была общегреческим святилищем, святой землей, где находились храмы общенациональных богов (особенно величественными были храмы верховного бога греков Зевса Олимпийского и его божественной супруги Геры), алтари, жертвенники других богов и героев, помещения для жрецов, отправляющих культ олимпийских богов. Здесь же находились спортивные сооружения (палестры, гимнасии и стадионы), гостиницы для наиболее уважаемых гостей, мемориальные памятники.

Обычно Олимпия была малолюдная, лишь небольшой штат жрецов, подсобные работники да немногочисленные паломники находились здесь. Однако один раз в четыре года в священном округе Олимпии проходило собрание представителей всего греческого мира, проводилось общенациональное празднество в честь великого Зевса и других высших греческих богов и героев, которое получило уже в древности название общегреческие Олимпийские игры. Тихая и сонная Олимпия превращалась в своего рода национальную столицу древней Эллады, куда приезжали греки со всех концов Средиземноморья и Причерноморья: из западной Массалии (совр. Марсель) и восточной Синопы (совр. Синоп в Турции), из северной Ольвии (около совр. Одессы) и блистательной Александрии (Египет). Несколько десятков тысяч посетителей в течение месяца наполняли Олимпию, справляли самое почитаемое религиозное празднество в честь общенационального божества и страстно переживали все перипетии спортивных состязаний.

Олимпийские игры в жизни древних греков, в истории эллинской культуры и античной цивилизации в целом заняли выдающееся место. Об этом говорит беспрецедентный факт — их непрерывное

проведение в течение двенадцати столетий (с VIII в. до н. э. по IV н. э.)! Какие бы потрясения и катастрофы ни случались, раз в четыре года в первое полнолуние после летнего солнцестояния в древней Олимпии совершалось общенациональное празднество, ядром которого были спортивные состязания.

Для древней Эллады, для древних греков вечность Олимпийских игр олицетворяла вечность Эллады, самой греческой национальности, высших духовных ценностей, ее стиль жизни. Вряд ли можно найти такие стороны образа жизни древних эллинов, их замечательной культуры и религии, политической и общественной жизни, на которые бы не оказал влияние факт постоянного проведения общенациональных Олимпиад.

Здесь нужно сделать несколько необходимых пояснений.

Обычно в массовом сознании наших дней Олимпийские игры воспринимаются как сугубо спортивные соревнования высшего ранга и главное внимание обращается на спортивные результаты. Античные Олимпиады имели иной смысл, другое содержание, их духовной основой были другие нравственные ценности.

Олимпийские игры не понимались древними эллинами как сугубо спортивные соревнования и только. Это было прежде всего и с начала до конца величайшее религиозное празднество, которое в классический период греческой истории (V–IV вв. до н. э.) переросло в важнейшее религиозно-общественное событие общегреческого масштаба как воплощение принципа панэллинизма. Во время Олимпийских игр раздробленная на сотни полисов, союзов, конфедераций, часто враждующих друг с другом, Греция как бы обретала свое национальное единство. Непримиимые на политическом или военном поле битвы, враги мирно соревновались на поле стадиона в Олимпии, здесь провозглашалось священное перемирие, которое прерывало военные действия.

Здесь представители многих греческих полисов и государств, где были свои местные культы, приносили жертвы и возносили молитвы общеэллинским олимпийским богам, со всей очевидностью осознавали свое религиозное единство, приобщались к общим национальным духовным ценностям.

Здесь в Олимпии собиралась вся интеллектуальная элита Греции: ораторы, философы, историки, драматурги, скульпторы и, конечно, поэты. Они выступали с чтением своих произведений, они вступали в плодотворные творческие дискуссии. Здесь каждый из них обогащался как творческая личность, получая мощный толчок к новой творческой работе.

Да, но ведь спортивные соревнования во время Олимпиад были, так сказать, сердцевинной всего празднества. Это так, но с одной важной поправкой. Спортивные соревнования во время Олимпийских игр древности не воспринимались как самодовлеющее явление, они

рассматривались в широком общественном и религиозном контексте всего празднества. Спортивные состязания проводились не ради рекордов как таковых, которые сводились в таблицы, демонстрирующие их рост от одной Олимпиады до другой. Спортивные состязания были культовым действием, проводимым в честь Зевса Олимпийского. Участники игр демонстрировали свою преданность и веру в могучее и справедливое божество, они ему посвящали свои победы. Тот, кто одерживал победу в соревновании (его называли олимпийщиком), рассматривался как приблизившийся к Зевсу, к божественному, он как бы прорывал свою человеческую оболочку и обретал некий божественный ореол, становился до некоторой степени героем. Вот почему в мифологических сказаниях древних греков многие олимпийские боги (напр. Аполлон, Арес, Гермес) и герои (напр. Геракл) принимали прямое участие в Олимпийском состязании наряду с обычными смертными участниками.

Спортивные соревнования — это органическая часть культа, а не демонстрация только спортивного мастерства. Вот почему участник олимпийского состязания, а тем более победитель — олимпийщик должен был обладать, кроме собственно высоких физических данных, тренированности мышц, еще и высокими нравственными качествами; человек злой, несправедливый, завистливый, подлый по определению не имел права соревноваться в Олимпии и, конечно, в принципе не мог добиться победы. И хотя как всегда бывает, высокие принципы нарушаются, общий идеал совершенного в физическом и нравственном смысле человека — участника и победителя Олимпийских игр — оставался неизменным и бесспорно оказывал свое благотворное влияние на общую моральную атмосферу в Греции.

В олимпийском святилище, как уже было сказано, почитались кроме Зевса и Геры другие олимпийские боги и множество греческих героев, так или иначе связанных с олимпийским культом. И это нашло отражение в различных мифологических сказаниях, в замечательном эпосе, в произведениях великих греческих поэтов. Вот почему Олимпийские состязания, высокий накал борьбы за победу, которая приближала победителя к Зевсу, высокие нравственные идеалы, пронизывающие эти состязания, вдохновляли не одно поколение греческих мыслителей, скульпторов, поэтов на создание замечательных художественных шедевров.

Сейчас в настоящее время древняя Олимпия лежит в развалинах, здесь теперь излюбленное место археологов, ведущих раскопки, и многочисленных туристов. Однако и в наши дни в бурном XX веке от Рождества Христова и в XXVIII веке от начала древних Олимпийских игр один раз в четыре года древняя Олимпия вновь попадает в центр внимания всего современного мира. Именно здесь за три месяца до официального открытия очередной современной Олимпиа-

ды по установившейся традиции на развалинах храма Зевса Олимпийского от солнечных лучей Аполлона самая красивая девушка Греции в окружении своей свиты зажигает Олимпийский факел, знаменующий неофициальное открытие очередной Олимпиады. После совершения некоторых ритуальных действий она передает зажженный олимпийский огонь, олимпийский факел лучшему спортсмену современной Греции, который, пробежав определенную дистанцию, передает его другому бегуну. Так тысячи бегунов, прославленных спортсменов из разных стран, передавая факел из рук в руки, доставляют олимпийский огонь в столицу современной Олимпиады. Этот факел, зажженный от священного огня в древней Олимпии и горящий на главном олимпийском стадионе современной Олимпиады, олицетворяет воочию связь античности и современности, продолжение жизни древней Олимпии, которая и в настоящее время продолжает играть роль символической первоистолицы современных Олимпийских игр. И глубоко символично, что на главном флагштоке любой современной олимпиады реют три флага: флаг Международного Олимпийского комитета, флаг страны-организатора Олимпийских игр и флаг современной Греции, исторической преемницы древней Греции, давшей современной цивилизации такое великое наследство как Олимпийские игры.

Олимпийские игры древности как многогранное историческое явление имеет много сторон, которые могут быть предметом внимания современного читателя. Многочисленная литература, посвященная Олимпийским играм, уделяет большое внимание главным образом спортивной части Олимпийских игр. Значительно меньше уделяется внимания таким сторонам древних Олимпиад, как отражение Олимпийских игр в греческой мифологии, в замечательной греческой лирической поэзии, как олимпийские спортивные состязания формировали своеобразное понятие античного атлетизма, ядро которого составляло понятие совершенной физической и нравственной природы человека, калос кагатос.

Обо всех этих сторонах читатель узнает из новой книги Ю. В. Шакина «Древняя Олимпия. Рождение античного атлетизма».

*В. И. Кузицин, зав. кафедрой древней истории МГУ,
заслуженный профессор МГУ.*

*Доброй памяти моих Учителей
Андрея Александровича Белецкого
и Татьяны Николаевны Чернышевой —
людей светлых и незабвенных*

ВСТУПЛЕНИЕ

Об античных олимпиадах мы знаем много и в то же время очень мало. Ведь даже образованные люди часто убеждены, что олимпийского победителя награждали лавровым венком (хотя в действительности венок этот был оливковым). Нередко путают Олимпийскую долину (место проведения игр) с горой Олимп (местопребывание эллинских небожителей) и многое другое...

Идея гармонического развития человека — один из самых надежных «мостиков», связывающих Древнюю Грецию с нашей современностью. Более того: эта идея постоянно направлена в будущее, ибо находится в состоянии непрерывного развития.

Впрочем, истоки стремления людей к гармонии следует искать не в истории классической Эллады, а гораздо раньше: на грани палеолита и неолита. «Умение древнего человека дифференцировано характеризовать мир неизбежно приводило его к идее о лучшем мире и лучшем человеке».¹ И выражалось это, разумеется, не только в первых произведениях доисторических скульпторов и художников, но и в образе жизни этих пратворцов и их соплеменников.

Речь идет пока не о самой идее (четко оформившейся и утвердившейся значительно позднее), а о ее прологе, истоках, грядущей основе. Поэтому трудно говорить в данном случае и о каких-либо определенных социально-эстетических принципах. Первобытный человек (еще далеко не Homo sapiens) лишь едва начинал осознавать, что, предположим, успех на охоте, в бою или на первых межродовых состязаниях юношей-инициантов часто достается не только сильнейшему в физическом отношении, но и более сообразительному тактику, отличающемуся также и живостью ума. Такой человек всегда являлся надежной опорой племени, пользуясь почетом и непререкаемым авторитетом.

¹ Мещеряков В. Т. Гармония и гармоническое развитие. Л.: Наука, 1979. С. 11.

И вполне естественно, что именно этот охотник и воин считался и самым прекрасным. Так впервые выявлялись социальные основы красоты, понятия о совершенстве.

Но первыми учителями человечества в сфере искусства и науки справедливо считаются эллины. И хотя отдельные частицы идеи о гармоническом развитии уже давно, так сказать, носились в воздухе, окончательно осознали и объединили эти элементы именно древние греки.

Время, к сожалению, сохранило для человечества далеко не все литературно-исторические источники, достойные бессмертия. Первые известные нам авторы, заговорившие о гармонии вполне определенно, жили в VI веке до н. э. Это были древнегреческие мыслители Пифагор и Гераклит, а также их ученики и последователи.

Пифагорейцы учили: «Гармония есть совмещение и сочетание противоположностей».² А о вполне достижимом и естественном сочетании физического и духовного очень четко (несмотря на полученное еще в античности прозвище «Темный») сказал Гераклит. Он ворчливо высказывал свое недовольство теми современниками, которые «...не понимают, как расходящееся с самим собой приходит в согласие, самовосстанавливающую гармонию лука и лиры».³

Действительно, боевой лук и нежно звучащая лира лишь на первый взгляд являются антагонистами: ведь вполне возможно, что идею первого музыкального инструмента подсказала человеку именно звенящая тетива!

Но главной заслугой эллинских мыслителей явилось то, что красоту и гармонию они рассматривали не только теоретически, как понятия отвлеченные и сухие. Идеал прекрасного они связывали с реальными качествами человека, гражданина, своего современника.

Один из патриархов отечественных антиковедов А. Ф. Лосев справедливо считает, что «...прекрасное для античности выступает тогда, когда физические стихии гармонируют одна с другой в живом и совершенном человеческом теле, когда принцип общетелесной жизни, который греки называли "душой", целиком подчиняет себе все телесные "стихии". Сформированное по такому принципу тело и есть тот идеал. Смотря по тому, как он осуществлен в физических стихиях, возникает самый феномен красоты».⁴ И говоря о «принципе общетелесной жизни», ученый, разумеется, имеет в виду все те компоненты, которые характерны для идеального человека, а не только его физическую основу.

² Антология мировой философии. М., 1969. Т. 1. С. 286.

³ Там же. С. 276.

⁴ Лосев А. Ф. История античной эстетики. М., 1963. С. 77.

Ярчайшей формой проявления этого принципа явились Олимпийские игры эллинов. Благодаря своим социальным основам за многие столетия олимпийской истории они стали гораздо более значительным и многогранным явлением, нежели просто ритуал и спортивные состязания. И поэтому сумели оказать мощное влияние на всю древнегреческую действительность, в определенном смысле возвысив ее и усовершенствовав.

В той или иной степени институт олимпийских состязаний и торжеств весьма ощутимо отразился в эллинской философии, историографии, географии и даже точных науках. Совершенно исключительное место заняла олимпийская тема в искусстве и литературе Эллады. И здесь пальма первенства принадлежала поэзии.

Возродившись в 1896 году для новой и прекрасной жизни, Олимпийский праздник и его основополагающие идеи стали источником вдохновения для ученых, скульпторов, художников, композиторов и писателей нашего времени. Одним из бесчисленных доказательств этого является прекрасная книга «Стихотворения, посвященные Олимпийским играм»⁵, вышедшая в Германии. Открывается этот своеобразный поэтический сборник V олимпийской одой Пиндара в переводе Гёте. А далее следуют произведения тридцати восьми современных немецких поэтов, которых и сегодня вдохновляет олимпийская тема.

Благодарность своим предшественникам человечество выражает и в том, что творчески бережно относится ко всему хорошему, созданному до нас. И почетное место отведено тут преемственности самых благородных идей.

Речь идет именно о той преемственности, которая является не повторением, копированием прошлого, а творческим развитием его лучших достижений, общеизвестным диалектическим витком на более высоком уровне и в качественно новых условиях.

...И когда июльским днем 2000 года близ храмов Зевса и Геры в долине древней Олимпии красавица гречанка зажгла от солнечных лучей восковой факел и передала его греческому атлету, он гордо понес священный огонь в высоко поднятой руке, — тысячи спортсменов нетерпеливо ждали его появления. Ждали для того, чтобы передавать этот факел все дальше и дальше, пока он не запылал с новой силой на Большом стадионе в Сиднее, столице XXVII Олимпийских игр современности! А это означает, что эстафета олимпийских идей бережно передана из прошлого не только в сегодняшний день, но и в грядущее мирного человечества.

В задачи автора не входят детальные описания видов, особенностей, обстоятельств и условий проведения великих состязаний

⁵ Olympische Spiele Gedichte. Berlin: Aufbau-Verlag, 1972.

античности. Истории древних эллинских игр посвящено очень много трудов, увидевших свет на протяжении последних ста лет.

А в данной работе автор ставит перед собой иные цели: выяснить, как в разные периоды древнегреческой истории классической эпохи эллинская поэзия отражала идеи атлетизма и гармонического развития человека, как воплощен в произведениях эллинских поэтов этико-эстетический идеал гражданина и атлета.

В доступной нам литературе нашлось очень мало работ, в большей или меньшей степени посвященных этой проблеме (а точнее — отдельным ее аспектам).

Однако чтобы дать возможность как можно лучше разобраться в исследуемой проблеме не только широким кругам читателей, но также и филологам, историкам, философам и педагогам, далеким от проблем античности, мы начинаем эту книгу кратким очерком истории возникновения и развития Олимпийских игр в Элладе, древнегреческих педагогических принципов вообще и системы физического воспитания в особенности.

Из этих же соображений цитаты из произведений эллинских авторов даны в русских переводах. Ссылки (всюду, где это возможно) также даются на отечественные переводные издания. Наконец, все древнегреческие термины приводятся и в латинской транскрипции, что облегчит их произношение читателям, не знакомым с языком древних эллинов.

Глава I

ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ И АГОНИСТИКА В ЖИЗНИ ЭЛЛИНОВ

Литература эллинов, несмотря на известную насыщенность фантастическими сюжетами и мифологическими персонажами, всегда оставалась в определенном смысле литературой реалистической, прочно связанной с повседневной жизнью древних греков. В самых невероятных мифах о богах, в героическом эпосе и в замечательной лирике, классических трагедиях и комедиях мы встречаем немало совершенно «земных» деталей, точнейших описаний эллинского быта.¹

Все это порой гипертрофировано, доведено до гротеска и, следовательно, видно лучше, как и любой предмет, рассматриваемый при многократном увеличении. Не стоит приводить бесчисленные доказательства этого. Достаточно упомянуть Генриха Шлимана, которому помог в его вполне реальных великих открытиях не кто иной, как Гомер.

Хотя почти в каждом произведении Гомера Гесиода, Эсхила, Софокла, Аристофана и других авторов почти обязательно присутствует чуть ли не весь эллинский пантеон, литература античной Греции воспевала и людей, а не только богов. Поэтому неудивительно, что даже второстепенные факты и штрихи древнегреческой повседневности нашли свое четкое отражение в творчестве писателей Эллады.²

Среди огромного разнообразия тем и сюжетов обращает на себя внимание тема физической закалки, бесчисленных агон³ и спортив-

¹ Объяснение этому явлению дано в монографии: *Ярхо В. Н.* Драматургия Эсхила и некоторые проблемы древнегреческой трагедии. М.: Худ. литература, 1978. С. 55–56.

² См.: *Преображенский П. Ф.* В мире античных идей и образов. М.: Наука, 1965.

³ *Αγων* (agon) по-древнегречески означает «публичное состязание» или «общественные игры». Агонистика — система тренировок и состязаний. Со временем это понятие получило более широкую интерпретацию: агон мог быть не только спортивный, но и поэтический, музыкальный, философский и т. д.

ной доблести. Этой теме в большей или меньшей степени касались в своих произведениях многие древнегреческие писатели, начиная от Гомера и кончая авторами нашей эры. Архилох, Симонид Кеосский, Пиндар, Анакреонт, Геродот, Ксенофонт, Софокл, Еврипид, Аристофан, Лукиан и другие описывали эту интересную сторону древнегреческого быта. Невозможно было писать о греках, не касаясь столь существенной части их жизни. Поэтому-то в Элладе трудно было найти выдающегося поэта, прозаика или драматурга, который бы обращался бы к спортивным сюжетам или не использовал хотя бы терминологию античных состязаний.⁴

Верное определение этому явлению дал В. Рудольф в интересной монографии, посвященной античному спорту: «Точное понимание отдельных областей и видов древнего спорта невозможно без знания истории физической культуры в античном мире, что, в свою очередь, неотделимо от политической истории Греции».⁵

Помимо таких известных состязаний, как Олимпийские, Истмийские, Пифийские, Немейские, Панафинейские, Герейи, соревнования атлетов проводились тут по самым различным поводам.⁶

Сначала игры эллинов носили преимущественно ритуальный характер. То были, например, состязания на тризне ради умиловления богов и души покойного (дабы почтить его память). И одновременно это был поединок за право владения наследством: львиную долю имущества получал атлет-победитель.

Игры-состязания считались лучшим средством отблагодарить небожителей за победу в бою, за хороший урожай и даже за удачный брак. Да ведь и самих богов древние греки представляли себе могучими атлетами, всегда готовыми посостязаться в силе, ловкости, выносливости и быстроте. В этом отношении богатейший материал дает нам мифология. Вспомним игры, устроенные Данаем в честь богов-олимпийцев: в качестве приза победители получали в жены дочерей царя⁷; состязания героев, которые устроил Ахилл, оплакивая Патрокла⁸; игры, проведенные Тесеем в честь объединения граждан Аттики⁹, и многие другие.

⁴ Schöbel H. Olympia und seine Spiele. Leipzig, 1965. S. 20–21.

⁵ Rudolph W. Olympischer Kampfsport in der Antike. Berlin: Akademie-Verlag, 1965. S. 4.

⁶ Латышев В. В. Очерк греческих древностей. СПб., 1889. Ч. II. С. 116–170.

⁷ Аполлодор. Мифологическая библиотека. II, 1, 5. Л.: Наука, 1972. С. 26 / Под ред. В. Г. Ворухова.

⁸ Гомер. Илиада, XXIII.

⁹ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Тесей, XXIX. Тут и далее даются ссылки на издание: М.: АН СССР, 1961. Т. 1.

Но ведь можно обратиться не только к мифологии. Павсаний пишет, что после битвы при Платеях в этом городе совершались «каждые четыре года на пятый та Елеуэриа (праздник Освобождения), на которых дают большие награды за победу в беге».¹⁰ В Херсонесе Фракийском состязаниями атлетов была, как известно, почтена память основателя колонии Мильтиада¹¹ и т. д.

ДВЕ СИСТЕМЫ ВОСПИТАНИЯ ЭЛЛИНОВ

Основу воспитательной системы эллинов в классический период составлял принцип гармонического развития человека. Справедливо считалось, что люди должны быть одинаково совершенны как в духовном, так и в физическом отношении. Платон называл хромым каждого, у кого разум и тело было развиты непропорционально. А, например, в городе Пеллене юноша мог получить гражданские права, лишь выдержав испытание по атлетике.

В Греции существовало два типа учебных заведений по физическому воспитанию: палестра и гимнасий. Сначала юный грек посещал палестру, где на протяжении трех-четырех лет занимался только физическими упражнениями. «Сперва надо создать прочный сосуд, а потом уже наполнять его вином просвещения», — говорили эллины. Со временем мальчик знакомился тут с музыкой и литературой (в основном — с лирической поэзией).¹²

Характерно, что греки считали одинаково необразованным как не умеющего читать, так и не умеющего плавать. История подтвердила жизненную необходимость этого, на первый взгляд, сугубо педагогического тезиса: одной из причин больших потерь персов при Саламине было то, что все греки хорошо плавали, а персы в своем большинстве плавать не умели.¹³

Особое внимание педотрибы (воспитатели-тренеры) уделяли различным спортивным играм: мяч, перетягивание каната, «бой петухов» и т. д. Учились дети и метать короткий дротик, упражняясь в точности попадания.¹⁴

Если в большинстве древнегреческих городов все вышесказанное касалось только юношей, то в Спарте наравне с ними занимались

¹⁰ Павсаний. Описание Эллады. XI, 2, 4 / Перевод С. П. Кондратьева. М.: Искусство, 1938.

¹¹ Геродот. VI, 36. Тут и далее ссылки даются на издание: Геродот. История / Перевод Г. А. Стратановского. Л.: Наука, 1972.

¹² Бузескул В. Античность и современность. СПб., 1913; Schröder B. Der Sport im Altertum. Berlin, 1927.

¹³ Геродот. VIII, 89.

¹⁴ Press L. Atrakcje dla ludzi i bogów. Warszawa, 1961. С. 21–60.

и девушки. В этом отношении спартанки были полной противоположностью изнеженным афинянкам.¹⁵

Лишь в начале эллинистического периода (IV—III вв. до н. э.) почти повсеместно в Элладе «...отступили на задний план такие важные предметы, как гимнастика и музыка. Образование получило формальное направление».¹⁶

Но даже в классический период истории Древней Греции не существовало единой системы физического воспитания. Не было, разумеется, и единой педагогической общеобразовательной системы.

В Элладе главенствовали преимущественно две школы: спартанская и афинская.

Существовали ли какие-либо четкие воспитательные системы до рождения государства? Думается, что нет. Система как таковая служит обычно интересам конкретной общественной группы. Только с возникновением государства зарождаются четкие педагогические принципы. Что же в этом смысле являлось характерным для Спарты?

Сами спартиаты, занимаясь исключительно военным делом, с помощью оружия поддерживали установившиеся отношения и свое господство над массами общественных рабов — илотов. Первобытный коллективизм, упрочившийся уже в условиях развивающихся классовых отношений, проникал во все сферы жизни древней Спарты. Должным образом это отразилось на характере возникшей в Спарте системы воспитания вообще и физического воспитания в частности. Постоянный институт сисситий (коллективных трапез) приводил к тому, что молодой спартиат воспитывался буквально под присмотром всего общества:¹⁷ «здесь контролировали ребенка почти с первых дней существования. Слабых детей, по преданию, сбрасывали с обрыва на Тайгете, ибо считалось, что жизнь такого младенца не нужна ни ему самому, ни государству».¹⁸

Спартиаты старались таким жестоким (с нашей точки зрения) образом не допускать в свою среду слабых и болезненных людей. Так, силой законов, оружия и мышц, они сохраняли существующий общественный порядок.¹⁹

¹⁵ Аристофан. Лисистрата. С. 78–82; Павсаний, V, XVI, 2–4 и далее.

¹⁶ Егуннов А. Вступительная статья к «Эфиопике» Гелиодора. М.: ГИХЛ, 1965. С. 8.

¹⁷ Exarchopoulos N. Das athenische und spartanische Erziehungssystem, 1909 // *Padag. Magazin*. Н. 377. S. 13–23; Gostkowski X. Wychowanie fizyczne w starożytności. Kraków, 1928. С. 19–22.

¹⁸ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Ликург. XVI.

¹⁹ Gostkowski X. Sport w starożytności. Warszawa, 1959. С. 111.

Диктовалось это тем, что даже в лучшие времена спартиатов-мужчин было лишь около 10 тысяч: они должны были обеспечить себе господство над илотами, число которых нередко колебалось от 200 до 300 тысяч.

Между прочим, из этих же соображений эфоры подвергли весьма солидному штрафу спартанского царя Архидама за то, что тот выбрал себе жену слишком маленького роста. Обосновывая свое решение, блюстители законов заявили: «...она будет рожать нам не царей, а царьков».²⁰

Младенцев не пеленали. А уже с семи лет мальчики воспитывались в общественных школах. Педономов²¹ с помощниками содержало государство.

Первую группу составляли мальчики 7–12 лет. Педоном следил за играми детей, наблюдая, смел ли мальчик и упорен ли в драках. Грамоте ж уделялся минимум времени. Главные усилия направлялись на достижение физической закалки.²²

С 12 до 14 лет режим мальчиков строился так, чтобы приучить их к неприхотливости и выносливости. Тут уж выбирался среди мальчиков старший — ирэн, который полностью распоряжался своим отрядом. Еду юные спартиаты обязаны были добывать кражей: так воспитывалась ловкость. За малейшую провинность следовало жестокое наказание: так воспитывалось терпение. Одежда сводилась до минимума даже зимой.

А с 18 лет юноша становился эфебом, получал вооружение воина и занимался уже чисто военными упражнениями. С этого времени молодые спартиаты принимали участие в криптиях — ночных походах в поисках илотов. По их мнению, каждый илот, находящийся ночью вне дома, был заговорщиком и немедленно убивался.²³

Вполне возможно, что криптии были одной из пережиточных форм юношеских инициаций. Хотя более жестокую (опять же с нашей точки зрения) их форму представить себе трудно!

По древнему обычаю каждые десять дней эфебы должны были без одежды проходить перед эфорами — чиновниками, следившими за неукоснительным выполнением гражданами Спарты всех законов и постановлений. По поводу этого ежедекадного контроля над эфебами Павсаний сообщает: «Если они были крепкими и сильными, словно высечены из камня, благодаря телесным упражнениям, то их поощряли всеобщим одобрением. Если же эфоры замечали у них

²⁰ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Агесилай. II.

²¹ Педономами и педотрибами назывались старшие воспитатели-тренеры, в подчинении у которых находились младшие тренеры-практики (их называли гимнастами).

²² Gostkowski X. Sport w starożytności. С. IV.

²³ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Ликург. XVI–XVIII.

следы дряблости, рыхлости и лишнего жира (результат недостаточных тренировок), юношей подвергали телесному наказанию».²⁴

Стоит вспомнить и о том, что суровые лакедемоняне безжалостно изгоняли за пределы общины поваров, готовящих... вкусно и разнообразно. Ибо еда истинных спартанцев должна была быть предельно простой: деликатесы тут считались вредными (как и все, что могло избаловать человека).

Итак, умственное образование государством не поощрялось. Это было частным делом каждого спартиата. Основными же элементами обучения молодежи являлись охота, религиозные и военные танцы и, самое главное, разнообразные физические упражнения, которым посвящалась большая часть дня мальчиков и юношей. Главными видами физических упражнений были: бег, прыжки, метание, борьба, кулачный бой, игры.

Как мы уже упоминали, девушки-спартанки тоже не чуждались палестры. Главная цель их физической подготовки также связывалась с усилением военной мощи Спарты. Молодые лакедемонянки, крепкие и закаленные, готовились стать матерями таких же крепких и закаленных воинов.²⁵

Олигархический коллективизм дорических племен и, в частности, спартанцев проявлялся в том, что уже с 7 лет мальчики здесь объединялись в товарищества, что позволяло ввести их воспитание в еще более жесткие рамки.

Что же касается эфебов, то они входили в так называемые агелы. Вступая в эти товарищества, юноши давали клятву верности государству и суровым законам агелы. Тут все было подчинено интересам военного воспитания. И это касается не только Спарты, но почти в такой же степени и Крита.

Задачи воспитания в спартанской и критской агеле Страбон определил так: «Чтобы юноши стали мужественными, а не трусами, их с детства приучали к обращению с оружием и к тяжелым трудам, чтобы они научились презирать жару и холод, каменистые и крутые дороги, удары в гимнасиях и в сражениях в строю. У них были введены упражнения не только в стрельбе из лука, но также в военной пляске... в т. ч. даже игры у них не были свободны от полезных для войны упражнений».²⁶

Члены агелы были обязаны жениться все одновременно. И почти всегда выполняли это условие. Порой они даже давали взаимную клятву умереть в один и тот же день. Заметим, что в условиях частых и жестоких войн это иногда им удавалось даже помимо своей воли...

²⁴ Пausаний. Описание Эллады. III. XVII, 6.

²⁵ Forbes C. Greek Physical Education. New York, 1892. P. 59-65.

²⁶ Страбон. География. X, 480 и сл. Тут и далее ссылки даются на издание: Страбон. География / Пер. Г. А. Стратановского. М.: Наука, 1964. 457 с.

И тем не менее по своей социальной структуре агела была весьма сложной и неоднородной организацией. Кроме эфебов-аристократов, часто в состав товарищества входили юноши «полублагородного» происхождения (дети свободных спартанцев и илотов).

Некоторые исследователи усматривают прямую связь между спартанскими мужскими союзами и аналогичными организациями африканских, североамериканских и австралийских племен в эпоху первобытно-общинного строя.²⁷

Добавим, что это же можно сказать и о некоторых народностях Кавказа.²⁸

Петербургский ученый Ю. В. Андреев пишет: «...система гражданского воспитания в дорийских полисах охватывала и некоторую часть неграждан. Примером может служить сословие мофаков в Спарте, в состав которого входили лица негражданского происхождения».²⁹ Итак, названа еще одна социальная категория. Но точными данными относительно прав и функций мофаков в составе агелы мы сегодня еще не располагаем.

Названная система юношеских и мужских союзов (равно как и возрастных классов) имеет в своей изначальной основе очень древние традиции примитивного периода истории человечества и была общей почти для всех народов. Но характерно, что на Крите и в Спарте (всегда отличавшихся наибольшим консерватизмом) агела существовала гораздо дольше, чем в других государствах Древней Греции, так как именно дорийские племена больше прочих эллинов главной воспитательной задачей считали военную подготовку в сочетании с телесным закаливанием и строжайшей дисциплиной граждан.³⁰

* * *

Афинская воспитательная система существенно отличалась от спартанской. Впрочем, в отношении политическом у Афин и Спарты было много общего: необходимость обеспечения внешней независимости от покушений со стороны других полисов и упрочение своего господства над более слабыми государствами.

Но зато, в отличие от консервативно-земледельческой Спарты, Афины выступали как государство с широко развитой торговлей. Здесь бурно и своеобразно развивались науки и искусства. Особенно в V веке — в период наивысшего расцвета древнегреческих полисов.

²⁷ Андреев Ю. В. Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). Автореферат канд. диссертации. Л., 1967. С. 10.

²⁸ Там же. С. 11.

²⁹ См. нашу работу: От эллинов до наших дней. М., 1975. С. 106 и сл.

³⁰ Страбон. География. X, 20; Платон. Законы, I, 626; II, 666.

Афины являлись государством с наиболее ярко выраженными формами античной демократии.³¹ Торгово-промышленное направление, демократизм и многогранная культура обусловили то, что афинское воспитание (и, в частности, воспитание физическое) выглядело совершенно иначе, нежели в Лакедемоне.

Напомним, что в Афинах, как и в Спарте, тоже существовал обычай умерщвления слабых младенцев. Но здесь, в демократическом государстве, вопрос о жизни и смерти ребенка решали не чиновники, а сам отец.

Первый этап воспитания детей составляли всевозможные игры. А с 7 лет начиналась школьная жизнь афинского мальчика.³² В отличие от Спарты ребенка тут и в учебный период не отрывали от семьи. До 14–16 лет мальчик под присмотром раба или дядьки посещал частные школы, где обучался музыке, чтению, письму и, разумеется, физическим упражнениям.³³

В Афинах существовало три вида школ, которые могли посещаться одновременно: грамматическая, музыкальная и гимнастическая (палестра). В палестре мальчик-афинянин находил значительную часть дня. Здесь, под руководством педономов и гимнастов, он проводил время в непрерывных упражнениях и дружеских состязаниях со своими сверстниками. Но уже с 14–16-летнего возраста воспитание афинянина протекало в общественных гимнасиях. Теперь им руководили гимнасиархи,³⁴ педотрибы и все те же гимнасты. Значительно увеличивалась физическая нагрузка. Одновременно вводились и элементы общественного воспитания (беседы со взрослыми, посещение театров, судов, народных собраний, музыкальных состязаний и состязаний атлетов).³⁵

Воспитание в гимнасиях являлось подготовкой к военному обучению. Восемнадцатилетний юноша мог быть принят в число свободных граждан: принеся присягу на верность государству, он вступал в ряды эфэбов. Этот торжественный акт сопровождался вручением ему на агоре³⁶ экипировки солдата.

³¹ Древняя Греция / Под ред. В. В. Струве и Д. П. Каллистова. М.: АН СССР, 1956. С. 209–233.

³² Аристотель. Политика, VII, 15, 1, 1336, 3 и сл.

³³ *Exarchopoulos X.* Указ. соч. С. 6–9.

³⁴ Гимнасиарх — лицо, управляющее всей жизнью гимнасия (который нередко сооружался именно на средства самого гимнасиарха, что для последнего считалось величайшей честью).

³⁵ *Gardiner E.* *Athletics of the Ancient World.* Oxford, 1955. P. 66–77.

³⁶ Агора — городская площадь, где происходили все важнейшие общественные события и, естественно, был расположен рынок.

Двухлетнее обучение эфэбов сначала проходило в лагерях, где они осваивали технику и тактику ведения боя. Второй год эфэбы проводили уже в отдаленных гарнизонах. Они вели жизнь регулярных солдат, неся сторожевую службу на границе государства.

Несмотря на общность конечной цели (защита государства от внешних и внутренних врагов), между воспитанием молодежи в Афинах и Спарте видны существенные различия. Афинская система открывала больше возможностей для разностороннего совершенствования личности. Военно-физическая подготовка не мешала тут делу широкого культурного развития. В Спарте же являлось нормой не только узко военное воспитание, но и беспрекословное приношение интересов отдельной личности в жертву полисному коллективу.³⁷

Однако при этом нельзя забывать, что и афинское государство дело умственного воспитания нередко предоставляло частной инициативе. Многие тут зависело и от финансовых возможностей родителей. В Спарте же весь педагогический процесс (правда, весьма специфический и узкий) не только контролировался, но и осуществлялся государством. А в Афинах такая опека распространялась на воспитание лишь частично (т. е. на воспитание физическое). Первые публичные гимнасии тут появились в VI веке до н. э., а в V веке их планировка и архитектура достигли максимального совершенства.³⁸

А вот общеобразовательные школы в Афинах появились, вероятно, еще в VII веке до н. э. Первые школьные законы составил Солон. В частности, предусматривалось, чтобы занятия проводились только в дневное время. Ибо уже тогда было ясно, что искусственное освещение портит зрение детей и взрослых.

По тем же законам отец не имел права требовать, чтобы сын содержал его в старости, если он этого сына ничему не выучил (т. е. не отдал в школу и не помог затем приобрести профессию).

Более детально государство в школьные дела не вмешивалось. Каждый афинянин имел право выбирать школу и учителей по своему усмотрению. За обучение платили сами ученики.

Впрочем, были тут и весьма существенные исключения: афиняне обучали за государственный счет тех детей, отцы которых пали на поле битвы, защищая отчизну. Иногда греческие города плати-

³⁷ Древняя Греция / Под ред. В. В. Струве и Д. П. Каллистова. М.: АН СССР, 1956. С. 220–231.

³⁸ Принципы воспитания эллинов особенно широко и всесторонне освещены в фундаментальной трехтомной работе Вернера Йегера: *Paideia.* Bd. 1–3. Berlin; Leipzig, 1934–1947.

ли из своей казны и за обучение детей-беженцев (когда случалась очередная война).³⁹

В городах и даже селах велись официальные списки лиц с гимнасийным образованием. Лишь они могли быть кандидатами на высшие государственные должности (и в частности — на такой почетный пост, как гимнасиарх). Причем ежегодный перечень победителей в поэтических и музыкальных состязаниях венчался именами учеников, победивших в юношеских агонах на стадионах и в палестрах.

Греческая пайдея (воспитание, обучение, образование, культура, просвещение — весь комплекс этих понятий) несомненно явилась закономерным следствием древнегреческой демократии.⁴⁰

Итак, со временем гармоническое воспитание стало почти нормой не только в Афинах, но и во многих других городах и городках, где жили свободные эллины. Нередко оно осуществлялось на частные пожертвования. Так, в малоазийском городе Тоссе (одна из древнегреческих колоний) гражданин Полифор в III веке до н. э. завещал своей родине весьма солидную сумму: «...чтобы все свободно-рожденные дети воспитывались согласно моей воле, ежегодно избирать трех учителей, которые будут обучать мальчиков и девочек. Плата учителю первого класса — 600 драхм в год, второго — 550, третьего — 500 драхм».⁴¹

Многоопытный грек понимал, что заниматься с шумными и непоседливыми малышами значительно труднее, нежели с «солидными» третьеклассниками.

В том же документе благодетель города приказывает избрать и двух педотрибов с ежегодной платой в 500 драхм, и учителя музыки (которому положено 700 драхм в год). А тренеры по копьеметанию и стрельбе из лука — тоже обязательные предметы! — удовлетворялись более скромными суммами: соответственно 250 и 300 драхм. Причем кандидатуры на все эти должности подбирали гимнасиарх, но окончательно их утверждало народное собрание Тесса.

В другой малоазийской колонии — знаменитом Милете — учителя и педотрибы избирались публично народным собранием на один год. Желающие занять эту должность записывались у педономов с 15 по 20 число месяца Артемисия (что соответствовало второй половине нашего мая), после чего имена кандидатов заносились на стелу и выставлялись на городской площади, чтобы все граждане имели возможность их прочесть.

Избрание педагогов происходило в торжественной обстановке. Тут обязательно присутствовали жрецы главных храмов и, разумеется, те лица, которые пожертвовали большие суммы на городские

³⁹ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Фемистокл, X.

⁴⁰ Кессиди Ф. X. От мифа к логосу. М.: Мысль, 1972. С. 25.

⁴¹ Бузескул В. Указ. соч. С. 152.

гимнасии и палестры. Голосование, как и в наши дни, проводилось поднятием рук (так называемая хейротония). Но перед этим кандидат был обязан торжественно поклясться, что ни перед кем из должностных лиц не хлопотал об избрании и не использовал в своих интересах близких, друзей и знакомых.

В честь тех, кто жертвовал городу часть своих доходов, сооружались статуи, издавались торжественные декреты, им предоставлялась ателия (освобождение от налогов) и почетные места на всех зрелищах.

В гимнасиях Пергама (точнее — на его руинах) и сейчас археологи находят колонны, воздвигнутые в честь гимнасиархов. На базах этих колонн ученики могли прочесть имена граждан, которым они обязаны возможностью обучаться в данном гимнасии: кто его построил, кто украсил фресками и скульптурами, кто расширил учебные и тренировочные помещения, заботясь об юных эллинах и их образовании.

Наибольшей же честью для гимнасиархов, педономов и педагогов было вот что: после смерти их благодарные ученики торжественно хоронили своих любимцев на территории гимнасия.⁴²

На одном из могильных памятников II века до н. э. изображен учитель в окружении учеников. А из стихотворной эпитафии мы узнаем: покойный занимался «элементарным преподаванием» (т. е. учил младших школьников) на протяжении пятидесяти двух лет.

Но было бы ошибкой думать, что в каждом городе существовало достаточное количество меценатов-благодетелей и что жизнь всех учителей была столь же почетной, сколь и приятной.

Например, скромные «грамматисты» (учителя грамматики) не всегда получали от города хотя бы минимальную плату. Часто школа, как уже было сказано, содержалась лишь на деньги учеников. А поскольку взносы эти были не всегда регулярными, то многие учителя откровенно бедствовали. Случалось, например, что в месяце было несколько праздников (между прочим, на некоторые эллинские месяцы приходилось до девятнадцати праздничных дней) и родители, «чтобы не вносить деньги зря», просто не посылали в такой период своих детей в школу вообще (даже в будние дни). И полуголодный педагог оказывался в довольно критическом положении...

Поэтому слова «школьный учитель» иногда звучали даже насмешливо: они были синонимом бедности. А если кто-нибудь надолго исчезал с горизонта друзей и знакомых, о нем говорили в шутку: «Он, вероятно, умер или учит где-то грамоте детей».

Древнегреческие школьники хорошо были знакомы с розгами: физические наказания, к сожалению, являлись существенной составной частью античной педагогики. Уже в наши дни ученые-археологи нашли обрывок папируса, на котором неизвестный эллинс-

⁴² Бузескул В. Указ. соч. С. 152 и сл.

кий школьник (живший во II веке до н. э.) четырежды переписал каллиграфическим почерком фразу: «Будь прилежен, мальчик, чтобы тебя не высекли!»

Положение педотрибов и гимнастов всегда оставалось более почетным и стабильным, чем, например, статус вышеназванных «грамматистов». Ибо в Афинах традиционно считалось, что воспитание физическое является основой всех основ.

В то же время было бы грубой ошибкой утверждать, что единственной и главной целью педотрибов и гимнастиархов являлась подготовка боеспособных воинов. Причин процветания физического воспитания и агонистики в Элладе много. Об этом речь пойдет ниже.

Корни же традиционных эллинских состязаний обычно уходят в доисторическую эпоху. Поэтому древнегреческая мифология очень подробно (порой даже в нескольких вариантах) рассказывает о происхождении главных священных игр. Разумеется, как и всегда, речь идет о богах и героях.

ПЕДАГОГИКА СОСТЯЗАНИЙ

Священные игры, кроме своей общеизвестной религиозной и спортивной стороны, имели и несомненное воспитательное значение. Элладодики⁴⁵ строго штрафовали (а то и наказывали палками) каждого участника, совершившего неэтичный поступок и нарушившего тем самым положения Олимпийского устава. Так, был оштрафован в 98-ю Олимпиаду фессалиец Эвпол, подкупивший своих соперников — кулачных бойцов Агетора, Пританиса, Формиона. Последние тоже были наказаны за корыстолюбие.⁴⁴

Тот же Павсаний рассказывает о таком примечательном случае: «...в 192-ю Олимпиаду решился на это (на подкуп. — Ю. Ш.) элеец Дамоник; предстояло состязание за победный венок в борьбе между сыном Дамоника Поликтором и Сосандром, родом из Смирны, носившим одно имя с отцом. Так как Дамоник страшно хотел, чтобы победа досталась его сыну, он дал взятку Сосандру-отцу. Когда эта сделка разгласилась, то элладодики наложили наказание, но они наложили его не на сыновей, а обратили свой гнев на отцов: ведь это они совершили несправедливость».⁴⁵

Виновные подвергались весьма солидным штрафам и карались всеобщим презрением. А на штрафные деньги в Олимпии воздвига-

⁴⁵ Элладодики — дословно «эллинские судьи». На античных стадионах власть их была практически неограниченна: элладодики выполняли функции и судей, и тренеров одновременно. Еще их называли агонофетами.

⁴⁴ Павсаний. Описание Эллады. V, XXI, 2.

⁴⁵ Там же. V, XXI, 6.

лись статуи Зевса (так называемые «заны»), пьедесталы которых украшали порой стихотворные надписи нравоучительного характера. Одна из них, например, гласила:

ПОБЕДА В ОЛИМПИИ ДОБЫВАЕТСЯ НЕ ДЕНЬГАМИ,
А БЫСТРОТОЙ НОГ И КРЕПОСТЬЮ ТЕЛА.

Другой дистих напоминал:

СОСТЯЗАНИЯ В ОЛИМПИИ — ЭТО СОСТЯЗАНИЕ
В ДОБЛЕСТИ, А НЕ В БОГАТСТВЕ.⁴⁶

В 201-ю Олимпиаду александриец Сарацион, испугавшись своих противников, позорно удрал со стадиона. И его оштрафовали за трусость.⁴⁷

Презирали греки и своекорыстных лжецов — тех атлетов, которые пытались использовать свое спортивное искусство с целью обогащения. Так, на 218-х Олимпийских играх был оштрафован Аполлоний — кулачный боец из Александрии. Вот что писал по этому поводу Павсаний: «Это был первый из египтян, кого элейцы осудили за неправильный образ действий. Он был признан виновным не в том, что давал взятку или получил ее... Он прибыл не в назначенный срок и элейцы, на основании своего закона, не внесли его в списки и не допустили до состязаний, а его оправдание, будто в Кикладских островах он был задержан противными ветрами, было уличено как обманное Гераклидом, тоже родом из Александрии, который показал, что Аполлоний опоздал потому, что останавливался, зарабатывая деньги на состязании в Ионии. Таким образом элейцы отстранили от состязаний как Аполлония, так и других кулачных бойцов, которые не прибыли к назначенному сроку, и отдали венок победителя Гераклиду без состязания...»⁴⁸

Свидетельство писателя-путешественника для нас тем более ценно, что речь идет не о классическом, а о римском периоде истории Эллады, когда многие положения древнего Олимпийского устава соблюдались уже далеко не так свято, как в VI–V веках до н. э.

Тем не менее, как видим, суровые элладодики сумели поставить на место нечестных и своекорыстных атлетов.

Иногда бывало, что элладодики выставляли на игры свои конные упряжки и завоевывали венки победителей, так сказать, без отрыва от производства: сами они судили состязания атлетов, а в это время безымянный возница добывал славу для очередного агонофета. Однако со временем это было признано недопустимым, неэтичным и запрещено Олимпийским уставом.⁴⁹

⁴⁶ Павсаний. Описание Эллады. V, XXI, 2–3.

⁴⁷ Там же. V, XXI, 7.

⁴⁸ Там же. V, XXI, 5–6.

⁴⁹ Там же. VI, I, 2.

Небезопасно было публично опротестовывать мнения судей. Правда, недовольные решением элладотиков имели официальное право обратиться к Олимпийскому совету и добиваться осуждения необъективных (по их мнению) судей. Но (многозначительно подчеркивалось в уставе) — лишь на собственный страх и риск. Предостережение это было тем более внушительным и весомым, что на стадионе все время находились номофилаки (чиновники, следящие за строгим соблюдением всех правил на играх), в распоряжении которых имелись отряды рабдухов («палочников»). И провинившихся грубых атлетов, слишком шумных зрителей, но особенно — подавших ложные жалобы на судей — наказывали тут же на месте энергично и весьма оперативно.

Но суровой всего карали эллины тех атлетов, которые на стадионах изменяли родному городу и соотечественникам.

Когда кротонский бегун Астил (одержавший в Олимпии три победы подряд) вдруг объявил себя сиракузянином (разумеется, не безвозмездно), его земляки немедленно постановили: дом олимпийника превратить в тюрьму и свалить статую Астила, поставленную ему за предыдущие победы.⁵⁰

Еще более плачевным оказалось положение победителя 99-х Олимпийских игр, бегуна на длинные дистанции Сотата. Уроженец того же города Кротона, он вздумал за деньги выступить от имени Эфеса. Кротоняне приговорили Сотата к изгнанию (что для грека тех времен было порой равносильно смерти как по моральным, так и по сугубо житейским мотивам).⁵¹

Лишь через много лет, будучи уже седым стариком, опозоренный и отвергнутый согражданами олимпийник вымолил, наконец, у них прощение и вернулся на родину. Передавали, что умер он у пьедестала, на котором когда-то стояло его скульптурное изображение...

Порой к подобным «стадионным подменам» пытались принудить мальчиков (происхождение которых часто было весьма трудно установить). Но, отдавая должное маленьким эллинам, будущим атлетам, надо заметить: подавляющее большинство юных состязателей оказывало бешеное сопротивление таким нечестным попыткам. Заботясь и о своей чести, и о славе родного города (которому не желали изменять), они стойчески переносили самые жестокие наказания (которым их подвергали непорядочные, охочие до денег родители).

О громадном влиянии спортивных состязаний на жизнь эллинов, об их ни с чем не сравнимой популярности свидетельствует и то, что в конце IV века до н. э. историк Тимей ввел летосчисление по олимпиадам.⁵² Писатели и хронографы, рассказывая о каком-либо при-

⁵⁰ Павсаний. Описание Эллады. VI, XIII, 1.

⁵¹ Там же. V, XVIII, 4.

⁵² Lexicon der Antike. Leipzig, 1971. S. 558.

мечательном событии, стали нередко употреблять такие традиционные стилистические выражения: «Захват Дельф фокейцами был совершен... в четвертый год 105-й Олимпиады, когда Прор из Кирены победил в беге».⁵³ Или у другого автора: «На следующий год, в котором состоялась 93-я Олимпиада, где в дополнительном состязании двуконных колесниц победил Эвагор, элеец, а в бегах — Эвбот, киренец ...при эфоре Эвархиппе в Спарте, при архонте Эвктемоне в Афинах, афиняне обнесли стеной Форик».⁵⁴ Или еще: «Фокейская война закончилась в первый год 108-й Олимпиады, когда в беге победил Поликл из Кирены».⁵⁵

Как видим, эти своеобразные *loci communes* древнегреческой прозы тоже связаны с играми и атлетами, хотя во всех упомянутых случаях речь идет вовсе не о спортивных состязаниях. У Геродота, Фукидида, Ксенофонта и других находим многочисленные варианты подобных оборотов, вызванных к жизни именно той громадной ролью, которую играла агонистика в жизни греков. Связано это еще с тем, что каждая Олимпиада получала название по имени победителя в простом беге.

Звание не только олимпийника, но и просто участника игр обязывало ко многому. Идея гражданской доблести выдвигалась на первый план. Требования, предъявляемые к атлету, были очень высоки. Недаром в день открытия очередных Олимпийских игр глашатай объявлял имя и родину участника, спрашивая, не оспаривает ли кто-нибудь его права на звание гражданина и честного человека (это конкретно предусматривалось одним из параграфов Олимпийского устава). Да, быть атлетом, да еще и на играх — большая честь, которой надо дорожить и ни при каких обстоятельствах не ронять. Вспомним, какое негодование и отвращение вызывала у Лукиана картина, изображавшая Геракла в женском платье прислуживающим Омфале.⁵⁶ Зрелище поистине недостойное «великого атлета»!

Рассказывают, что когда в старости атлет Тиманф уже не мог натянуть свой лук, он бросился в огонь...⁵⁷

КАЛОКАГАТИЯ НА СТАДИОНАХ

Разумеется, этические и эстетические взгляды древних греков весьма существенно отличались от наших современных. Такие

⁵³ Павсаний. X, II, 2.

⁵⁴ Ксенофонт. Греческая история. I, 2, 1. Тут и далее — перевод С. Я. Лурье по изданию: Ксенофонт. Греческая история. Л.: СоцЭКГИЗ, 1935.

⁵⁵ Павсаний. X, III, 1.

⁵⁶ Лукиан. Как надо писать историю? Раздел 10-й.

⁵⁷ Павсаний. VI, XI, 3.

понятия, как доблесть, мужество, честь (по-древнегречески все это можно выразить словом ἀρετή (arete)), в сознании эллинской элиты гомеровского и классического периодов во многом определялись физический силой, выносливостью и, наконец, телесной красотой. Впрочем, определялись не изолированно, не абстрактно, а (весьма желательно!) в социальном комплексе. Или, говоря языком современным, — в сочетании с высокими моральными качествами. Итак, ἀρετή явилась в определенный период истории Древней Греции основой гармонического развития как отдельных эллинов, так и целых семей, городов и даже государств.

Следующая, более высокая социальная ступень олимпийской гармонии была примечательна тем, что в общественной жизни эллинской аристократии (а следовательно, и в институте агонистики) исключительную роль играла калокагатия (kalokagathia). Это понятие служило самой выразительной и всеобъемлющей характеристикой классического идеала эллинов.

Καλὸς καὶ ἀγαθὸς (или καλὸς καγαθός) — совершенный во всех отношениях, идеальный гражданин, являющийся образцом для подражания. Это специфически аристократическое понятие существовало в древнегреческой литературе очень долго, постепенно меняя свое содержание.

По определению И. Нахова, «калокагатия возникла как самое законное дитя греческого рабовладельческого общества, как сублимация господствующих представлений о внешних и внутренних достоинствах идеального гражданина полиса».⁵⁸

Не менялись социально-политические задачи калокагатии: возвышение и прославление «достойных», «добрых», «хороших», «благородных» и т. д. граждан — процветающих, здоровых, сильных, богатых и пользующихся если не любовью, то уважением соотечественников. Но само содержание этого понятия со временем претерпевало значительные изменения.

На смену генеалогическому аристократизму в молодых полисах пришла скороспелая роскошь новоявленных богачей. Благородство теперь измерялось не столько духовными талантами, сколько талантами золотыми.

В социально-историческом аспекте интересную классификацию подвидов калокагатии предлагает А. Ф. Лосев.⁵⁹

По этой градации первой является старинно-аристократическая калокагатия, которая возникла еще в недрах разлагающегося об-

⁵⁸ Нахов И. М. Классическая калокагатия и кинический идеал // Тезисы докладов на III Всесоюзной конференции по вопросам классической филологии. Киев, 1966.

⁵⁹ Лосев А. Ф. Классическая калокагатия и ее типы // Вопросы эстетики. № 3. 1960. С. 416 и далее.

щивно-родового строя. Второй тип — общественно-показная, или общественно-демонстративная калокагатия, во многом связанная с демократическим государственным устройством. Такая калокагатия лучше всего проявлялась на стадионах во время состязаний, в театрах и вообще была калокагатией «...всей внешней, демонстративной стороны греческой культуры».⁶⁰

Третий тип калокагатии выработало греческое рабовладельческое мещанство. Литературным выразителем мещанской калокагатии был Ксенофонт.

Полнокровность и гармоническое изящество произведений древнегреческого классического искусства родились как синтез того лучшего, что могли дать все три типа эллинской калокагатии. Все это никогда не нашло своего истинного выражения вне Олимпийских игр и прочих эллинских агонев.⁶¹

Естественно, что классическая калокагатия как основа греческой скульптуры должна была выражать и выражала гармонию тела и души. Ее непременным условием было могучее, красивое, пропорциональное, тренированное тело и выступления на стадионах во славу города и предков.

Но уже в эпоху расцвета классической калокагатии созревали зерна ее критики (Ксенофан, Сократ, Еврипид, Исократ).

Целенаправленное же и всесторонне обоснованное наступление на однобокие «добродетели» атлетов повели киники. Идеологи демоса, лишенного возможности постоянно тренироваться в гимназиях, киники едко высмеивали такую «добродетель», как умение свалить ударом кулака своего партнера-агониста.

Стандартному идеалу «прекрасного и доброго» киники противопоставляли свою концепцию мудреца, воплотившуюся в образах Сократа, а затем — Диогена. Они отождествляют понятия σοφός = καλὸς καγαθός = ἀνὴρ ἀγαθός (доблестный муж). Все эти термины равно выражают один и тот же общественный и нравственный идеал — конечную цель кинического воспитания.

Низы греческого общества устами своих идеологов выражали собственное духовное превосходство, доказывая, что их трудолюбие и ум выше калокагатии высокомерных аристократов.⁶²

Постулат духовной красоты человека — самое ценное в учении этих философов (Диоген Лаэртский, Дион Хрисостом, Кратет, Ан-

⁶⁰ Лосев А. Ф. Классическая калокагатия и ее типы // Вопросы эстетики. № 3. 1960. С. 416.

⁶¹ См. уже знакомую работу Вернера Йегера (II. С. 113), а также монографию: Милеев С. Искусство родилось в Олимпии. М.; Л., 1934.

⁶² См., например: Диоген Лаэртский. VI. 2.

тисфен и другие). Однако подробней взгляды киников мы раскроем при рассмотрении педагогических воззрений эллинских мыслителей.

В Древней Греции существовали, если можно так выразиться, многочисленные атлетические династии, где сыновья подхватывали олимпийскую эстафету отцов. Достаточно вспомнить уроженца острова Родос кулачного бойца Диагора, братья, дети и внуки которого тоже стали олимпийщиками. Ведь легендарная Каллипатера-Ференика также была дочерью Диагора, что, как рассказывали древние, спасло ее от наказания за появление на Олимпийском стадионе.⁶⁵ В списках победителей фигурируют Демодок и его сын Анаксагор из Арголиты, Пурфей и его сын Пурфей из Афин и многие другие отцы и сыновья.

А вот еще один замечательный штрих. Подобно тому как быллин-ный богатырь выступает в одиночку против целого войска, в так называемой Ламийской войне от ахейцев участвовал только борец Хилон, который официально был приравнен к целому отряду. Этот случай не является чем-то исключительным в практике войн того времени и лишней раз говорит об уважении и популярности, какими пользовались у греков лучшие атлеты.

Обязательной принадлежностью каждого гимнасия были гермы.⁶⁶ С детства доказавший свою ловкость, хитрость и силу, Гермес официально считался богом-покровителем молодых атлетов. На его помощь они возлагали надежды перед борьбой или состязанием в беге.

Многочисленные мифы рассказывают не только о силе, но и о быстроте ног Ахилла, который без собак настигал оленей. Прекрасным стрелком из лука считался Аполлон. Как видим, на греческом Олимпе атлетов было немногим меньше, чем в Олимпии.

Культе юноши-атлета, господствовавший в Элладе властно распространялся и за пределы Греции. Даже египтяне, тщательно ограждавшие себя от иноземных влияний, «...по эллинскому образцу устраивают в честь Персея гимнастические состязания всякого рода, назначая в награду (победителям) головы скота, плащи и звериные шкуры».⁶⁷

Если в «послужном списке» элина числились спортивные победы, то его биограф (или писатель, просто упоминающий о нем) не проходил мимо этого факта. Например, говоря о помощи аргивян

⁶⁵ Павсаний. III, XIII, 7; Пиндар. Olympia, VIII. Pythia, VIII; Riedel L. *Ferēnikē i Pejsidoros*. Warszawa, 1959.
⁶⁶ Гермями назывались декоративные колонны (чаще всего каменные), увенчанные головой Гермеса.
⁶⁷ Геродот. II, 91.

эгинянам в войне против афинян, Геродот писал: «...около 1000 добровольцев под предводительством Еврибата, искусного борца в пятиборье, прибыло на остров».⁶⁸ Более того, характеризуя влияние и значение античных игр, В. В. Латышев отмечал: «Эти состязания пользовались большим уважением, и победа ценилась так высоко, что первые сановники государства почитали за честь принимать участие в них, с гордостью записывая в официальных документах свои победы».⁶⁷

О том, насколько стремился каждый грек увидеть свое имя на мраморной стеле стадиона, красноречиво свидетельствует один из рассказов Геродота. Когда изгнанный из Афин Кимон одержал на Олимпийских играх победу в беге колесниц и разрешил Писистрату провозгласить себя победителем, тот позволил ему за это вернуться на родину.⁶⁸ В данном случае гипноз олимпийской славы оказался сильнее личных и политических симпатий и преубеждений...

Нас и сейчас восхищают своим совершенством произведения древнегреческих скульпторов. Почти каждая статуя того времени — безукоризненное изображение не менее безукоризненного человеческого тела. Можно смело утверждать, что в большинстве случаев скульптору не приходилось фантазировать: он всегда имел перед глазами сотни людей, развитых гармонично и красиво. Однако, если посмотреть глубже, дело не ограничивалось идеальными формами, как это может показаться на первый взгляд. По своему замыслу древнегреческая скульптура символична и всеобъемлюща. «Идея красоты человека в понимании греков классической эпохи была неразрывно связана с понятием гражданской доблести. Центральное место в скульптуре V века до н. э. занимает образ юноши-атлета, гражданина, воина и защитника отечества».⁶⁹

Олимпийский стадион в дни торжеств охотно посещали лучшие люди Эллады. Здесь встречались друзья, глашатаи во всеуслышание объявляли о государственных решениях, поэты читали свои стихи.

Насколько велика была слава олимпийщика, настолько опозоренным считался струсивший или даже просто потерпевший поражение атлет. Победенные пробирались домой самыми окольными путями, часто ночью, чтобы встретить как можно меньше людей — свидетелей их позора.

⁶⁸ Геродот. VI, 92.

⁶⁷ Латышев В. В. Исследование об истории и государственном строе г. Ольвии. 1898. С. 17.

⁶⁸ Геродот. VI, 103.

⁶⁹ Бритова Н. Пракситель. М.: Искусство, 1956. С. 11.

Греки едко высмеивали тех, кто не закалял свое тело упражнениями, преждевременно толстел и вообще не соответствовал гражданскому идеалу. Неоднократно отражалась эта тенденция и в литературе. Вспомним слова Диониса в «Лягушках» Аристофана:

*...до коллик на днях
Я смеялся на празднике Панафиней:
Вздумал в беге участвовать кто-то кривой,
Белотелый и пухлый.⁷⁰*

Трудно перечислить все те почести, которые воздавались атлету-победителю. Кроме всех наград, в родном городе под портиком выставлялось его изображение в красках, в честь олимпийцев и победителей других панэллинских игр чеканились особые монеты; он был первым кандидатом на почетные общественные должности, для победителя всегда оставались первые места в театре, на праздниках и ...на поле боя. Но всегда наивысшей и самой желанной наградой оставался венок победителя (как из ветвей священной оливы, так и пальмовый, сосновый, из петрушки, сельдерея, лавра и др.).⁷¹

Атлет, увенчанный в Олимпии трижды (олимпийчик), или периодоник (победитель на четырех главных играх в течение одного четырехлетнего периода) могли поставить в Олимпии свое изображение. Часто это делали их соотечественники. Некоторые особенно выдающиеся атлеты еще при жизни почти обожествлялись. Так, периодоник Эфиалий имел право приносить своему золотому изображению жертвы, как статуе бога (Павсаний, Фукидид, Геродот, Элиан).

Впрочем, известны случаи, когда в Альтисе устанавливали статуи и простых олимпийцев, что оговаривалось в надписях на пьедестале. Нельзя не вспомнить и о таком общеизвестном факте: когда олимпийчик возвращался с наградами домой, соотечественники разбирали крепостную стену и через необычный проход атлет торжественно вступал в родной город. Этим давали понять, что городу, в котором живет такой герой, не нужны каменные стены: атлет сам защитит земляков от любого врага.⁷²

Павсаний пишет: «На одной из дорог, ведущих в Орхомен, есть так называемый стадион Лада, на котором Лад упражнялся в беге».⁷³

О легендарном спартанском бегуне Ладе рассказывали, что он проносился по тренировочной дорожке с невероятной быстротой: даже не оставляя следов на песке (!). Но, кроме того, что у Павсания мы нашли первое упоминание о «персональном стадионе», извест-

⁷⁰ Аристофан. Лягушки. С. 1089–1092 / Перевод А. Пиотровского.

⁷¹ Schöbel H. Olympia und seine Spiele. S. 103–106.

⁷² Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Ч. II. С. 125.

⁷³ Павсаний. VIII, XIII, 3.

но: статуя Лада была одной из самых прославленных скульптур Мирона. Так нередко на агонистической почве переплетались легенды и вполне реальные факты.

ЭЛЛИНСКИЕ МЫСЛИТЕЛИ — О ГАРМОНИЧЕСКИ РАЗВИТОМ ГРАЖДАНИНЕ

Древние греки впервые в истории человечества не только поставили, но и в значительной степени решили вопрос о воспитании человека, гармонически развитого в интеллектуальном и физическом отношении.

Педагогическая система эллинов, достигнув своего высшего уровня (V–VI века до н. э.), предполагала пропорциональное сочетание физических упражнений с гуманитарным воспитанием. Ведущая роль тут принадлежала не только сугубо педагогическим или политическим, но и эстетическим принципам эллинов. Почетное место в этой системе занимали и агонистика, и искусство. Ибо, согласно учению античных мыслителей, литература, скульптура и музыка для души являются тем же, чем гимнастика для тела.⁷⁴ Этот период древнегреческого искусства был характерен тем, что в музыке преобладала гармония, а в скульптуре все более утверждался эстетический принцип соразмерности частей человеческого тела.

С другой стороны, в Греции физическому воспитанию порой формально противопоставлялась философия (в действительности же они взаимно дополняли друг друга).

Исократ, выступавший против неразумного увлечения гимнастикой за счет умственного развития, одновременно пытался раскрыть в своих речах связующие звенья агонистики и философии: «...некоторые из людей, живших задолго до нас, видя, что искусства, связанные со всеми остальными сторонами жизни, весьма многочисленны, но нет таких, которые занимались бы воспитанием тела и души, — изобрели и завещали нам две науки: та, объектом которой является человеческое тело, называется педотрибика и частью ее является гимнастика, другая же занимается душой человека и называется философией. Обе науки эти соответствуют друг другу, связаны и согласованы между собой, и с их помощью наставники этих наук делают человеческие души более разумными, а тела более совершенными: науки эти недалеко отстоят одна от другой и пользуются сходными методами обучения, упражнениями и другими средствами и установлениями».⁷⁵

⁷⁴ Подробнее об этом см.: Лосев А. Ф. История античной эстетики. М., 1963. С. 86 и далее.

⁷⁵ Исократ. Об обмене имуществом, 181–182 / Перевод В. Г. Боруховича.

Доказательства и подтверждения возможного диалектического единства философского воспитания и физической подготовки эллинов предоставляет нам сама античная действительность. Во-первых, многие знаменитые философы, ученые и поэты, как правило, были хорошими атлетами (Пифагор, Гиппократ, Платон, Хрисипп, Софокл, Еврипид и другие).⁷⁶

Во-вторых, свои беседы с учениками эллинские философы часто проводили в гимназиях.

В-третьих, чтение поэтических, исторических и философских произведений на стадионах тоже служит доказательством единства интеллектуального и физического направлений в воспитательной системе эллинов. Ибо мест и поводов для стечения обитателей греческих городов было немало (театральные представления, народные собрания, культовые церемонии и т. д.). Тем не менее трибуной эллинских мудрецов и государственных деятелей чаще всего был Олимпийский стадион.⁷⁷

В-четвертых, наконец, и писатели, и философы, и историки того времени (равно как и в более поздние периоды) в своих произведениях широко использовали агонистическую терминологию в качестве литературных тропов. Лексика атлетов, гимнастов, педотрибов и алланодиков в немалой степени питала литературу, а та, в свою очередь, занимала весьма почетное место на панэллинских состязаниях (особенно благодаря Архилоху, Симониду Кеосскому, Пиндару, Вакхилиду и другим поэтам Древней Греции).

Ключевые проблемы воспитания вообще и агонистики в частности глубоко интересовали многих греческих ученых, независимо от представляемой ими науки.

Платон в своих мечтах об идеальном государстве явно предпочитал педагогическую систему спартиатов. Всячески отстаивая тезис гармонического развития, Платон считал, что в его воображаемой державе мусическим искусством и агонистикой должна заниматься только правящая верхушка — философы и стражи.⁷⁸ Больных и слабых детей следует — считал он — немедленно после рождения умерщвлять, а здоровых передавать для воспитания в специальные государственные школы. Первоначальное обучение, по Платону, следует начинать с семилетнего возраста и заканчивать к 16–17 годам. При этом «...кто наилучшим образом чередует гимнастические

⁷⁶ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Алкивиад. IV; Дюперрон Г. Краткий курс истории физических упражнений. 1924. С. 6; Милев С. Искусство и физическая культура. М.; Л., 1931. С. 67.
⁷⁷ Элиан. Пестрые рассказы. XIII, 43.
⁷⁸ Платон. Государство. III, 401–405.

упражнения с мусическим искусством и в надлежащей мере преподносит их душе, того мы вправе были бы считать достигшим совершенства...»⁷⁹

К этому Платон добавляет еще чтение, письмо, арифметику и некоторые другие науки, в чем определенно отходит от спартанской системы. По мысли философа, первоначальное обучение должно было выявить среди детей наиболее способных к государственной и военной деятельности. Всех прочих предполагалось зачислять в класс ремесленников (демос). А предназначенные для научной или военной карьеры должны были с 17 до 20 лет проходить школу эфэбов.

Отводя в своем «Государстве» значительное место физической и военной выучке, Платон считал, что это обучение следует в равной степени распространять и на мужчин, и на женщин (что опять возвращает нас к спартанскому идеалу). А руководить молодежью должны «...общественные учителя, состоящие на жаловании у государства. Их учениками будут свободные мальчики и мужчины, девочки и женщины, если только эти последние понимают в этом деле толк, обучившись еще в девичестве всяким пляскам в полном вооружении и бою; по выходе же замуж, ознакомившись с тактическим развертыванием, строем, надеванием и сниманием оружия. Это следует делать если не ради чего-нибудь иного, так ради тех случаев, когда всенародному ополчению приходится, оставив государство, предпринимать походы за его пределы. В этих случаях мальчики и остальные граждане должны быть в состоянии хоть настолько владеть оружием, чтобы защищать детей и государство, да и в противоположных случаях (а ведь никак нельзя поручиться, что их не будет), когда неприятели извне вторгнутся с огромной силой, все равно, варвары они или эллины, — тогда придется сражаться до конца и уже за самое государство. При этом великим бедствием для государственного строя является такое позорное воспитание женщин, что они не желают умереть или претерпеть всяческие опасности ради детей, тогда как это делают птицы, даже сражаясь за своих детенышей с любым из самых сильных зверей. Женщины же тотчас устремляются к святилищам, наполняют все храмы, окружают алтари, распространяя о человеческом роде славу, как о самом трусливом по своей природе из всех существ».⁸⁰

В этих экстремистских sui generis высказываниях Платона тоже видим влияние суровых спартанских законов.

⁷⁹ Платон. Государство. III, 412 А. Тут и далее цитируем по изданию: Платон. Соч.: В 3-х томах / Под общей редакцией А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1968–1972. Т. 3(1). С. 198. Перевод А. Н. Егунова.

⁸⁰ Платон. Законы, VII, 814, А–В. Указ. изд. Т. 3(2). С. 295 / Перевод А. Н. Егунова.

В своем «Государстве» Платон приводит ряд серьезных доказательств того, что женщина способна абсолютно ко всем видам деятельности, которые до сих пор являлись уделом мужчин, и может даже нести военную службу. По праву займет она место и на стадионах.⁸¹

Очень часто мысли о воспитании вообще и воспитании физическом в частности встречаются в сократических диалогах Платона. Передавая точку зрения Сократа, философ нигде не высказывает своего несогласия с ним, ergo мысли Сократа часто были равны педагогическим убеждениям Платона.

В «Протагоре» с одобрением говорится о неприменном аристократическом правиле «...посылать мальчиков к учителю гимнастики, чтобы крепость тела содействовала правильному мышлению и не приходилось бы из-за телесных недостатков робеть на войне и в прочих делах. Так поступают те, у кого больше возможностей, а больше возможностей у тех, кто богаче».⁸²

Воспитание души и тела молодого человека — дело первостепенной важности и для семьи, и для государства, и, наконец, для самого юноши. Поэтому тут надо всегда полагаться на мнение опытных специалистов, не поддаваясь советам дилетантов, не радуясь похвале толпы верхоглядов.⁸³

В том же диалоге Сократ, развивая мысль о гармоническом воспитании, упоминает о необходимости для юноши заниматься в равной степени и гимнастикой, и музыкой.⁸⁴

В диалоге «Лакхес» Лисимах ставит перед присутствующими вопрос: полезно ли детям сражаться в полном вооружении? На это Никий отвечает ему: «Изучать юношам эту науку, кажется, полезно во всех отношениях. Им хорошо свободное время проводить не в других занятиях, до которых они бывают охотники, а в этом: через такое занятие они непременно укрепят свое тело; потому, что тут нужен труд не слабее и не менее всякого гимнастического упражнения. Притом это движение и верховая езда особенно приличны свободному человеку; потому что мы бываем атлетами только на том поприще, и только то поприще нам указывается, с военными орудиями коего ознакомились посредством прежних гимнастических упражнений».⁸⁵

В «Апологии Сократа» осужденный философ увлеченно продолжает развивать тему, глубоко волновавшую еще Ксенофана. Это — чрезмерная и нездоровая популярность в народе ограниченных, заносчивых атлетов, которые уверенно оттесняют на второй план

⁸¹ Государство. V, 456, А-Е. Указ. изд. Т. 3(1). С. 252-253.

⁸² Протагор. 326. С. Указ. изд. Т. 1. С. 208-209 / Перевод В. С. Соловьева.

⁸³ Критон. 47, В. Указ. изд. Т. 1. С. 120.

⁸⁴ Там же. 50, Д-Е.

⁸⁵ Лакхес, 182, А / Перевод В. Карпова.

учителей жизни и добродетели. Устами Сократа Платон наставляет афинян: человеку, желающему поучить их правильной жизни, следует тоже, как и олимпийщикам, давать стол в Пританее: «Ему это подобает гораздо больше, чем тому из вас, кто одерживает победу на Олимпийских играх в скачках или в состязаниях колесниц, двуконных и четвероконных; ведь он дает вам мнимое счастье, а я подлинное, он не нуждается в пропитании, а я нуждаюсь. Итак, если я должен по справедливости оценить мои заслуги, то вот к чему я присуждаю себя — к обеду в Пританее».⁸⁶

Основным эстетическим требованием платоновской педагогики была соразмерность в развитии тела и души. Признавая главенство интеллекта, философ все же настаивает на определенной пропорциональности. Истинную человеческую красоту он усматривает именно в гармоническом сочетании духовного и физического.⁸⁷ Аргументированно призывая бороться со всякою узостью и односторонностью, Платон говорит: «...тот, кто занимается математикой или другим делом, требующим сильного напряжения мысли, должен давать и телу необходимое упражнение, прибегая к гимнастике; напротив, тому, кто преимущественно трудится над развитием своего тела, следует в свой черед упражнять душу, занимаясь музыкой и всем тем, что относится к философии, если только он хочет по праву именовать себя не только прекрасным, но и добрым».⁸⁸

Тут уместно вспомнить, что Платон, несомненно, более многих своих современников имел право высказывать подобные взгляды, наставляя эллинов. Ибо его теоретические выкладки всегда имели под собой прочную практическую базу.

Великий философ античности был и прекрасным атлетом — борцом и наездником. В свое время он завоевал наивысшие награды на Истмийских и Пифийских играх. В этом ему помогло не только могучее телосложение и природная сила, но и упорство в тренировках, глубокое осмысление всей системы эллинской агонистики, умение связать ее с умственной деятельностью и сделать надежной опорой последней.

Вот что пишет об авторе «Сократических диалогов» А. Ф. Лосев: «...Платон, весьма талантливый молодой человек, жадно впитал в себя все последние достижения тогдашней цивилизации. Он — премированный гимнаст, борец и наездник. Он — музыкант и живописец. Он — поэт, т. е. эпик, лирик и драматург».⁸⁹

⁸⁶ Апология Сократа, 36, Д-Е / Перевод М. С. Соловьева. Указ. изд. Т. 1. С. 106.

⁸⁷ Тимей, 87, С-Д / Перевод С. С. Аверинцева. Указ. изд. Т. 3(1). С. 535.

⁸⁸ Там же. 88, В-С.

⁸⁹ Лосев А. Ф. Жизнь и творческий путь Платона. Вступительная статья к собранию сочинений Платона. М.: Мысль, 1968. Т. 1. С. 14.

И совершенно очевидно, что платоновские рассуждения о гармоническом воспитании были не просто рассуждениями, а высказываниями глубоко убежденного и весьма компетентного мыслителя.

* * *

Во многом близкими платоновским взглядам были и педагогические воззрения Аристотеля, который очень внимательно относился к проблеме духовного и физического воспитания, к гимнастике и агонистике. Для него, как и для Платона, всестороннее развитие молодого поколения было темой близкой и постоянной.

Неизменно связывая все положительные качества калокагатийного гражданина с понятием *ἀρετή*, Аристотель считает, что добродетель свойственна, во-первых, лишь мужчинам. Во-вторых, этот муж должен обязательно принадлежать к числу *γυνοῖσι* (*gnōimoi*), т. е. к «сливкам общества», к его элите. В-третьих, надо быть не просто *γυνοῖσι*, но еще и *ἐλευθεῖσι* (*eipieikeis*), т. е. «коренными», чтобы наряду с обычной *λειτουργία* обладать еще и всеми признаками *ἀρετή*.⁹⁰

Очевидно, что в своем отношении к женской части касты Аристотель более консервативен, чем Платон, который признавал: во многих случаях женщина не должна уступать мужчине.

В итоге же, говоря о добродетели, Аристотель «...имеет в виду не какую-то абстрактную добродетель, а свойства довольно определенной группы, характеризующейся известным образовательным (а следовательно, и имущественным) цензом».⁹¹ И несомненно, одним из отличительных признаков гражданина, по Аристотелю, является не только интеллект, но и постоянные занятия гимнастикой, причастность к агонистике. Ремесленников, крестьян и рабов, наоборот, к состязаниям и атлетике вообще допускать не следует, ибо агонистика — удел лишь благородных.

Критикуя платоновское «Государство», Аристотель предлагает в «Политике» свой проект. В отношении земледельцев, например, он советует поступать так, как поступали критяне: они позволяли рабам все, за исключением посещения гимнасиев и приобретения оружия.⁹²

Рассматривая вопрос о том, чему следует обучать полноправного гражданина, Аристотель ратует за определенную утилитарность знаний, т. е. предлагает в первую очередь обучать тем наукам, которые

⁹⁰ Аристотель. Политика. III, 7, 7. 1283а, 23; IV, 4, 1. 1291в, 28; IV, 6, 4. 1294а, 10.

⁹¹ Доватур А. И. Политика и Полития Аристотеля. М.; Л.: Наука, 1965. С. 38.

⁹² Аристотель. Политика. II, 2, 15, 1264в, 7 и сл.

пригодятся в жизни. Однако следует строго следить за тем, чтобы изучались предметы, достойные звания свободных граждан. Занятие каким-либо ремеслом, считает Аристотель, лишает души и тела благородных эллинов способности усваивать и проявлять *ἀρετή*.

Изучая науки и искусства для самого себя, с целью достижения добродетели, молодой грек возвышается над прочими. Но стоит ему заняться этим профессионально, ради заработка, — и он превращается в поденщика-ремесленника и немедленно низвергается Аристотелем с вершин *ἀρετή*. Нельзя благородному заниматься тем же, чем занимаются рабы.⁹³ Выступая против профессионализма среди свободных граждан, Аристотель одновременно ратует за такое государственное устройство, где ремесленник никогда не сможет стать гражданином.

Говоря о гимнастическом воспитании, Аристотель признает его серьезное значение не только на стадионах, но и на поле битвы. Полис немислим без воинской доблести.⁹⁴

Однако спартанское государственное устройство, при котором вся жизнь граждан, вся их деятельность направлены на максимальное развитие военной мощи, полного одобрения со стороны Аристотеля не получает.⁹⁵

В этом отношении видны определенные различия в педагогических взглядах двух философов и воспитателей. Платон преклонялся перед спартанской системой, Аристотель же в основном предпочитал афинскую.

В «Политике» немало места уделено градации воспитательного периода (начиная с семилетнего возраста) на две части и подробной их характеристике.⁹⁶ Аристотель требует особенной заботы о подрастающем поколении. Воспитание, по его мнению, должно быть обязательно общественным и одинаковым для всех свободных граждан, независимо от их зажиточности.⁹⁷ И если Платон спокойно, как должное, констатирует преимущества богатых, то Аристотель не всегда считает такое положение нормой.

Наконец, желая видеть молодое поколение красивым, сильным и здоровым, воспитатель Александра Великого резко выступал против обучения детей-уродов, усматривая в этом как политический, так и эстетический смысл.⁹⁸ В аспекте же этическом здесь можно

⁹³ Политика. VIII, 2, 3, 1337в, 28 и сл.

⁹⁴ Там же. III, 7, 6, 1283а, 19 и сл.

⁹⁵ Политика. II, 6, 22, 1271а, 41 и сл.; VII, 2, 5, 1324в. Подробно об этом см.: Доватур А. И. Указ. соч. С. 21.

⁹⁶ Политика. VII, 15, 1, 1336 а, 3 и сл.

⁹⁷ Там же. VIII, 1, 1, 1397 а, 10 и сл.

⁹⁸ Там же. VII, 14, 10, 1335 в.

ясно увидеть, сколь сложна многогранная проблема гуманности, которая в разные времена разными народами понималась сугубо своеобразно. И то, что казалось недопустимым для одних, для других являлось нормой.

Далеко не столь возвышенную позицию, как Аристотель и Платон, занимал в вопросах воспитания молодежи Ксенофонт. Его точка зрения более прагматическая, так сказать, прикладная. Впрочем, если искать общие моменты, то Ксенофонт все же стоит ближе к Платону.

Как о рядовой (и даже докучливой) повинности пишет Ксенофонт о необходимости устройства гимнастических школ богатыми гражданами (разумеется, за собственный счет).⁹⁹

Отказывая женщинам в праве упражняться на стадионах, Ксенофонт (устаи Исхомаха) иронически проповедует, что лучшей гимнастикой для жен является энергичное и собственноручное ведение домашнего хозяйства.

«От такой гимнастики... она будет кушать с большим аппетитом, и здоровье станет у нее на самом деле лучше».¹⁰⁰

А что сближает Ксенофонта с Платоном, так это искреннее лаконофильство и откровенно отрицательное отношение к афинской демократии.¹⁰¹ Он так же, как и Платон, считает, впрочем, что физическая закалка должна всегда гармонировать с интеллектом. Моральное здоровье всегда базируется на здоровье физическом. В «*Memorabilia*» («Воспоминания») Ксенофонт пишет: «Даже и там, где, по видимому, тело наименее нужно, в области мышления... многие делают большие ошибки оттого, что не обладают физическим здоровьем. Кроме того, забывчивость, уныние, дурное расположение духа, сумасшествие у многих часто вторгаются в мыслительную способность вследствие телесной слабости до такой степени, что выбивают даже знание. Напротив, у кого телосложение крепкое, тот вполне гарантирован от таких невзгод...»¹⁰²

Одним из проявлений человеческого совершенства Ксенофонт считает высокий рост, который, вероятно, указывал, по мнению греков, на дородство. Он полагал также, что очень способствует укреплению здоровья охота и вообще пребывание на свежем воздухе.¹⁰³

⁹⁹ Ксенофонт. Домострой, II, 5–7.

¹⁰⁰ Там же. X, 9–11.

¹⁰¹ История греческой литературы. М.: АН СССР, 1955. Т. II. С. 105.

¹⁰² *Memorabilia*. III, 12, 6–7 / Перевод А. А. Тахо-Годи.

¹⁰³ Эстетические взгляды Ксенофонта подробно освещены в работе: Тахо-Годи А. А. Классическое и эллинистическое представление о красоте в действительности и искусстве // Эстетика и искусство. М.: Наука, 1966. С. 26–28.

Для Ксенофонта, таким образом, характерен в некоторой степени утилитарный подход к проблемам воспитания. Интересы отчизны и сограждан он редко связывает со становлением идеального гражданина. Не слишком часто встретишь у него и мысли о высшем духовном совершенстве.

Мы уже приводили рассуждения Сократа о том, что «учителя жизни» (т. е. ученые-философы) приносят своим согражданам несомненно большую пользу, чем атлеты. Чрезмерное увлечение агонистикой в ущерб наукам чревато не только плохими воспитательными, но и такими же социальными последствиями.¹⁰⁴

В этом отношении у Сократа было немало единомышленников. Оратор Исократ много и страстно говорил о необходимости разумного, умеренного развития физических навыков. Он осуждал тех, кто «...с большим одобрением относится к занимающимся гимнастикой, чем к занимающимся философией, в то время как все знают, что благодаря телесному совершенству граждан государство никогда не совершало никаких славных деяний, благодаря же мудрости одного государственного мужа стало величайшим и богатейшим из государств Эллады».¹⁰⁵

Параллельно с системой аристократического воспитания и атлетики для избранных в Греции издавна существовала и народная система гимнастических упражнений, связанная с ежедневными трудовыми процессами. Со стороны ремесленников, бедняков и, разумеется, их идеологов всегда наблюдалось остро критическое, неизменно ироническое отношение к утонченной «чистой» гимнастике древнегреческой элиты.

Еще до идейного становления уже упомянутого нами кинизма течение «народной критики» легко разглядеть в некоторых баснях Эзопа (так называемая «анималистическая критика»). Об этом же свидетельствует легенда о встрече знаменитого Милона Кротонского с пастухом Титормом и победа последнего.¹⁰⁶ Той же идее служат многие поговорки и сатирические драмы.

Это естественно, ибо, как известно, по всей Греции *καλοί καυαδοί* представляли обособленную группу граждан, жизненно и принципиально во многом противостоящую народу. Такое положение особенно четко выражено было в Афинах.¹⁰⁷

¹⁰⁴ Платон. Апология Сократа, 36, Д–Е.

¹⁰⁵ Исократ. Об обмене имуществом, 250 / Перевод В. Г. Боруховича. Та же мысль высказана Исократом и в «Панегирике» (2).

¹⁰⁶ Элиан. Пестрые рассказы. XII, 22. Вопросам народной критики атлетизма и агонистики посвящена работа: Biliński B. Antyczny krytycy antycznego sportu // Meander. 1956. № 11.

¹⁰⁷ Walter I. Die Geschichte der Aesthetik in Altertum. Leipzig, 1893. S. 136.

А уже в IV веке до н. э. и позже с народной критикой гипертрофированно-ограниченного атлетизма во многом перекликается отношение киников к чрезмерному и неосмысленному увлечению физическими упражнениями. Разумеется, киники не собирались отрицать и порицать агонистику вообще. Но бездумное наращивание мышц, холодная и расчетливая жестокость бойцов-профессионалов (в более поздний период истории греческих игр) и, наконец, преклонение зрителей перед тупой силой звероподобных победителей вызвали справедливые насмешки со стороны многих кинических философов. Они считали, что сила и здоровье нужны, в первую очередь, для свершения добрых дел, а не для удовлетворения собственного самолюбия, не для потехи взвинченных, порой даже истеричных «болельщиков».

В противовес мнению Платона, многие киники отстаивали абсолютный примат духовного начала и в жизни, и в искусстве, и на стадионах. По выражению И. М. Нахова, «киническая этика перетряхивала всю традиционную систему греческой полисной морали, обязательной для полноправного гражданина города-государства».¹⁰⁸

Особенно резко критиковали киники тех, кто, целиком отдаваясь спорту, нисколько не заботился о духовной добродетели. Превращаясь в рабов своего режима и календаря состязаний, атлеты не могут (да и не хотят) заботиться о развитии интеллектуальном.¹⁰⁹

«Они тупоумны, они сделаны из мяса свиней или быков» — так издевался над подобными агонистами Диоген Синопский.¹¹⁰

Материалистическая философия киников, в противоположность идеализму Платона, позволяла им взглянуть на существующее положение вещей более здраво и реально. Тот же Диоген Синопский и Антисфен справедливо полагали, что когда физические упражнения не являются самоцелью, они полезны и даже необходимы.¹¹¹ Той же точки зрения придерживались Дион Хрисостом и Кратет.¹¹²

Таким образом, нравственный и общественный идеал киников, цель, которую они ставили перед воспитателями молодежи, существенно отличались от классического гражданского идеала.

Будучи отлученной от стадионов и палестр, основная масса трудящихся эллинов создавала свою защитную философию, педагогические основы которой имели твердую опору в повседневной жизни.¹¹³

Течение народной критики и положение кинического материализма тесно смыкаются в своем отрицательном отношении к заси-

¹⁰⁸ Нахов И. М. Указ. соч.

¹⁰⁹ Диоген Синопский. VI, 27; Стобей. Антология, IV, 3; V, 39.

¹¹⁰ Диоген Синопский. VI, 49.

¹¹¹ Там же. VI, 70.

¹¹² Дион Хрисостом. IX, 14 и сл.

¹¹³ Диоген Лазертский. VI, 104; Юлиан. VI, 193.

лию чванливых атлетов, оттеснивших (или пытающихся оттеснить) разум и знание на второй план. «Так вырабатывалась утешительная мораль угнетенных, переосмысливающая действительность для себя и противопоставляющая себя морали угнетателей».¹¹⁴

Но, независимо от существенных (а порой и довольно незначительных) расхождений во взглядах на принципы воспитания, лучшие представители античной Греции сходились в одном: душа и тело должны быть одинаково совершенны и нельзя развивать одно в ущерб другому.

Цивилизованный грек не мыслил себе жизни без спортивных занятий. Павсаний, например, не считает возможным назвать фокидскую Панопею городом, ибо там не было гимнасия.¹¹⁵ Без стадиона античный город также не мог обойтись. Даже если это был город-колония. На территории Ольвии и нынешнего Херсонеса Таврического были и палестры, и гимнасии.

СПОРТИВНЫЙ ПРОФЕССИОНАЛИЗМ, ПОЛИТИКА И ЗАКАТ ОЛИМПИИ

Выступая на состязаниях, эллин отстаивал не только свою честь, но и авторитет родной общины, города, целого государства. Вспомним известную эпиграмму Симонида Кеосского, посвященную юному борцу Феогнету:

*«Вот он, смотри, Феогнет, победитель в Олимпии, мальчик,
Столь же прекрасный на вид, как и искусный в борьбе.
И на ристалищах ловко умеющий править конями.
Славою он увенчал город почтенных отцов».*¹¹⁶

Еще более восторженно отозвался о Феогнете Пиндар.¹¹⁷

И хотя в те отдаленные времена не существовало командных выступлений и состязались только в личном первенстве, за плечами каждого атлета стояли сотни его сограждан, общинные традиции и храмы богов, славу которых он мог как приумножить, так и запятнать.

Это стало особенно ощутимым и приобрело необычайную остроту после распада Афинского морского союза и установления македонского господства.

338 год до н. э. — одна из самых трагических дат в истории Древней Греции. Именно в тот год македонский царь Филипп в битве при Херонее нанес сокрушительный удар эллинскому войску.

Две трети эллинского ополчения попали в плен. Тысячи отважных воинов пали смертью героев на поле брани. И теперь свободные эллины были не так уж свободны...

¹¹⁴ Нахов И. М. Указ. соч.

¹¹⁵ Павсаний. X, IV, 1.

¹¹⁶ Перевод Л. Блуменау.

¹¹⁷ Pythia. VIII, 35.

Но вполне вероятно, что столь печальные события были бы предотвращены, если бы древнегреческие полисы не враждовали между собой и выступали против захватчиков столь же монолитно и слаженно, как это случалось иногда в прежние времена.

После поражения при Херонее священные игры фактически носили характер соревнования между ослабленными распрями и войнами греческими государствами. Вполне понятно, что для каждого государства было почетно иметь победителя на празднике, уходящем корнями в доисторические времена.

Таким образом, атлет силой своих мышц, как воин на поле боя, завоевывал на стадионе для своей полиса место под солнцем и в политическом смысле.

Однако еще через два-три столетия статьи Олимпийского устава постепенно утрачивают свое значение (по крайней мере некоторые из них). Все чаще атлеты-любители уступают место спортсменам-профессионалам, выходцам из среды пролетаризованной массы греческого населения. Таких атлетов город или даже частные лица просто нанимали за деньги, что уже не считалось столь же предосудительным, как в древности. И этот момент нашел свое отражение в творчестве древнегреческих писателей и художников.

Олимпийский расцвет неумолимо переходил в олимпийский упадок. Правда, происходило это не слишком быстро, но достаточно ощутимо. И здесь нетрудно наметить вполне четкие хронологические вехи.

Большинство исследователей склонно считать, что VI-V вв. до н. э. — это еще вполне благополучный период, почти «золотой век агонистики». Столетиями складывавшиеся прочные устои античных стадионов начинают колебаться лишь в начале IV века, а в середине IV века олимпийский упадок уже очевиден: он закономерно совпал с кризисом греческого полиса и полисной системы в целом.

Это же явление коснулось и античного спорта: могучие, но узкоограниченные профессионалы (сменившие на стадионах гармонично развитых любителей-универсалов) выступают преимущественно в каком-либо одном виде состязаний. Эта «агонистическая специализация» порождала порой весьма неприятные явления. И хотя снижение патриотического и воспитательного значения игр (во времена македонского, а затем — и римского господства) не намного уменьшило интерес к ним со стороны зрителей, но такие состязания уже никак не способствовали процветанию спорта в благородном, высоком, истинном значении этого слова.

Весьма характерную деталь подметил Б. И. Ривкин, который пишет: «О том, как сильно изменяется внешний вид атлетов-профессионалов, говорят рисунки на вазах. Достаточно сравнить кулачных бойцов на амфоре Клеофрада (около 500 года до н. э.), тела которых развиты пропорционально и гармонично, с грубы-

ми, грузными фигурами атлетов на панафинейской амфоре IV века до н. э.»¹¹⁸

Кроме экономических и социальных причин, «падению агонистических нравов» способствовал и нарастающий религиозный скептицизм: грек уже не относился к своим богам-олимпийцам с прежним страхом и почтением. А это, в свою очередь, отразилось и на авторитете экехейрии: священное перемирие соблюдалось уже не так свято и неукоснительно, как в прежние времена.

Впрочем, древние традиции не собирались легко и сразу сдавать свои позиции. И когда, например, солдаты Филиппа Македонского как-то ограбили путников, направляющихся на очередные Олимпийские игры, грозному отцу Александра Великого пришлось все же заплатить штраф и даже принести извинения потерпевшим. Ибо даже завоеватели опасались окончательно портить отношения с эллинами (тем более, если имели с ними общих богов).

В 420 году до н. э. спартанцы за нарушение священного перемирия (они осадили город Лепрею) были исключены из списков участников Олимпиад. Тогда это явилось уникальным событием.

Но гордые и заносчивые лакедемоняне на сей раз не подчинились. В ответ на решение Олимпийского совета они осадили, а затем и захватили Священную Олимпийскую округу, принудив элейцев не только покориться, но и заключить с ними договор о дружбе и всестороннем взаимодействии. Лишь в 371 году до н. э., благодаря энергичному и недвусмысленному вмешательству фиванцев, Элида снова обрела независимость.

В самой Олимпии борьба за административное господство сначала разворачивалась между Писой и Элидой, а затем — меж Элидой и Аркадией.

Войско аркадян в 365 году до н. э. захватывает Олимпийскую округу. Они укрепляют холм Крона и начинают подготовку к 104-м Олимпийским играм. Однако элейцы — не собирались смириться вторично. В самый разгар священного праздника они внезапно напали на аркадян, и на мирном стадионе закипела жестокая битва. И хотя законные хозяева Олимпийской долины были в явном меньшинстве, сражались они с таким отчаянным мужеством, что победили захватчиков-аркадян и вышвырнули их с берегов Алфея.

А затем все игры, проведенные под эгидой спартанцев и аркадян, элейцы объявили «анолимпиадами», не признав их.

Что ж, и юридическое, и моральное право было на стороне граждан Элиды. Ведь аркадяне за время своего краткого владычества не постыдились даже ограбить сокровищницы Олимпии (чтобы выплатить «за счет богов» жалованье солдатам-наемникам). Авторитет небожителей был поколеблен еще больше. По этому поводу польский

¹¹⁸ Ривкин Б. И. В долине Алфея. М.: Искусство, 1969. С. 53.

ученый С. Парницки-Пуделко пишет: «Аркадско-элейская война из-за господства в Олимпии (364 г. до н. э.) показала, что общегреческие святыни потеряли свою неприкосновенность в той мере, какой она была в древности...»¹¹⁹

Правила состязаний (особенно кулачного боя) становятся все более жестокими. По мере увеличения числа заявленных на играх профессиональных атлетов уменьшается число заявок от любителей: немногие решались рисковать здоровьем и жизнью в борьбе с могучими, тренированными и безжалостными соперниками. Профессионалы получали в Олимпии, правда, лишь венок, но они компенсировали это на тех играх, где выступали за плату.

Как уже указывалось, авторитет Олимпиад подорвала и утрата Грецией независимости под властью Македонии. Правда, Филипп и Александр благоволили к Олимпии: а Филипп даже участвовал в играх.

Правда, участвовал заочно: присылал в Олимпию своих возниц с конными упряжками. Однако уже сам факт присутствия хотя бы лошадей македонского царя на ипподроме не мог не омрачать праздника эллинов.

От личного участия в Олимпийских играх Александр Македонский отказывался на том основании, что «...там он не имеет возможности мериться силами с царями». Выступать же вместе с простыми смертными воспитанник Аристотеля считал ниже своего достоинства.

И тем не менее отношение Александра к агонистике вообще было более чем благожелательным: ведь великий македонянин считал и чувствовал себя истинным греком. И его благожелательность проявлялась не только на словах. В 324 году до н. э. Александр провозгласил в Олимпии мир между всеми греческими народностями и государствами и одновременно объявил общую амнистию для всех эллинов, изгнанных за пределы родины по мотивам политического характера. Так переплетались в Альтиде агонистика и политика.

Весьма ощутимо пострадала Олимпиа в 86 году до н. э., когда Сулла ограбил храмы, вывез все ценности, а приглашенных спортсменов высокомерно вытребовал в Рим. В этот грустный и позорный для греков период атлеты состязались лишь в самом древнем виде — беге.

Римское же владычество I–II веков н. э. можно считать относительно спокойным временем. Благодаря заинтересованности Олимпиадами императоров Августа, Тиберия, Нерона, Адриана и других Олимпийский огонь еще тлеет. Это находит свое отражение и в литературе того времени (Плиний Старший, Павсаний). Но после допущения в Олимпию римлян игры совсем уже утратили значение великого народного праздника всей Греции.

¹¹⁹ Parnicki-Pudelko S. Olympia i Olympiady. Poznań, 1964. S. 20.

Впрочем, с нашей современной точки зрения все возрастающий интернационализм Олимпийских игр в определенном смысле можно рассматривать как явление положительное.

Но славные традиции Альтиды и долины Алфея для рационалистов-римлян стали уже всего лишь страницами истории. Да еще и не всегда понятными страницами.

Однако это же можно было сказать не только о римлянах. Еще до их владычества в Олимпию со всех концов эллинистического мира съезжались граждане необъятной империи Александра Македонского — греки по происхождению. Они прибывали из Сирии, Египта, Малой Азии и других мест. Но кровной связи с эллинской культурой, увы, не ощущали: эти многочисленные гости Олимпии были носителями уже совсем иных вкусов, стремлений и социальных взглядов.

А поскольку таких туристов сюда прибывало очень много (по масштабам тех времен, разумеется), то уже в IV веке до н. э. в Олимпии их встречали гиды (возможно, — первые гиды в мире!). Они рассказывали прибывшим о славной истории игр, храмов, наиболее знаменитых олимпиоников и, конечно же, — прекрасных статуй. И молодые греки слушали все это так, как слушают прекрасную и не слишком правдоподобную легенду.

Во второй половине III века Элладе угрожает племя герулов. В Олимпии лихорадочно ведутся фортификационные работы. Для возведения крепостных стен разбираются спортивные сооружения и даже целые комплексы. Но до Олимпии герулы не дошли.

Однако главным могильщиком олимпиад стали не захватчики и не могущественные тираны, и даже не варвары-кочевники, а христианская церковь. Как государственная религия Римской империи христианство не желало терпеть рядом с собой прекрасный и столь соблазнительный эллинский пантеон. Тем более что «языческие игры» с их гармонией человеческого тела и разума входили в опасное противоречие с главными догматами христианского вероучения. В частности, они противоречили и властному призыву клерикалов «умерщвлять грешную плоть».¹²⁰

...Силы, к сожалению, были неравные. Последние Олимпийские игры античности состоялись в 393 году н. э. А последним олимпиоником, чье имя зафиксировано было на мраморных скрижалях, оказался, как уже упоминалось, даже не грек, а могучий армянский князь Вараздат — несокрушимый кулачный боец. Между прочим, слава олимпионика в немалой степени поспособствовала тому, что, вернувшись в родную Армению, князь Вараздат стал царем Вараздатом...

А еще через год декретом императора Феодосия I Олимпийские игры были запрещены как «богопротивные и языческие», изображения эллинских богов — сброшены с пьедесталов, храмы —

¹²⁰ Schöbel G. Указ. соч. С. 38.

разрушены и разграблены. Много бронзовых статуй олимпийщиков римляне вывезли в «вечный город» и... переплавили. А двумя годами позже готы под предводительством Алариха вторглись в Олимпию и полностью разграбили ее, довершив начатое Суллой.

Наконец, в 426 году по приказу Феодосия II римляне сжигают храм Зевса. А статуя бога — творение бессмертного Фидия, одно из семи чудес света — была увезена в Константинополь.

В VI веке разгром Олимпии довершают два сильных землетрясения. А затем неожиданно разливаются Алфей и Кладей, песок заносит Олимпийский стадион и всю долину.

На многие столетия погружается в своеобразный летаргический сон Олимпия, а вместе с ней и эллинская агонистика: неповторимый феномен античности. По выражению Г. Дюперрона, «это вплоть до наших дней — единственный пример огосударствления физической культуры».¹²¹

ПРИЧИНЫ РАСЦВЕТА АГОНИСТИКИ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Вполне естественно возникает вопрос: почему именно в Древней Греции так пышно расцвела физическая культура? По нашему мнению, неправильно было бы ограничиваться одной или двумя «основными» причинами. Ответ на этот вопрос надо искать в совокупности фактов и общественно-исторических явлений эллинской повседневности. На наш взгляд, этот комплекс причин — един в своем многообразии.

Первым стимулом, обуславливающим заботы о физическом воспитании граждан, безусловно, следует считать необходимость создания сильного войска при сравнительно немногочисленном населении (В. Латышев, 1889; Бинтц, 1878; Г. Дюперрон, 1924; Ф. Мезо, 1930; В. Блаватский, 1961; Е. Топоров, 1963 и др.). Чувство патриотизма, развитое у греков необычайно сильно (как, впрочем, у любого оседлого народа), приказывало им всегда быть готовыми к обороне отечества.

«Земля заставляет... защищать свою страну с оружием в руках, ибо она производит плоды, ничем не защищенные, которыми всякий может завладеть».¹²² Эти слова Ксенофонта хоть и неполно, однако отражают действительное положение вещей.

Если же выдвигать тезис военного могущества на передний план, то сразу же оговоримся: эта цель главенствовала в политике только дорийских племен (Спарта), и неправильно было бы отводить ей ве-

¹²¹ Дюперрон Г. Указ. соч. С. 6.

¹²² Ксенофонт. Домострой. V.

дущее место в жизни всех государств Древней Греции. Что же касается обычной необходимости отражать нападения и воевать самим, то с ней сталкивались не только эллины, но и любой народ с доисторических времен и до наших дней. Поэтому, кажется, нельзя рассматривать военные цели в физическом воспитании как нечто специфически характеризующее древнегреческий *modus vivendi*.

Более того, многочисленные исторические и литературные данные говорят о том, что физическая культура всегда являлась у греков символом и принадлежностью спокойного процветания, о чем лучше всего свидетельствует мирный характер Олимпийских и других священных игр.

Феоры, отправлявшиеся из Олимпии по всей стране и доходившие до самых отдаленных частей Средиземноморья и Причерноморья (посещавшие даже Египет и греческие колонии в Испании), не только сообщали о дне открытия игр, но и провозглашали священное перемирие (*ἐκεχειρία*). Уже в исторический период Олимпийские игры были возобновлены и проводились Ликургом и Ифитом в знак мира между Элидой и Спартой.¹²³ Жаль, что никто пока не может ответить, какой перерыв в праздновании предшествовал этому знаменательному возрождению.

Вспомним и основную статью Олимпийского устава: прежде всего принимать участие в состязаниях имели право лишь те атлеты, города и государства которых не находились в состоянии войны с какими-либо иными городами и государствами. Вся область, где происходили игры, объявлялась на это время священной, и никто не имел права вторгаться сюда силой оружия. Даже войска дружественных государств, проходя олимпийской территорией, отдавали на границе свое оружие и получали его лишь по выходе из священной области. Всем известно, как сурово наказывались немногочисленные нарушители этого условия (см. у Геродота, Фукидида, Павсания и др.). Такой же мирный характер носили Немейские, Пифийские и все другие игры.

Порою греки в самый критический момент забывали о войне ради мирных состязаний. После Фермопильской битвы к персам пробралась группа перебежчиков. Когда Ксеркс через переводчика стал расспрашивать их, чем занимаются сейчас греки, прибывшие рассказали, что «...эллины справляют олимпийский праздник — смотрят гимнастические и иппические состязания». На вопрос перса, какая же награда назначена состязающимся за победу, те отвечали: «Победитель обычно получает в награду венок из оливковых ветвей». Тогда Тигран, сын Артабана, высказал весьма благородное мнение, которое царь, правда, истолковал как трусость. Услышав, что у эллинов награда за победу в состязании — венок, а не

¹²³ Павсаний. V, IV, 4.

деньги, он не мог удержаться и сказал перед всем собранием вот что: «Увы, Мардоний! Против кого ты ведешь нас в бой? Ведь эти люди состязаются не ради денег, а ради доблести!»¹²⁴ И вполне закономерно, что опасения молодого перса вскоре же подтвердились.

Однако было бы опрометчиво полагаться лишь на этот рассказ Геродота. Поэтому, предварительно лишь заметив, что о подобных случаях у Геродота рассказывается неоднократно¹²⁵, обратимся к более точному и беспристрастному источнику — речам Демосфена.

Упрекая своих сограждан в излишней беспечности, когда дело касается военных приготовлений, оратор восклицает: «...как вы думаете, граждане афиняне, почему это так происходит: праздники Панафиний и Дионисий всегда справляются в надлежащее время независимо от того, каким людям — сведущим или неопытным — выпадает жребий устраивать те и другие, и на эти празднества затрачиваются такие деньги, сколько не идет ни на один из морских походов, и вдобавок это требует столько хлопот и приготовлений, сколько вряд ли идет на что-либо другое; между тем военные походы все у нас запаздывают, не попадая вовремя — в Мефону, в Пагасы, в Потидею! Это потому, что все это установлено законом и каждый из нас наперед еще знает, кто назначен хорегом, кто гимнасархом от данной филы, когда у кого и что надо получить и что потом надо сделать; ничего в этих делах не забыто, не оставлено невыясненным и непредусмотренным; наоборот, в том, что касается войны и военных приготовлений — не установлено, не налажено, не предусмотрено ничего».¹²⁶

Кажется, трудно выразиться яснее. И хотя в данном случае Демосфен отнюдь не одобряет существующее положение вещей, из его слов ясно, как относятся афиняне к войне и как — к священным играм — праздникам. Думаю, что мы не ошибемся, если отнесем слова оратора почти ко всей Древней Греции.

Символичны и некоторые указания мифологии эллинов. Так, на легендарных играх, устроенных некогда Идейским Гераклом, Аполлон побеждает в кулачном бою Арея — самого бога войны!¹²⁷ Многочисленные гимнасии украшались статуями Гермеса, Асклепия, Деметры, Тесея, Геракла, Артемиды, но статуи Арея там не было никогда!

Красивое, гармонично развитое тело являлось признаком свободного гражданина, чаще всего аристократа, выгодно отличая его от раба. Что же касается бедных слоев свободного населения, то они не могли уйти от повседневных житейских забот для систематических

¹²⁴ Геродот. VIII, 26.

¹²⁵ Там же. VII, 206; VII, 208; IX, 75 и др.

¹²⁶ Демосфен. Первая речь против Филиппа, 35–36 / Перевод С. И. Радцага. М.: АН СССР, 1954.

¹²⁷ Павсаний. V, 8, 4.

тренировок и состязаний. Вспомним, что, например, участие в Олимпийских играх требовало предварительных усиленных занятий на протяжении года. Естественно, что ремесленник или земледelec не мог забросить на такой срок хозяйство и заказчиков.¹²⁸

Таким образом, на играх преимущественно выступали представители зажиточного населения и аристократии (что частично обуславливалось еще и древнейшими сословными ограничениями, оставшимися от общинно-родового строя). В списках олимпийцев мы встречаем очень много имен архонтов, полководцев, государственных деятелей и просто богатых людей.

Один из сохранившихся фрагментов утраченной в целом драмы Софокла «Александр» гласит:

*Не горожанам ли приличны игры!*¹²⁹

Мнение В. В. Латышева по этому поводу мы уже приводили. С другой стороны, справедливость требует отметить, что выдающиеся атлеты и олимпийцы были почти во всех городах Греции, а не только в наиболее крупных. География мраморных плит с именами победителей весьма разнообразна и говорит о чрезвычайной популярности спорта у греков. И хотя преимущественно в рамках лишь одного общественного класса, но эллины сделали физическую культуру в своей стране явлением действительно массовым.

Г. Дюперрон справедливо называет физическую культуру «специфическим, национальным элементом эллинской жизни, сросшимся с ней с незапамятных времен».¹³⁰ Всякий равноправный гражданин должен был заниматься спортом, если он рассчитывал играть какую-либо роль в своем государстве. Эти занятия делали эллина во многих отношениях выше (по крайней мере в собственных глазах) чужеземцев, т. е. «варваров», которые по своей некультурности не были знакомы с гимнастическими упражнениями.

Нельзя забывать и об эстетических требованиях. Будучи учителями всего мира в искусстве, греки стремились создать красивые формы и в жизни. Греческие скульпторы, изображая прекрасных людей, приучали эллинов ценить красоту человеческого тела не только в мраморе, но и в окружающих их соотечественниках. В свою очередь, как мы уже говорили, они находили многочисленные модели среди занимающихся в гимнасиях и на стадионах.

Эстетическое чутье греков, их постоянное стремление к гармоническому развитию в большой степени обуславливались окружающей их природой. Вспомним Энгельса, который писал об Элладе: «Все ее ландшафты оправлены или, по крайней мере, были оправ-

¹²⁸ Billinski B. Antyczny krytyki antycznego sportu // Meander. 1956. № 9–11.

¹²⁹ fr. I, 89.

¹³⁰ Дюперрон Г. Указ. соч. С. 16.

лены в рамки гармонии». ¹³¹ Естественно, что это оставило свой след в микропонимании греков, в их психике.

Немалое значение в проведении игр и просто состязаний имели религиозные убеждения (Г. Дюперрон, 1924; Е. Курциус, 1935; Е. Гардинер, 1955 и др.). Недаром все игры содержали в своей программе солидный религиозный церемониал, предшествующий выступлениям атлетов. Эти праздники считались священными и связывались с именами различных богов. Да, собственно, и богов своих греки представляли мощными и сильными, ловкими, быстрыми и красивыми. В какой-то мере божества были воображаемыми и офантастичными копиями лучших атлетов. Отсюда известный тезис: «Люди как боги, а боги как люди». Грек, желая как можно более походить на своих богов, стремился к физическому совершенству. Религия учила, что нет более прекрасного способа угодить богам и оказать им почет, как при помощи торжественных игр. Платон называл богов «друзьями игр».

В свое время на развитие физической культуры большое влияние, на наш взгляд, оказала система государств-полисов. Соперничество между городами обостряло и спортивные состязания. В то же время очень почетно было выиграть приз «на глазах всей Эллады».

Следует учесть и то, насколько любил древний грек всевозможнейшие агоны. Ф. Ф. Зелинский был несомненно прав, когда писал: «...во всю греческую жизнь был введен элемент соревнования». ¹³²

Объяснение этому очень хорошо дает Карл Маркс; сравнивая народы на ранней ступени их развития с различными типами детей, он писал: «Разве в детской натуре в каждую эпоху не оживает ее собственный характер в его безыскусственной правде? И почему детство человеческого общества там, где оно развилось всего прекраснее, не должно обладать для нас вечной прелестью, как никогда не повторяющаяся ступень? Бывают невоспитанные дети и старчески умные дети. Многие (подчеркнуто нами. — Ю. Ш.) из древних народов принадлежат к этой категории. Нормальными детьми были греки». ¹³³

А какой же нормальный ребенок упустит случай побегать, испытывать свои силы в борьбе, посостязаться с товарищами! Как видим, это подтверждает мнение Г. Дюперрона, приведенное нами выше. Действительно, нельзя не учитывать национальные особенности того или другого народа, ибо часто именно они имеют решающее значение.

¹³¹ Энгельс Ф. Ландшафты (Письма. 1838–1845 гг.). М., 1940. С. 55.

¹³² Зелинский Ф. Софокл и героическая трагедия // Софокл. Драмы. Т. 1. С. XXVII. М., 1914.

¹³³ Маркс К. К критике политической экономии. Введение // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. XII. С. 737).

На наш взгляд, не разрозненные причины, а только весь комплекс перечисленных факторов может объяснить, почему именно в Элладе родились Олимпийские игры и так пышно расцвела агонистика.

Главным же является то, что даже в самые тяжкие годы древнегреческой истории Олимпийские игры неизменно служили благородной идее объединения и дружбы эллинских государств. А это, в свою очередь, гармонирует с идеей калокагатии свободного грека.

Глава II

АГОНИСТИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ

Невозможно представить себе мифологию и религию эллинов без яростных единоборств героев и богов, без состязаний в силе, ловкости, быстроте и выносливости.

Мы уже упоминали, что обязательной принадлежностью палестры и гимнасиев были гермы. Самый «разносторонний» древнегреческий бог — Гермес — покровительствовал и молодым атлетам. По многочисленным преданиям, он еще в детстве показал себя не только хитрым и находчивым, но также ловким и сильным.¹ Поэтому Гермеса призывали на помощь эллинские юноши перед состязаниями в борьбе и в беге.

В Херсонесе Таврическом, Ольвии и Горгиппии праздновали Гермей (игры, посвященные Гермесу): «Там обычно устраивались состязания детей и юношей, причем эфебы состязались в видах спорта, носивших военный характер».²

Незаурядными атлетическими качествами отличались многие персонажи древнегреческой мифологии. Геракл — «великий борец», лучник и дискобол. Аполлон — искусный стреловец, борец, кулачный боец и метатель диска. Также хорошим дискоболом и пятиборцем считался Персей. Полидевк — непобедимый кулачный боец, а его брат Кастор — всегда первый на скачках. «Храбрые и сильные Диоскуры помогали в битвах, появляясь на белых конях, покровительствовали мореплавателям, путникам, а также всем атлетам Греции. Предание рассказывает, что Диоскуры славились искусством верховой езды и умением управлять колесницей».³ У многих мифографов описаны как непревзойденные конники Иолай и Нестор. Этот перечень можно продолжить.

¹ Лукиан. Разговоры богов. 7, III; 24, I.

² Соломоник Э. И. Фрагмент агонистического каталога из Херсонеса // ВДИ. 1963. № 4. С. 175.

³ Колесникова Л. Г. Спорт в античном Херсонесе. М.; Л., 1964. С. 10.

Что же касается конкретно эллинской мифологии, то ее замечательный и вездесущий антропоцентризм способствует повсеместному стиранию граней в обрисовке богов, героев и людей. В итоге — основное внимание обращено не столько на божественные, сколько на человеческие судьбы.⁴

Воспитатель древних героев — кентавр Хирон — может быть назван одним из первых педономов и педотрибов: ведь у себя на Пелионе он обучал Ахилла, Кастора, Полидевка, Амфиарая и других не только музыке и врачеванию, но и гимнастике.⁵

Также в древнюю мифологию уходят корнями традиционные игры эллинов. В каждом случае, как правило, существовало несколько легендарных версий об их происхождении.

ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ

О рождении Олимпийских игр аэды и рапсоды рассказывали следующее: на берегах Алфея Зевс боролся с Кроном за власть и, победив, учредил эти состязания.⁶ По другому мифу в Олимпии первыми состязались Куреты — Геракл, Пеоней, Эпимед, Иасис, Идас. Там впервые Геракл увенчал победителя веткой маслины. Таким образом, эта версия честь установления игр приписывает Идейскому Гераклу.⁷ Аполлодор и Феофраст приводят миф о том, что Олимпийские игры после длительного перерыва возобновил Геракл Фиванский, празднуя победу над царем Авгием.⁸ «Считать Геракла учредителем праздника побудило, вероятно, участие в нем дорийцев, переселившихся на Пелопоннес, по преданию, под начальством потомков Геракла».⁹ Возможно и другое: миф о Геракле — основателе (или реставраторе) Олимпийских игр — результат влияния Спарты, являвшейся до Пелопоннесской войны могучим союзником Элиды.

Миф о Геракле Фиванском — основателе или продолжателе Олимпийских игр — ученые склонны отнести к XIII веку до н. э. (т. е. ко времени Троянской войны). Страбон, один из наиболее солидных «реалистов» древнегреческой географии, истории и литературы, правда, настоятельно советует нам «...опустить древние сказания и об основании святилища, и об учреждении игр; некоторые считают Геракла, одного из Идейских Дактилей, основоположником их,

⁴ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976. С. 257. См. также: Hultkrantz A. Les religions des indiens primitifs de l'Amérique. I. 1963. P. 33.

⁵ Гомер. Илиада. XI, 831.

⁶ Павсаний. V, VII, 4.

⁷ Там же. VIII, II, 1.

⁸ Аполлодор. II, VII, 2; Пиндар. Olympia, XI, 47.

⁹ Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Ч. II. СПб., 1889. С. 117.

и другие — Геракла, сына Алкмены и Зевса, который первым принимал участие в играх и одержал победу; ведь эти сказания передаются на много разных ладов, но им не следует особенно доверять».¹⁰

Итак, уместно заметить, что в эллинской мифологии, на фоне единого героя, в разные времена существовали и активно действовали несколько «местных» Гераклов. И каждое эллинское племя, каждый полис хотел иметь «своего» Алкида. Кроме того, многочисленные походы и странствия героя весьма способствовали почти безграничному расширению «Геракловой географии» — от Скифии до Африки!

Отдадим, разумеется, должное добросовестности Страбона. Но в данном исследовании нас интересуют именно легенды, сказания и мифологические сюжеты.

Однако наиболее популярной и распространенной версией является миф о Пелопсе — учредителе Олимпиад. По словам Павсания, в Писе его почитали настолько выше других героев, насколько Зевс был выше прочих богов.¹¹

По преданию, Пелопс влюбился в Гипподамию — дочь жестокого Эномая, царя Элиды. Эномай было предсказано, что он погибнет от руки зятя. Поэтому всем, кто сватался к Гипподамии, царь предлагал состязаться в беге колесниц. Догнав очередного претендента-неудачника, Эномай поражал его копьем. Пелопс согласился на все условия царя (предусмотрительно подкупив его возницу Миртила щедрыми обещаниями). Осевая чека тайно вынута Миртилом, на бешеной скорости колесница разваливается: Эномай гибнет. Став мужем Гипподамии и одновременно властелином Писы и Олимпии, Пелопс в память о своей победе решил каждые четыре года устраивать Олимпийский праздник и проводить состязания.¹²

Но победитель не собирался выполнять данные Миртилу обещания и столкнул беспечного возницу в море. Так свершился первоначальный грех Пелопса, от которого страдали и его сын Атрей, и внук Агамемнон, и правнук Орест.¹³

Учитывая эту ветвь мифа, логично допустить, что устроенные Пелопсом игры могли носить не только триумфальный, но и испуганный характер.

Приведем изложение этого мифа полностью по Аполлодору:

«Эномай, царствовавший в Писе, имел дочь Гипподамию, и то ли он сам был влюблен в нее, как говорят некоторые, то ли он получил оракул, в котором ему предсказывалась смерть от руки того, кто же-

¹⁰ Страбон. География в 17 книгах. VIII, III, 30 / Пер. Г. А. Стратановского. М.: Наука, 1964.

¹¹ Павсаний. V, XIII, I.

¹² Там же. V, I, 5; V, VII, 4; VIII, II, I.

¹³ Софокл. Электра. С. 503–515.

нится на его дочери, но никто не брал ее в жены. Отец Гипподамии не мог убедить ее сойтись с ним, женихов же он всех убивал.

Обладая оружием и конями, которые были подарены ему Аресом, Эномай устраивал состязания для женихов; победивший в этих состязаниях получал право жениться на Гипподамии. Жених должен был посадить Гипподамию на свою колесницу и мчаться с ней до Коринфского перешейка, Эномай же преследовал его вооруженный, и если достигал жениха, то убивал на месте. Тот, кого он не смог бы настичь, мог взять Гипподамию в жены. Поступая таким образом, Эномай убил многих женихов (некоторые указывают, что их было двенадцать). Головы убитых Эномай отрубал и прибивал гвоздями к своему дворцу.

Прибыл и Пелопс, чтобы посвататься к Гипподамии. Пораженная его красотой, Гипподамия влюбилась в него и уговорила Миртила, сына Гермеса, помочь Пелопсу. Миртил же был возничим Эномая. Любя Гипподамию и желая ей угодить, Миртил не укрепил ступицы колес чеками, и это послужило причиной поражения Эномая. Кони потащили его, запутавшегося в вожжах, и он погиб. Согласно другим источникам, его убил Пелопс. Умиравший Эномай, поняв предательский поступок Миртила, проклял его, пожелав ему погибнуть от руки Пелопса.

Так Пелопс получил Гипподамию. Проезжая в одном месте с Миртилом, который его сопровождал в этом путешествии, Пелопс отлучился, чтобы принести воды супруге, испытывавшей жажду. В этот момент Миртил попытался овладеть Гипподамией. Пелопс узнал от Гипподамии о поступке Миртила и сбросил его у мыса Гереста в море: оно было названо по имени Миртила Миртойским. Падая, Миртил проклял весь род Пелопса».¹⁴

Жестокость изложенного мифа является таковой лишь с нашей современной точки зрения. Этические нормы человеческого общества сурового периода патриархата не только допускали, но порой даже предусматривали поединок за царскую власть с обязательным смертельным исходом для одного из участников. Поэтому вполне допустимо, что легенда изложила в поэтической форме обстоятельства, близкие к реальным.

По мнению Дж. Томсона, в мифе о состязании Пелопса и Эномая отразился известный в Элладе тех времен древний обычай единоборства искателя престола с царем, что являлось, по сути, одной из форм ритуального убийства. В своем труде «Эсхил и Афины» Дж. Томсон пишет: «...миф о Пелопсе может быть интерпретирован как символическое отражение специфической формы первобытных инициаций, принятых в доисторической Олимпии. Они состояли из двух частей — инициаций возмужалости и инициаций в царский сан. Последние

¹⁴ Аполлодор. Эпитома. II, 4–8.

заклучались в состязаниях-испытаниях (первоначально — в состязаниях в простом беге, а потом — в беге колесниц); победитель провозглашался божественным царем или царем-жрецом года...»¹⁵

С этой точкой зрения очень хорошо согласуется рассказ Павсания о том, что Эндимион (один из царей Элиды) однажды предложил своим сыновьям состязаться с ним в беге, назначив наградой победителю именно царский престол (Павсаний. V, I, 6; V, 8, 1).

Что же касается непосредственного ритуального состязания женихов за невесту (и одновременно за царскую власть), то этот агон свидетельствует о существовании в Древней Элиде матрилинейной традиции наследования престола.

По этому поводу С. В. Шостакович пишет: «Престол передавался через царевну-наследницу, которую "жених" должен был суметь похитить и тем самым оспорить у ее отца престол. Такой царевной-наследницей и была Гипподамия».¹⁶

Как считает этот же исследователь, существование матрилинейной преемственности престола в Элиде доказывает и тот факт, что, по сохранившимся мифам, Пелопсу не пришлось затем оспаривать царскую власть у сыновей Эномая — Гипподама, Левкиппа и Диспонтя.

В легенде о Пелопсе, Гипподамии и Эномае переданы сложные перипетии многовековой и жестокой борьбы между матриархатом и нарождающимся патриархатом. «Миф сложился в эпоху этой борьбы, когда размытие и группового, и парного брака уже продвинулось далеко вперед, о чем свидетельствует сама сюжетная завязка мифа о состязании претендентов на руку девушки с отцом невесты».¹⁷

А поэтому не стоит пытаться рассмотреть в образе прекрасной Гипподамии черты девушки-изувера, неблагоприятной дочери, спокойно наблюдающей гибель отца (и даже косвенно причастной к этой гибели).

Символично, что олимпийскую эстафету у Пелопса принял его правнук — Геракл Фиванский (Младший). В мифологии это, пожалуй, первый сюжет, связанный с понятием атлетической династии. Такой, какой, например, явилась в действительности династия Диагоридов — знаменитых кулачных бойцов с острова Родос.

А сам культ Пелопса — древнейший из всех, известных в Олимпии: он возник тут еще задолго до утверждения культа Зевса.

По одной из мифологических версий, Миртил, сын Гермеса, властью богов был после смерти вознесен на небо, где теперь присутствует в качестве созвездия Возничий. А память героев этого мифа (пусть и легендарная) почиталась в Олимпии специальными играми в честь Пелопса и Гипподамии.

¹⁵ Thomson G. Aeschylus and Athens. A study in the social origins of drama. London, 1941. P. 118.

¹⁶ Шостакович С. В. Сказание о Пелопидах (из истории становления патриархальной семьи в Древней Греции). Иркутск, 1975. С. 7.

¹⁷ Там же. С. 8.

Описанный мифологический сюжет являлся одним из самых популярных не только в литературе, но также и в изобразительном искусстве эллинов. Восточный фронтон храма Зевса в Олимпии был украшен скульптурными изображениями Эномая, Пелопса и Гипподамии. Наконец, вспомним, что имя Пелопса увековечено и в названии полуострова Пелопоннес.

Даже происхождение священного перемирия во время игр *ἐκεχειρία* (*ekescheiria*) мифология объясняет свободно и поэтично. Впервые такое перемирие было якобы объявлено в Аркадии.

Ликаон, сын Пеласга, желая как можно лучше принять и почтить пришедших внезапно к нему богов, зарезал и подал на стол своего первенца Никтима. Вопреки ожиданиям столь своеобразно хлебосольного хозяина, обидевшись и усмотрев в этом святотатство, Зевс испепелил перунами Ликаона и остальных его детей.

Но и сделав это, он продолжал разить Аркадию огненными стрелами до тех пор, пока Гея не подняла в мольбе руки (*χεῖρας* (*cheiras*)) и не утихомирила его.¹⁸

Анализ мифологических источников позволяет нам различить в многовековой истории Олимпийских игр четыре периода:

1) героический период (в играх участвуют преимущественно боги и герои);

2) легендарный период, начинающийся с 50-го года после Девкалионова потопа, когда Климен, сын критянина Кардиса, возобновил якобы Олимпийские игры, посвятив их Идейскому Гераклу;¹⁹

3) полупоэтический период — в IX веке до н. э. после нового перерыва игры возрождены Ликургом и Ифитом;²⁰

4) исторический период игр, исчисляющийся с 776 года до н. э., когда элидский повар Койрб победил в простом беге.

Автор отдает себе отчет в определенной условности первых двух периодов этой «олимпийской хронологии». Однако тот общеизвестный факт, что мифология и реальность в сознании древних греков обычно сливались воедино, все же позволяет нам предложить такую синтетическую периодизацию.

ИСТМИЙСКИЕ ИГРЫ

С агонами в Коринфе на Истме связано тоже немало мифов.

Древнейшая, на наш взгляд, версия такова: Истмийские игры основал Тесей в честь победы над разбойником Синидом. К тому же этот герой считается изобретателем основных приемов борьбы (Аполлодор, Павсаний, Элиан).

¹⁸ Аполлодор. III, VIII, 1-2.

¹⁹ Павсаний. V, VIII, 7.

²⁰ Там же. V, IV, 4 и далее. Некоторые исследователи считают, что Ликург с Ифитом возродили Олимпийские игры в 884 году до н. э.

В этом плане характерен рассказ Плутарха о Тесее: «Он первым пошел по стопам Геракла в устройстве состязаний, считал славой для себя, что греки... станут благодаря ему справлять Истмийские игры в честь Посейдона.

...Некоторые, правда, говорят, что Истмийские игры посвящены Скирону, ибо Тесей хотел искупить вину за убийство родича: ведь Скирон был сыном Капета и Гениохи, дочери Питфея. Наконец, третьи называют сыном Гениохи не Скирона, а Синида (см. выше. — Ю. Ш.) — это в его-де честь учреждены Тесеем игры».²¹ Плутарх ссылается на Гелланика и Андрона Галикарнасского. Достаточно распространена версия и о том, что Истмийские игры стали проводить в честь спасенного дельфином Меликерта — сына Ино (впоследствии Меликерт становится Палемоном).²²

«...Там еще в мое время росла сосна у самого морского берега и тут же стоял жертвенник Меликерта. Говорят, что к этому месту дельфин принес ребенка и что Сизиф, найдя его лежащим (на берегу), похоронил на Истме и в честь него устроил Истмийские игры».²³

Но со временем культ финикийского Меликерта и Палемона был вытеснен местным культом Посейдона, в честь которого и проводились конные состязания.²⁴

Страбон подтверждает, что на Истме находилось святилище Посейдона, где в тени сосновой рощи коринфяне праздновали Истмийские игры (VIII, VI, 22). Этот же автор обращает внимание на особую популярность состязаний, говоря, что «...Истмийские игры, справлявшиеся там, привлекали толпы народа».²⁵

Интересно, что большинство версий возникновения Истмийских игр имеют в основе счастливое избавление и лишь в одном случае — искупление вины.

ПИФИЙСКИЕ ИГРЫ

Основателем Пифийских игр принято считать Диомеда, который посвятил эти состязания Аполлону.²⁶ Но Пиндар (а в X-й книге «Описания Эллады» и Павсаний) рассказывает, что Пифийские игры учредил сам Аполлон в память о своей победе над Пифоном.²⁷

В Темпейской долине, в Фессалии «...пифийский Аполлон очистился по велению Зевса после крови змея Пифона, стража Дельфы. Затем сын Зевса и Лето увенчал голову темпейским лавром и с лавро-

²¹ Плутарх. Тесей. XXV.

²² Павсаний. I, IV, II.

²³ Павсаний. II, I, 3; Аполлодор. III, IV, 3.

²⁴ История греческой литературы. М.: АН СССР, 1946. Т. I. С. 187–188.

²⁵ Страбон. VIII, VI, 20.

²⁶ Павсаний. II, I, 3.

²⁷ Павсаний. X, VII, 2; Пиндар. Pythia. IX. С. 1–75.

вой веткой в руке, сорванной с этого же дерева, пришел в Дельфы и завладел оракулом. Венками из ветвей этого же лавра венчают также победителей на Пифийских состязаниях».²⁸

Таким образом, легенда о Пифийских играх — триумфальный миф о победителе. Первым же победителем на Пифийских состязаниях при всех вариантах принято считать Аполлона.²⁹

ПАНАФИНЕИ

Относительно происхождения Панафинейских игр мифологических расхождений меньше, но они все же есть. Сын Гефеста, царь Афин Эрихтоний, первый введший состязания в беге колесниц, учредил и Панафинеи.³⁰ Именно этот праздник начинался от жертвенника Прометея лампадодромией.³¹ Как известно, эта символическая церемония и в наши дни предшествует открытию Олимпийских игр. Павсаний же поддерживает мнение о том, что Панафинеи впервые стали проводить при Тесее:

«Этому празднику раньше было имя Афиней, Панафинеями же они стали называться при Тесее, потому что были отпразднованы всеми афинянами, объединившимися в один город».³²

Примерно то же сообщает о Тесее и Плутарх: «...город назвал Афинами и учредил Панафинеи — общее празднество с жертвоприношениями».³³

Правда, у Аполлодора читаем следующее: «...Эгей, вернувшись в Афины, устроил Панафинейские состязания, в которых сын Миноса Андрогей одержал победу над всеми. Эгей тогда отправил его на охоту за Марафонским быком, и бык его убил. Некоторые, однако, сообщают, что Андрогей отправился в Фивы, чтобы принять участие в состязаниях, учрежденных в честь Лаия, и был там убит завидовавшими ему участниками состязаний, устроившими засаду» (III, XV, 7). Но этот сюжет мало популярен.

Среди мифологических генеалогий древних игр Панафинеи, пожалуй, отличаются наиболее выгодно. Ибо тут идет речь не о частном поводе или торжестве, а о единении большой группы людей.

²⁸ Элиан. Пестрые рассказы. III, I. Тут и далее — перевод С. В. Поляковой. М.: АН СССР, 1963.

²⁹ Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С. 304.

³⁰ Элиан. Пестрые рассказы. III, 38.

³¹ Павсаний. I, 30, 2.

³² Там же. VIII, II, I.

³³ Плутарх. Тесей, XXIV. Тут и далее перевод дается по изданию: Плутарх. Сравнительные жизнеописания / Под ред. М. Е. Грабарь-Пассек. М.: АН СССР. Т. I–III. 1961–1964.

НЕМЕЙСКИЕ ИГРЫ

Немейские игры возникли, вероятно, позже других общегреческих состязаний, хотя есть, и более древние мифы об их происхождении.

Первичная легенда приписывает открытие Немеиских игр (как и Олимпийских) Гераклу. Алкид якобы учредил эти состязания в честь своего первого подвига — победы над Немеиским львом.

Не случайно Лукиан устами Гелиоса в «Разговорах богов» назвал знаменитого сына Зевса «великим атлетом». ³⁴ Каждый подвиг этого героя бесчисленных мифов зиждется на гигантской силе, соединенной с ловкостью и безмерной отвагой. По версии, которую мы находим у Павсания, эти игры учредил аргосский царь Адраст. ³⁵ Так он хотел почтить память своего отца (в другом варианте — деда) Пелия. В играх принимали участие величайшие герои Греции.

Судьей на играх был сам Гермес. Кастор, Полидевк и Эвфем состязались в беге колесниц. Адмет и Мопс — в кулачном бою. Атлант и Пелей — в борьбе. В беге всех победил Ификл.

В своей книге по античной философии А. Ф. Лосев приводит другую версию: «Немейские игры были учреждены очень поздно, а тот Зевс Апесант, которому они были посвящены, мало вспоминался, т. к. его заслонил миф о походе на Фивы семи вождей, проходивших через Немею и, по преданию, установивших игры в честь погибшего младенца, сына местного царя». ³⁶ Подробности этого мифа находим у Аполлодора ³⁷ и Элиана. ³⁸

По одной версии, кормилица младенца Пронакта пошла, оставив ребенка, показывать вождям дорогу к колодцу. В ее отсутствие мальчика умертвил змей. В память о Пронакте якобы и были установлены Немеиские игры. У Элиана же находим и другой вариант (почти аналогичный). Игры были учреждены в честь немеиского царевича Архемира, которого, подобно Пронакту, умертвила змея при сходных обстоятельствах. Между всеми этими версиями легко уловить связь. Ведь и поход Семерых против Фив был, согласно легенде, предпринят именно Адрастом в защиту интересов его зятя Полиника. Это совпадение нескольких мифологических вариантов тоже, на наш взгляд, свидетельствует об относительно позднем утверждении Немеис.

Но, разумеется, нет никаких оснований считать эти мифы плодом классического периода эллинской литературы.

³⁴ Лукиан. Разговоры богов. 10, II.

³⁵ Павсаний. X, XV, 3.

³⁶ Лосев А. Ф. Указ. соч. С. 91.

³⁷ Аполлодор. III, 6, 4.

³⁸ Элиан. Пестрые рассказы. IV, 5.

Совершенно очевидно, что общегреческие агоны уходят своими корнями в доисторическую эпоху, а впоследствии Олимпийские, Пифийские, Истмийские и Немеиские игры родились вторично ³⁹ (соответственно в 776, 590, 583 и 573 годах до н. э.), чему есть не мифологические, а литературно-документальные подтверждения.

СЮЖЕТЫ

В мифах не только многократно названы, но зачастую и весьма подробно описаны различные виды физических упражнений античности.

Именно из мифологии почти во все жанры древнегреческой литературы перекочевали традиционные «агонистические» сюжеты. Тут, как и обычно, фигурируют боги и герои, постепенно обретающие реальные человеческие черты.

Как писал Энгельс, «фантастические образы, в которых первоначально отражались только таинственные силы природы, приобретают теперь также и общественные атрибуты и становятся представителями исторических сил». ⁴⁰

Даже историки, археологи и этнографы нередко опираются в своих изысканиях на мифологию уже хотя бы потому, что, в отличие от сказочных, поэтических, басенных и других художественных образов, мифологические образы не условны: в них всегда присутствует конкретность. В мифологическом мышлении сливаются воедино элементы фантастики и реальности: весьма плодотворное соединение!

В греческой мифологии, как уже говорилось, божества нередко очеловечивались настолько, что стиралась грань между небожителем и простым смертным. И это делало легенду еще более обаятельной и близкой человеку, несмотря на ее внешнюю фантастичность. ⁴¹

Первым и, пожалуй, самым распространенным агонистическим сюжетом в мифологии является рассказ о единоборстве за обладание невестой.

Мы уже достаточно подробно останавливались на сватовстве Пелопса, который состязался с отцом своей невесты. К этому же виду агонев следует отнести и состязание Геракла с царем Эвритом в стрельбе из лука за право называться мужем царской дочери Иолы. ⁴²

Однако чаще женихам приходилось в мифах состязаться не с будущим тестем, а между собой.

³⁹ Павсаний. V, VIII, 1-3.

⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 20. С. 329.

⁴¹ Тренчени-Вальдапфель И. Мифология. М., 1959. С. 27.

⁴² Плутарх. Тесей. VIII.

Неутомимый Геракл борется с речным богом Ахелоем за право быть мужем Деяниры. Так повелел ее отец царь Ойней.⁴³ Правда, по одной из версий, даже после победы Алкида царь якобы не отдал ему Деяниру, ибо герой уже был женат на Иоле. И Данай, когда боги очистили данайд от скверны, устроил в честь олимпийцев пышные игры. Победители получили как награду в жены дочерей царя. Павсаний говорит, что главным было состязание в беге.⁴⁴

Тот же Павсаний пишет: «Говорят, что Икарый устроил для женихов Пенелопы состязание в беге; что на нем победил Одиссей — это всем известно».⁴⁵

Наконец, еще одним вариантом этого сюжета является миф об Аталанте, дочери беотийского царя Схенея, которую вскармила медведица.

Быстроногая и неутомимая Аталанта жила в лесу и всем претендентам на руку и сердце неизменно отвечала:

*Мной овладеть единственно можно,
В беге меня победив. Состязайтесь со мною ногами.
Быстрому в беге дадут и супругу, и спальню в награду.
Плата же медленным — смерть:
таково состязанья условие».*⁴⁶

Притягательная красота Аталанты заставляла рисковать жизнью многих. Неудачников она, как и Эномай, поражала копьем.

Прибегнув к покровительству Афродиты, Аталанту победил Гиппомен (по другой версии — Меланион). Мчась, он бросал подарки Афродиты — золотые яблоки, подбирая которые, бегунья отстала и проиграла состязание.

Этот миф передан и Феокритом⁴⁷, и другими авторами. Аталанту Беотийскую иногда ошибочно отождествляют с аркадской Аталантой, дочерью царя Иасия — участницей Калидонской охоты и похода аргонавтов.⁴⁸

Уже сам характер нелюдимой беотийской охотницы, живущей в лесах, находится в вопиющем противоречии с дальними походами и многолюдным обществом.

Однако и сходства в описаниях образа жизни, внешности и характера двух Аталант (вплоть до мельчайших подробностей!) более

⁴³ Софокл. Трахинянки. С. 103–105; Аполлодор. II, VII, 5.

⁴⁴ Павсаний. III, XII, 1; Аполлодор. II, I, 5.

⁴⁵ Павсаний. III, XII, 2.

⁴⁶ Овидий. Метаморфозы. X. С. 369–372 / Перевод С. В. Шервинского.

⁴⁷ Феокрит. Идиллии. III. С. 40–42.

⁴⁸ Аполлоний Родосский. Аргонавтика. I, 769; Аполлодор. I, VIII, 2; Элиан. Пестрые рассказы. XIII, 1.

чем достаточно. И если, придирчиво ознакомившись с историей двух Гераклов эллинской мифологии, исследователи без колебаний установили, что Старшим является Геракл Идеикий (хотя бы потому, что его генеалогические корни следует искать на Крите), то относительно двух Аталант этот вопрос решить гораздо сложнее.

Кроме Элиана и Аполлония Родосского, миф об Аталанте Аркадской весьма подробно изложил Аполлодор: «...от Иасия и Климены, дочери Миния, родилась Аталанта».

Отец Аталанты, желавший иметь детей только мужского пола, выбросил девочку, и ее вскармливала, часто навещая, своим молоком медведица, пока Аталанту не подобрала охотники, воспитавшие ее у себя. Став взрослой девушкой, Аталанта сохраняла свою девственность и проводила время, занимаясь охотой в диких и пустынных местах... Над ней пытались совершить насилие кентавры Ройк и Гилей, но она убила их, застрелив из лука. Аталанта вместе с мужчинами приняла участие в охоте на Калидонского вепря; когда же были учреждены игры в честь Пелия, она вышла победительницей в поединке с Пелеем. Позднее она отыскивала своих родителей и, так как отец стал убеждать ее выйти замуж, выбрала участок, пригодный для бега, укрепила посередине кол в три локтя высотой и назначила это место как исходное для женихов, которые должны были состязаться с ней в беге. Сама же она следовала за ними бегом в полном вооружении. Тот, кто оказывался настигнутым в пределах указанных границ, должен был поплатиться жизнью, а тот, кто не был бы настигнут, получал право жениться на ней. После того как многие, сватавшиеся к ней, погибли, влюбленный в нее Меланион пришел на место состязаний, имея с собой золотые яблоки, подаренные ему богиней Афродитой. Преследуемый Аталантой, он бросал их на землю; Аталанта, подбирая их, оказалась побежденной, и Меланион женился на ней.

...Гесиод же и некоторые другие сообщают, что Аталанта была дочерью Схенея, а не Иасия; Еврипид же говорит, что она была дочерью Менала. Мужа ее он называет не Меланионом, а Гиппоменом».⁴⁹

Как видим, даже знаменитый мифограф затрудняется точно определить: две Аталанты существовали или одна. Однако античная традиция Аталанту Аркадскую называет непобедимой лучницей, а вторую — Аталанту Беотийскую — непревзойденной бегуньей. Также упоминаются два царя-отца, правящие и живущие в разных областях Эллады. Наконец, известны имена и двух счастливых претендентов-женихов.

Если вспомнить, что неукротимый, могучий и более чем общительный Геракл имел несколько жен, то это не вызывает удивления.

⁴⁹ Аполлодор. III, IX, 2.

Но лесная охотница, в силу своеобразного и вполне определенного нрава, едва ли была склонна к смене мужей. И это — еще одно доказательство того, что в мифологии эллинов мирно уживались две воистинные Аталанты. Это вытекает не только из характера самого мифа, но также из анализа душевных особенностей его героинь.

Кроме того, нельзя забывать, что художественные возможности мифа практически неограниченны: «Коль скоро миф, во-первых, хронологически не привязан, а во-вторых, представляет собой не повествование о каком-то, хотя бы квазиисторическом событии, но лишь вневременное чувственно-наглядное истолкование некоего факта или события нынешнего мира, он, миф, не боится того, что с точки зрения рационалистической логики представлялось бы противоречием».⁵⁰

В проанализированных мифах слышится отголосок тех далеких времен, когда человеческие жертвы не были редкостью. В них ощущается и древнее влияние матриархата: женщине отведена главенствующая роль. Исторические связи мифологии с жизнью общества многообразны и прочны. И то, что сегодня кажется нам в высшей степени фантастическим, в свое время могло быть естественным и даже заурядным.

Менялся образ жизни людей, изменялись и нравственные идеалы.

Наконец, хотя состязание за невесту не является чертой исключительно древнегреческого быта и древнегреческой мифологии, но для эллина, вносившего элемент соревнования буквально во все, этот сюжет особенно характерен.

Кроме всего вышесказанного, миф об Аталанте является, на наш взгляд, еще одним подтверждением мнения, что женские состязания в беге были в Элладе столь же древними, как и состязания мужчин.

Вторым агонистическим сюжетом является смерть от неверно пущенного диска. Главный миф этого цикла, несомненно, — рассказ об убийстве Гиацинта (Гиакинфа).

Сведения о Гиацинте мы черпаем преимущественно у Овидия (Метаморфозы. X, 162–219), Филострата Старшего (Картины. I, 24), Лукиана (Разговоры богов. 14), Плутарха (Нума. 4), Аполлодора (III, 10, 3).

Аполлон вместе со своим любимцем Гиацинтом, сыном царя Спарты, занимался дискотетанием. Бог неудачно метнул снаряд, который упал на землю и, отскочив, рикошетом поразил Гиацинта.

У Лукиана сам Аполлон так рассказывает об этом:

«Он учился метать диск, и я бросал вместе с ним. А Зефир, проклятый ветер, давно был влюблен в него, но без всякого успеха, и не

⁵⁰ Дьяконов И. М. Вступительная статья к сборнику «Мифологии древнего мира». М.: Наука, 1977. С. 20.

мог перенести того, что мальчик не обращает на него никакого внимания. И вот, когда я, по обыкновению, бросил диск вверх, Зефир подул с Тайгета и понес диск прямо на голову мальчика, так что от удара хлынула струя крови и мой любимец умер на месте».⁵¹

Бросается в глаза контраст между совершенно реальной обстановкой дискотетания и столь фантастической деталью, как тяжелый диск, унесенный... ветром.

Возможно, что это у сатирика Лукиана прием неизменного комизма даже при столь печальных обстоятельствах...

Ряд авторов (К. Вайсенгофф, 1939; А. Лосев, 1957; И. Тренчени-Вальдапфель, 1955) видят в образе Гиацинта природу, которая умирает осенью, чтобы снова воскреснуть весной. Отождествление Аполлона с солнцем абсолютно логично: ведь именно от его лучей засыхают и гибнут растения, но эти же лучи снова дают жизнь весенней флоре.

К этому же кругу мифов принадлежат сказания о Нарциссе, Адонисе и Лине — юношах, также погибающих в расцвете сил и красоты. Особенно близок к Гиацинту Лин: он гибнет тоже при состязании с Аполлоном. Правда, соревнуются они не в дискотетании, а в пении и в игре на кифаре.

Другая сюжетная ветвь мифа приводит нас к Лину, обучающему Геракла игре на кифаре. Не слишком музыкальный герой в сердцах швыряет неподатливый музыкальный инструмент и случайно убивает своего учителя.⁵²

Древний праздник Гиакинфий, существовавший в Греции,⁵³ совмещал и плач об умершем Гиацинте, и радость по поводу его возрождения. А. Ф. Лосев в уже упомянутой работе пишет: «В аполлоновской мифологии Гиацинт — упорядоченная и преображенная стихия».⁵⁴

Вообще же связь Аполлона с агонистикой в древнегреческой мифологии самая тесная. С одной стороны, он часто несет смерть (лук, стрелы и, в нашем случае, диск). С другой же стороны, классический Аполлон — бог цветущей юности и палестры (которую и создал вместе с Гермесом).⁵⁵ Он — бог всевозможных состязаний. Первый победитель на Пифийских играх, Аполлон побеждал и в Олимпии: Гермеса — в беге, Ареса — в кулачном бою.⁵⁶

⁵¹ Лукиан. Разговоры богов. 14, II.

⁵² Аполлодор. II, IV, 9; Павсаний. I, 43, 7; IX, 29, 6.

⁵³ Афиней. IV, р. 139.

⁵⁴ Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М.: 1957. С. 378.

⁵⁵ Гигин. Мифы. С. 277.

⁵⁶ Павсаний. V, VII, 4.

По Плутарху, Аполлон — вообще покровитель всех состязаний атлетов и особенно — лучников.

Жители Дельф поклонялись ему как богу кулачного боя, критяне — как покровителю бега. Вообще же в Дельфах Аполлон издревле считался не только опекуном отдельных видов состязаний, но и богом всякой агонистической победы.⁵⁷

Диск, причиняющий смерть, фигурирует и в других мифах. Аргосскому царю Акрисию было предсказано оракулом, что сын его дочери Данаи свергнет и убьет деда. Несмотря на меры, принятые Акрисием, к Данае в виде золотого дождя проник Зевс, и та родила Персея. Заточенные Акрисием в сундук, брошенные в море, мать с сыном все же спаслись. После совершения общеизвестных подвигов Персей хочет все же увидеть своего деда и отправляется в Аргос. По дороге он попадает в фессалийскую Ларису: тут умер царь, и его сын Тевтамид решил почтить память отца состязаниями. Весть об этом привлекает Персея. Акрисий, узнав, что внук направляется в Аргос, бежит оттуда... тоже в Ларису. Участвуя в пентатлоне, Персей метнул диск и случайно убил деда. Предсказание сбылось.⁵⁸

Этот сюжет мы находим у многих древнегреческих авторов: у Софокла в «Ларисейцах» (фр. II (348) и фр. III (349)), у Павсания (II, 16, 2) и других.

Павсаний же передает, что подобный несчастный случай произошел и с легендарным Оксиллом: «...говорят, что, бросая диск, он метнул его неверно и совершил непреднамеренное убийство».⁵⁹

В мифах гибель от небрежно брошенного диска может быть рассмотрена и как исполнение приговора неумолимой судьбы (воле которой не в силах противиться даже такой влиятельный небожитель, как Аполлон).

Иногда же такая смерть — справедливое возмездие за недобрые дела (хотя она и причинена помимо воли дискобола). Именно так можно расценить гибель Акрисию. Несомненно, этот мифологический сюжет был подсказан реальными обстоятельствами агонистов, где подобные несчастья были нередки.

Доказательством этого служит и «Гимн Деметре» Каллимаха.

Срубивший деревья в священной роще Деметры Эрисихтон наказан за это вечным голодом. Чтобы не пускать обжору-сына в гости, мать придумывает отговорку: «Эрисихтона ушибли диском...»⁶⁰

Вероятно, в те времена это звучало вполне правдоподобно и ни у кого не вызывало особого удивления.

⁵⁷ Плутарх. О музах. С. 5–7.

⁵⁸ Аполлодор. II, 2, I; II, IV, I; II, IV, 4; III, X, 3.

⁵⁹ Павсаний. V, III, 5.

⁶⁰ Подробнее об Эрисихтоне см.: Овидий. Метаморфозы. VIII. С. 738–884.

Плутарх приводит рассказ о том, что «...какой-то пентатл нечаянно брошенным дротом убил Эпитима из Фарсала».⁶¹

Распространен и сюжет гибели возницы на ипподроме в момент огибания меты. Это подтверждает, например, рассказ Талфибия из Софокловой «Электры».⁶²

Также на конных состязаниях гибнет Главк, отец Беллерофонта. В Иолке, на погребальных играх в честь Пелия Главка растерзали взбесившиеся кони. Уже в историческое время его дух отождествляли на Истме с маленьким божком (скульптурной метой, стоящей у поворота на ипподроме), который назывался *Taraxippos* (Тагахипрос), т. е. «пугающий лошадей».⁶³ В Олимпии же в этой мрачной роли выступали духи Эномая и Миртила.⁶⁴

В свете таких рассказов несколько меркнет ореол, окружающий обычно античную агонистику. Условия, в которых происходили древние игры, часто были весьма суровыми и небезопасными.

Третий распространенный агонистический сюжет — борьба героя с разбойником, убивающим или грабящим путников.

В мифах этого цикла первое место занимают Геракл и Тесей.

Победоносная борьба Геракла с Антеем, вызывавшим на поединок всех путников и украшавшим их черепами храм Посейдона, — миф, ставший в наше время и весьма известным, и многозначным.

Геракл Фиванский готовился к своим героическим деяниям (или его готовили боги) с самого раннего возраста. Он совершенствовался — в том же повседневном плане, как и обычный эллинский юноша, проходя те же этапы гимнасийного обучения. Имея для этого, однако, незаурядных учителей, «Геракл учился управлять колесницей у Амфитриона, борьбе — у Автолика, стрельбе из лука — у Эврита, сражаться в полном вооружении — у Кастора, пению и игре на кифаре — у Лина».⁶⁵

Подробности воспитания Геракла находим у Феокрита (в XXIV идиллии).

Вскоре от чисто агонистической подготовки Алкид перешел и к боевой: «Научившись у Эврита стрельбе из лука, Геракл получил от Гермеса меч, от Аполлона — лук и стрелы, от Гефеста — золотой панцирь, от Афины — плащ, дубину же он сам вырубил себе в Немейском лесу».⁶⁶

Геракл Младший — самый универсальный и могучий атлет из всех героев эллинской мифологии: трудно найти хоть один вид агонистики, в котором он бы не выступал и не победил.

⁶¹ Плутарх. Перикл. XXXVI.

⁶² Софокл. Электра. С. 681–699.

⁶³ Любкер Ф. Реальный словарь классической древности. СПб., 1885. С. 543.

⁶⁴ Там же. С. 1193.

⁶⁵ Аполлодор. II, IV, 9.

⁶⁶ Там же. II, IV, II.

Впрочем, универсализм Геракла приобрел глобальный (а не только агонистический) характер. Вот что пишет по этому поводу М. Г. Джеймсон: «Мифологические герои часто в той или иной форме становятся объектом религиозного культа, но один лишь Геракл почитался одновременно и как бог, и как великий умерший человек.

Воистину он победил смерть!»⁶⁷

Уметь добиваться победы всегда и при любых, самых трудных обстоятельствах — главная отличительная черта Геракла. Можно даже сказать, что он — самый трудолюбивый победитель-агонист в эллинской мифологии и вся его многотрудная жизнь выглядит как сплошной агон.

При этом от подвига к подвигу Алкид не стареет, силы его — не убывают, а цель очередного деяния — почти всегда благородна. Геракл служит и людям, и богам, стараясь нигде не сходить со стези справедливости. И нам кажется весьма заманчивым представить жизненный путь Геракла как непрерывный, чудовищно затянувшийся обряд инициаций.

Основания для такой гипотезы дают нам, в частности, труды известного фольклориста В. Я. Проппа,⁶⁸ который в ряде своих работ высказал мысль о том, что и миф, и сказки в той или иной мере явились сюжетным выражением древнего обряда инициаций. Ведь герой мифа, так же, как юный инициант, почти всегда проходит серию труднейших испытаний: отражение доисторического ритуала в мифе или сказке едва ли может вызвать сомнение.

Эту же идею плодотворно развил и еще более «осовременил» итальянский писатель Джанни Родари в своей книге «Грамматика фантазии».⁶⁹

По стопам Геракла шел Тесей. Ни на кого не нападая, он «...не давал спуску зачинщикам насилия».⁷⁰

В Эпидавре произошел первый поединок Тесея: он столкнулся с Перифетом-палиценосцем, который попытался насильно задержать его. Тесей убил Перифета и завладел его палицей.

«На Истме он казнил Синида, сгибателя сосен — тем же самым способом, каким Синид погубил многих путников. Не владея в этом деле ни навыком, ни опытом, Тесей доказал, что природная доблесть выше тщательной выучки».⁷¹

⁶⁷ Джеймсон М. Г. Мифология Древней Греции // Мифологии древнего мира. М.: Наука, 1977. С. 256.

⁶⁸ Пропп В. Я. 1) Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946; 2) Морфология сказки. М., 1969; 3) Трансформация волшебных сказок // Фольклор и действительность. М., 1976.

⁶⁹ Родари Дж. Грамматика фантазии. М., 1978. С. 77.

⁷⁰ Плутарх. Тесей. VIII.

⁷¹ Там же. VIII.

Подходя к Мегариде, Тесей убил Скирона, который грабил прохожих или (по другой версии) заставлял их мыть себе ноги и неожиданным ударом пятки сбрасывал в море.

«Однако мегарские писатели, — добавляет Плутарх, — оспаривают эту молву ... настаивая на том, что Скирон не был ни наглецом, ни грабителем, напротив — карал грабителей и находился в родстве и дружбе с благородными людьми».⁷² Предания противоречивы, но больше сторонников имеет первая версия.

Придя в Элевсин, Тесей победил в борьбе и убил разбойника Керкиона, а в Герме уничтожил Дамаста-растягателя (Прокруста).⁷³ Поступая так, Тесей подражал Гераклу. Алкид казнил нападающих той же казнью, какую они готовили ему: Бусирида принес в жертву богам, Антея поборо, Кикна убил в поединке, а Термеру (который разил встречных ударом головы) проломил череп.⁷⁴

Но самым ярким и весомым (в силу своих радикальных последствий) из всех подвигов Тесея является его справедливая расправа с Минотавром.⁷⁵ О причине возникновения страшной дани царю Миносу уже шла речь выше. Лишь заметим, что участие Андрогее (сына Миноса) в эллинских агонах еще раз подтверждает глубину древности этих состязаний. А встреча Тесея с Минотавром — тоже агон, где своеобразной наградой победителю стали жизни спасенных Тесеем молодых афинян.

С Критом связан и миф о похищении Европы. Именно тут у нее от Зевса-быка родился Минос. Сыном же супруги Миноса Пасифаи (тоже полюбившей быка) был Минотавр. Культ быка на Крите был зафиксирован и в культе, и в мифологии. А реальным его выражением явились знаменитые «бычьи игры», в которых принимали участие «...юноши и девушки, выступающие как акробаты в опасных играх с быком».⁷⁶

Описание этих состязаний является одним из самых древних мифологических сюжетов крито-микенской эпохи. Первые варианты мифа родились, по крайней мере, за 2000 лет до н. э.

Отнюдь не опасаясь впасть в примитивный эвгемеризм,⁷⁷ скажем: Зевс, плывущий по водам в образе быка (да еще и с Европой на спине!), в огромной мере выражал и отражал психологию тех самых первых эллинов-бродяг, которые никогда не отказывали себе в удо-

⁷² Там же. X.

⁷³ Плутарх. Тесей. XI.

⁷⁴ Аполлодор. III, IX, II; III, X, 5 и др.

⁷⁵ Плутарх. Тесей. XIX.

⁷⁶ Джеймсон М. Г. Указ. соч. С. 237.

⁷⁷ Эвгемеризм — распространившееся еще в античности мнение ученого Эвгемера о том, что прообразом каждого героя мифа послужил якобы реально существовавший великий человек.

вольствия если не освоить, колонизировать, то хотя бы посетить новые земли, дабы набраться новых впечатлений.

...Видное место в этой группе мифов занимает легенда об Амике, сыне Посейдона, царе диких бевриков на Босфоре. Всех гостей-иноземцев Амик вызывал на кулачный бой и безжалостно убивал.⁷⁸ Бесчинствам вызов, он убил царя его же оружием — оплетенным ремнями кулаком.

Этот сюжет разрабатывали многие античные авторы. Подробно изложен он у Аполлония Родосского (*Argonautica*. II, 1 и сл.), Валерия Флакка (*Argonautica*. I, III, 4 и сл.). Дошли до нас отрывки сатировской драмы Софокла «Амик» (фр. II, 108). У Феокрита Амик описан достаточно подробно. Это истинный кулачный боец-профессионал в наихудшем смысле:

*Подле источника муж восседал, неприступно заносчив,
Видом ужасен — с ушами, разбитыми в битве кулачной,
с грудью округлой, могучей, широкой и плоской спиною;
с мясом, как будто железным,
гигант, будто молотом сбитый.⁷⁹*

Характерен и весьма выразителен диалог двух бойцов перед поединком. Ведется он со знанием дела:

Амик:

*Руки подняв, выходи ты
один на один побороться.*

Полидевк:

*Только в кулачном бою?
Или также ногами о бедра?*

Амик:

*Нет, кулаки ты сожми да,
смотри, собери свои силы.⁸⁰*

Герои договариваются: вести ли только кулачный бой или же выступать как панкратиасты, которым были дозволены практически все приемы.

У Лукиана этот эпизод (точнее — его последствия) окрашен в явно иронические тона. Аполлон просит Гермеса научить его отличать Кастора от Полидевка. Тот, указывая на последнего, говорит:

«А вот как, Аполлон, у которого на лице следы от ударов, которые он получил в кулачном бою от противников, особенно от беврийца Амика во время морского похода с Ясоном».⁸¹

⁷⁸ Аполлодор. I, IX, 20; II, V, 9; Гигин. Мифы. II, XXIV.

⁷⁹ Феокрит. Идиллии. XXII / Перевод М. Е. Грабарь-Пассек. М.: АН СССР, 1958. С. 44-47.

⁸⁰ Там же. С. 65-67.

⁸¹ Лукиан. Разговоры богов. 26, 1. Тут и далее — перевод по изданию: Лукиан. Избранные атеистические произведения. М.: АН СССР, 1955.

Самой подробной поэтической разработкой этого мифологического сюжета является, пожалуй, описание встречи Полидевка с Амиком в «Аргонавтике» Аполлония Родосского.

Драматическое напряжение зарождается и нагнетается уже в грозном обращении грубого и надменного царя бевриков к аргонавтам: своеобразная «психическая атака» на пришельцев (II. С. 11-16).

Максимальная детализация всех атлетических и просто бытовых подробностей в рассказе о самом агоне и предшествующей ему подготовке в очередной раз показывает читателю, сколь близки и знакомы все эти детали были не только автору, но и каждому эллину.

Выбрав себе жесткие ремни, вырезанные из бычьих шкур, и с помощью товарищей обернувши ими кулаки, бойцы изготавливаются для более чем бескомпромиссного поединка. Колебания и промедления тут неуместны, ибо один спешит проучить очередного «морского бродягу», а другой — не только защитить эллинскую честь, но и просто получить для себя и своих спутников возможность следовать дальше:

*Сразу они, вверх подняв пред лицом свои тяжкие руки,
Бросились друг на друга, взаимно грозя своей силой.
Бевриков царь, как в море волна на корабль быстроходный
Тяжкая, вдруг ополчившись, бежит, а корабль не намного
От нее ускользает разумного кормчего знаньем
В тот самый миг, как прибой хочет о борт удариться с силой,
Так же с угрозой Амик Тиндарида теснил, не давая
Отдохнуть. Тот же, все невредим оставаясь, искусно
Ускользал от наскоков. И к ходу сурового боя
Присмотрясь, где бы ни был Амик иль сильнее, иль слабее,
Всюду всегда свои руки с его сочетал он руками,
Словно как брусья ладьи, что гвоздям противятся острым...⁸²*

(II, 67-79)

И далее неожиданно следуют сравнения (мирные сравнения!) с работой умелых плотников — поэтический прием, который успешно применял еще Гомер.

Но напряжение агона нарастает:

*...и скрежет зубовой
Не переставал, и они удар за ударом вслед слали,
Недохватка дыханья пока не сломила обоих.*

(II, 82-84)

После этого агонисты вынуждены «взять тайм-аут». И этот, и следующие этапы схватки также описаны с предельным реализмом:

⁸² Тут и далее — перевод Г. Церетели по изданию: Аполлоний Родосский. Аргонавтика. Тбилиси, 1964.

Ставши немного поодаль, с лица они стерли обильный
Пот, и с трудом они оба дыхание переводили.
Вновь затем поднялись друг на друга, быкам наподобье,
Что из-за телки, ярьсь, рядом с ними пасущейся, спорят.
Тут поднялся вдруг Амик на кончики пальцев, весь кверху,
Как быкбойца, на длинных ногах подтянулся, и руку
Тяжкую над Полидевом занес. Но тот выдержал натиск.
Голову вбок отклонил и удар на плечо себе принял.
Сам же, на шаг один от врага отступив, со всей силой
Страшный удар нанес ему по уху, и раздробились
Кости. От боли Амик на колени упал. Закричали
Тут герои минийцы. Амик же с душой распростился.

(II. 85-97)

Весьма интересно, что далее греки в разгоревшейся битве с бебриками победоносно демонстрируют приемы не только кулачного боя, но и панкратия, и того, что сегодня мы называем «самбо». И это в определенной мере доказывает, что весь агонистический арсенал зародился не только на мирных игрищах, но и (в первую очередь) на войне. И вновь мифологические образы выступают на фоне реальных жизненных обстоятельств.

Среди анекдотов, приведенных Элианом, есть рассказ о локрийце Евтима — тоже славном кулачном бойце, удивительном силаче. В легенде, между прочим, говорится, что «...Евтим положил конец бесчинству темесского героя, взыскивавшего дань с окрестных жителей. Придя в его храм, недоступный для посетителей, Евтим вступил в единоборство с героем и заставил его вернуть не только все, что он наградил, но даже больше».⁸³

Разумеется, слово «герой» здесь употреблено Элианом не в высоком, а в религиозно-иерархическом значении. Настоящим героем (в современном понимании) оказывается атлет, а его противник — откровенный разбойник.

В мифах этого цикла отражена вера народа в героев-защитников. Естественно, что в их роли выступают могучие и разносторонние атлеты. Здесь уместна, на наш взгляд, параллель с русскими былинными богатырями Ильей Муромцем, Добрыней Никитичем и многими другими.

Кроме того, эти мифы — символ постоянного превосходства греков над варварами: Геракл побеждает Антея, Тесей — Керкиона, Полидевк — Амика и т. д.⁸⁴

⁸³ Элиан. Пестрые рассказы. VIII, 18.

⁸⁴ Biliński В. Antyczne tradycje biegu maratońskiego // Meander. 1952. № 6-7. S. 248.

Иноземец никогда не побеждает элина, ибо для мифа это противоестественно. Впрочем, и в действительности греческие отряды сравнительно редко терпели поражение от врагов. А в мифе следует искать связь с реальностью.

Эту же мысль четко высказал Плутарх: «Умолять и быть побежденным — дело варваров, а элины могут лишь побеждать в сражении или умирать».⁸⁵

По статьям существовавших уставов иностранцы не допускались к участию не только в Олимпийских, но и почти во всех прочих играх. Отклонения от этого правила, как уже говорилось, были весьма редки, свойственны больше эллинистической и римской эпохам и чаще случались в колониях, а не в метрополии.

В Горгиппийском агонистическом каталоге победителей на празднике Гермеса (Ἑρμια (Hermaia)) встречаются негреческие имена, а 14 участников имеют эти имена в качестве отчеств (В. Латышев, 1887; М. Кубланов, 1954; Э. Берзин, 1961).

М. Кубланов, например, говорит об этом как о незаурядном явлении: «...мы можем отметить для горгиппийских агонистов любопытную и существенную подробность — допущение к священным празднествам не только элинов, но и выходцев из местного населения. Это одно из проявлений своеобразия социального строя и культуры Боспорского царства как государства греко-варварского».⁸⁶

Есть сведения и о том, что иностранцы в позднее время могли принимать участие в Тезеях и даже в Афинских Гермеях. Но лишь в трех видах состязаний: εὐοπλία (euoplia), εὐταξία (eutaxia), εὐανδρία (euandria), которые «...характеризуют три стороны понятия военной готовности у греков:

- 1) хорошее состояние оружия, “материальной части”;
- 2) способность выполнять военные маневры, хорошая военная организация;
- 3) личная военно-физкультурная подготовка воинов, ловкость и умение».⁸⁷

Характерной особенностью жизни греческих колоний (и в частности, колоний Северного Причерноморья) было то, что профессионализация атлетов тут происходила гораздо медленнее, чем непосредственно в Греции. Здесь дольше процветала идея всестороннего физического развития, и нередко борцы и кулачные бойцы одерживали победы даже в беге (В. Латышев, 1889; В. Блаватский, 1954; М. Кубланов, 1954).

⁸⁵ Плутарх. Как юноше слушать поэтические произведения? (X).

⁸⁶ Кубланов М. М. О местной историографии Боспора // ВДИ. 1954. № 4.

⁸⁷ Берзин Э. О. Горгиппийский агонистический каталог // Советская археология. 1961. № 1.

Это объясняется преимущественно тем, что, находясь в условиях определенной географической и этнической изоляции, колонистам трудно было рассчитывать на военную помощь извне. Например, Херсонес Таврический, демократическая республика, как и многие античные полисы, долгое время не прибегал к наемной армии. Здесь каждый гражданин являлся защитником своего города, что трудно было бы осуществить без всесторонней закалки и постоянных тренировок.⁸⁸

Подобная универсальность тем более знаменательна, что уже в древности «...в некоторых государствах Греции увлечение узкой гимнастикой доходило до крайностей, гимнастика переходила в атлетику».⁸⁹

И Платон, и Гиппократ, и Аристотель крайне неодобрительно высказывались о таком одностороннем развитии, приводящем к губительной перегрузке организма. В частности, Аристотель осуждал родителей и педотрибов, которые «...вводят атлетику, калеча фигуру детей и препятствуя развитию их тела».⁹⁰

Исократ, который с пристальным вниманием исследовал этот вопрос, справедливо говорил в своем «Панегирике»: «Если атлеты увеличивают вдвое свои силы, то это не принесет другим никакой пользы, между тем как мудрость одного человека может быть полезной всем желающим у него поучиться».⁹¹

...В мифе усилия положительного героя никогда не бывают бессмысленны. Они, как правило, устремлены в сторону блага народа. Естественно и то, что греки в подавляющем большинстве случаев побеждали варваров: они были лучше подготовлены не только морально, но и физически.

Четвертый сюжет — рассказы о юноше, преодолевающем на пути к любимой не силу соперников, а естественные препятствия.

Наиболее четко этот сюжет выражен в легенде о Геро и Леандре. Живший в Абидосе (что в Троаде) на берегу Геллеспонта юноша Леандр полюбил Геро — жрицу Афродиты. Храм богини находился в Сесте, на другом берегу пролива. Для встречи с любимой Леандр каждую ночь переплывал Геллеспонт, а наутро возвращался назад. Ориентиром смельчаку служил огонь, который зажигала для него Геро на башне в Сесте. Много раз, в любую погоду плавал Леандр к Геро. Его соперниками были не могучие атлеты, а волны, ветер и скалы. И герой побеждал их до тех пор, пока однажды шквальный ветер не задул маяк Геро. Потеряв ориентир, Леандр погиб во время бури. Увидев утром труп любимого, Геро тоже бросилась в море. Погибли оба.

⁸⁸ Колесникова Л. Г. Спорт в античном Херсонесе. М.; Л., 1964. С. 17–18.

⁸⁹ Новосадский Н. И. Художественное воспитание в Древней Греции // ВДИ. 1940. № 2.

⁹⁰ Politia. VIII, 3, 1, 1231.

⁹¹ Исократ. Панегирик. I.

Как Пирам и Тисба. Но сказание о Геро и Леандре несравненно героичнее. Легенду эту разработали Мусей⁹² и Овидий⁹³.

Леандр выступает в мифе не только как верный влюбленный, но и как прекрасный пловец. Он атлет и спортсмен в лучшем смысле.

В наши дни подвиг Леандра не кажется таким фантастическим, как в прежние времена. Современные пловцы преодолевают и большие расстояния в не менее сложных условиях (разумеется, мы не говорим о дистанционном времени, помня о специфике мифа). Но даже в Древней Греции у Леандра были вполне реальные соперники. Геродот в «Истории» повествует об отличном водолазе, пловце и ныряльщике Скиллии.⁹⁴ Во время войны с персами он сначала был на их стороне. После кораблекрушений Скиллий спасал персам немало сокровищ, доставая их со дна. Геродот берет под сомнение сведения о том, что, решив перебраться к грекам, Скиллий проплыл под водой восемьдесят стадий. Действительно, сделать это полностью под водой невозможно. Но плыть на небольшой глубине, время от времени поднимая голову над поверхностью воды, — вполне можно.

В Сесте со своей дочкой Гидной (тоже отличной ныряльщицей) Скиллий во время бури у Артемиссия нырял в глубину, перерезая канаты, державшие якоря персидских кораблей. Буря довершила остальное.

Легенда о Геро и Леандре в древнегреческой мифологии стоит несколько обособленно. К ней трудно подыскать параллели. И очарование ее от этого, быть может, еще более увеличивается.

К теме ритуальных игр мы обратимся в следующей (III) главе. Пока скажем лишь, что погребальные игры на могиле Патрокла⁹⁵ имеют в мифологии эллинов множество аналогий. Уже упомянутые нами погребальные игры в Ларисе, где Акрисий погиб от диска Персея,⁹⁶ ведут нас по сюжетной линии к состязаниям, устроенным Акастом на могиле своего отца Пелия.⁹⁷ Гомер рассказывал о традиционных играх, проводимых фиванцами близ надгробия Эдипа.⁹⁸ Оплакивая сына Андрогоя, погибшего якобы вследствие козней завистливого Эгея, Минос учредил ежегодные состязания атлетов в Керамике.⁹⁹ А близ г. Оропа очень долго проводились мусические и гимнастические состязания в память об Амфиарае.¹⁰⁰ Подобных мифологических примеров очень много. Но подробно мы рассмотрим институт погребальных игр в главе III нашей работы.

⁹² Museus. 4.

⁹³ Овидий. Героиды, 18, 19.

⁹⁴ Геродот. VIII, 8.

⁹⁵ Гомер. Илиада. XXIII.

⁹⁶ Аполлодор. II, 2, 1; II, 4, 1; III, 10, 3.

⁹⁷ Там же. III, 13, 3.

⁹⁸ Гомер. Илиада, ст. 679 и сл.

⁹⁹ Плутарх. Тесей, XV–XVI; Овидий. Метаморфозы, VII, ст. 456 и сл.

¹⁰⁰ Павсаний. I, 34, 1.

КЛАССОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИФОЛОГИЯ ЭЛЛИНОВ

Говоря о культуре Гермеса в древнегреческих палестрах и гимнасиях, стоит сопоставить его с культурами Геракла и Тесея. Изображения всех трех покровителей молодых атлетов нередко стояли рядом.¹⁰¹

Естественное с точки зрения мифологии, это соседство интересно, на наш взгляд, и с точки зрения социальной.

Еще до расцвета греческих полисов начинают постепенно изменяться взгляды на агонистику и атлетические идеалы. Физическая сила уже не является единственным достоинством гражданина и агониста. Выражением различных эпох агонистики и был в гимнасиях тройной культ. Дорийский Геракл олицетворял грубую физическую силу. Ионийско-аттический Тесей отличался не только рафинированной мощью, но и определенной гуманностью. Наконец, в Гермесе были воплощены сила, ловкость и, главным образом, интеллект.

Классовый характер физического воспитания эллинов тоже отражен в мифологии (В. Блаватский, 1954; Г. Дюпперон, 1924; Е. Топоров, 1940; И. Тренчени-Вальдапфель, 1959).

Примечательно, что Гефест показан в мифах довольно непривлекательно: грязный, уставший, хмурый, хромым.

Однако народная критика аристократического атлетизма выражена именно в образе Гефеста. Это единственный бог, занимавшийся «черной работой», которая считалась постыдной для аристократов.

Все греческие боги в той или иной мере атлеты. Лишь Гефест, по понятным причинам, не принимает участия в благородных упражнениях небожителей.

Тем не менее плебейский бог-кузнец побеждает олимпийского аристократа Арея. Побеждает, ибо взгляды общества меняются. И это многократно показал Гомер. Итак, от мифологического образа бога-кузнеца связующая нить может быть протянута к темам народной критики аристократической агонистики, а затем — и к иронии киников.

Но если мы с полным правом говорим о классовом характере физического воспитания в Древней Элладе, то правомерно ли видеть отражение классовых отношений в мифологии греков? Думается, что да. В частности, в мифах и эпосе мы постоянно встречаем упоминания о рабстве и рабах. Равно как и о их социальных антиподах. Конечно, классовая градация в античную эпоху значительно отличалась от современной не только номинально, но и по сути. В упомянутой ранее работе К. Зельина автор пишет: «В докапиталистических обществах существовали не только классы, как в бесслов-

¹⁰¹ Там же. IV, 32, 1.

ном буржуазном обществе, но и сословия, причем и те и другие обычно в очень значительной мере не совпадали друг с другом». ¹⁰² И естественно, что все эти явления находили отражение в народных сказаниях.

Факты частого упоминания в мифах различных игр и состязаний — доказательства глубокой древности последних. А то, что среди древнегреческих богов были покровители всех видов спортивной агонистики, — свидетельство проникновения спорта в самые разнообразные сферы эллинского сознания.

Наконец, отражение в мифологии вполне реальных особенностей древних состязаний делает ее благодарной почвой для изучения истории и нравов античной агонистики.

¹⁰² Зельин К. Принципы мифологической классификации форм зависимости // ВДИ. 1967. № 2. С. 14.

Глава III

ОТРАЖЕНИЕ РИТУАЛЬНЫХ СОСТЯЗАНИЙ В ПОЭМАХ ГОМЕРА

Ближе всего к мифологии стоит эпос. Он вырос на ее почве и просто немыслим вне народных сказаний. «Мифы давали поэзии художественные образы и сюжеты. Художественная форма вырабатывалась в виде песни».¹

Известное утверждение К. Маркса о том, что «греческая мифология составляет не только арсенал греческого искусства, но и его почву»,² в полной мере относится и к эпосу, который также возник и развился на мифологической основе. Но произведения эпического жанра (в данном случае гомеровские поэмы) существенно отличаются от мифов тем, что в них уже отражено рождение человеческой личности, вышедшей из недр разложившегося общинно-родового строя.

Герои Гомера все чаще действуют не по божественным указаниям, а по велению сердца, из чувства осознанного долга перед отчизной, перед соратниками и друзьями. И если Геракл совершает свои подвиги, выполняя (хотя бы формально) повеления царя Эврисфея, то мотивы, по которым действует Ахилл, — значительно возвышеннее и во многом более понятны и приемлемы для нас. Справедливо утверждение С. П. Маркиша, что «...не по сходству слов, а по самой сути вещей близок Гомер нашему веку».³

По вполне понятным причинам ученые чаще всего затрудняются точно определить время рождения того или иного мифа и тем более даты описанных в легенде событий, даже если достоверность их не вызывает особых сомнений.

Что же касается деяний и фактов, о которых повествует в своих поэмах Гомер, то их временные рамки уже определены: почти все события гомеровского эпоса группируются вокруг Троянской вой-

¹ История греческой литературы. М.: АН СССР, 1946. Т. 1. С. 56.

² Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. XII. Ч. I. С. 203.

³ Маркиш С. П. Указ соч. С. 31.

ны. Эту историческую веху исследователи сегодня относят к 1260–1230 годам до н. э.

В глубоком исследовании, касающемся, в частности, и датировки Троянской войны, — в монографии «Проблемы гомеровского эпоса» грузинский ученый Р. В. Гордезиани рассмотрел и проанализировал обширный историко-литературный и литературоведческий материал. Ученый пишет: «...Гомеровский эпос при изображении событий Троянской эпохи опирается на вполне реальную историческую основу и довольно точно передает главные исторические моменты второй половины II тысячелетия до н. э. Однако это вовсе не означает, что мир Гомера полностью микенский; напротив, в его поэмах, в первую очередь, царит дух эпохи самого поэта, выраженный в языке, мировоззрении, реалиях и, наконец, в самой структуре поэм».⁴

Одной из причин сильнеешего художественно-эмоционального воздействия гомеровских поэм на современного читателя является, на наш взгляд, их последовательный реализм и та почти осязаемая детализация, к которой прибегает Гомер при описании любой из сторон ахейского или троянского быта.

Гомер «доподлинно рисует, он лепит словом, так что созданное им зримо и осязаемо... он словно ребенок, пристально разглядывающий попавший в его руки предмет: ребенок исследует и ощущает каждую впадинку, каждый выступ, а потом подробно, ничего не пропуская (ибо все одинаково любопытно и важно!), расскажет».⁵

И это, кроме всего прочего, быть может, — одно из доказательств мнения, что Гомер был слеп (по крайней мере, — во второй части жизни)...

Что же касается подробнейших описаний всевозможных игр, атлетических упражнений и состязаний, то можно сказать без преувеличения: поэмы Гомера дают многочисленные примеры древнегреческой агностики. И это относится не только к знаменитому рассказу о погребальных играх, которые устроил Ахилл в память о Патрокле,⁶ описания состязаний и тренировок как естественной, обязательной части ахейского, троянского и феакийского быта органически вплелись в ткань обеих поэм.

АГОН И СЮЖЕТ

В гомеровских поэмах изображение поединков героев и богов, боевых стычек и дружеских соревнований почти никогда не носит характер пассивного повествования. Чаще всего это — средство развития сюжета, причина его неожиданного поворота, движения вперед.

⁴ Гордезиани Р. В. Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси, 1978.

⁵ Там же. С. 198.

⁶ Маркиш С. П. Указ соч. С. 31.

Вспомним, какой колоссальной напряженностью отличается рассказ о единоборстве Гектора с Патроком («Илиада», XVIII); а затем — растерянность в стане троянцев после победы Ахилла над Гектором («Илиада», XXII) и сюжетные изменения, которые повлекли за собой оба эти поединка. Еще более резкий поворот в повествовании аэда вызывает, например, кульминационный момент состязания женихов в доме Одиссея.⁷

Впрочем, в поэмах мы находим не только трагические примеры подобного плана. Обратимся к «Одиссее».

Изнуренный многодневной бурей герой достигает наконец острова феаков и засыпает в прибрежных кустах. К морю приезжает царевна Навсикая и затевает с прислужницами игру в мяч. По наущению Афины

*Бросила мяч Навсикая в подружек, но, в них не попавши,
Он, отраженный Афиною, в волны шумящие прынул.*

(Одиссея. VI, 115–116)

Шум и крик, что поднимают девушки по этому поводу, будят Одиссея. Герой выходит к феакианкам и в конце концов вместе с ними благополучно попадает ко двору Алкиноя.

Неизмеримо возрастает уважение феаков к Одиссею после того, как он всех побеждает на играх. Перед состязаниями Алкиной, ничуть не сомневаясь в физическом превосходстве своих соплеменников, весьма самонадеянно призвал их показать свою силу и ловкость, дабы

...гость, возвратясь, домашним

Мог возвестить, сколь других мы людей

превосходим в кулачном

Бое, в борьбе утомительной, в беге проворном.

(Одиссея. VIII, 101–103)

После того как наиболее могучие феаки показали свое спортивное мастерство, Одиссею тоже предложили принять участие в играх. Видя нежелание героя и неосмотрительно расценив это как нерешительность, они долго уговаривают его. А Эвриал даже перешел к прямым насмешкам.

Однако отношение к Одиссею мгновенно меняется, когда

...лоднлся он и, мантии с плеч не сложивши,

Камень схватил — он огромней, плотней и тяжелей всех дисков,

Брошенных прежде людьми феакийскими был; и с размаха

Кинул его Одиссей, жиловатую руку напрявши.

(Одиссея. 186–189)

Естественно, Одиссей оказывается победителем, вызвав досаду и невольное восхищение хозяев. Он дает понять, что готов состязаться и в любом другом виде игр:

⁷ Тут и далее отрывки из «Одиссеи» даются в переводе В. А. Жуковского.

Всех вас на бой рукопашный, на бег, на борьбу вызываю.

(Одиссея. VIII, 206)

Став свидетелем весьма убедительной победы Лаэртида и выслушав его рассказ о былых подвигах, Алкиной поспешно признает, вопреки недавнему хвастливому заявлению:

Мы, я скажу, ни в кулачном бою, ни в борьбе не отличны;

Быстры ногами зато несказанно...

(Одиссея. 246–247)

И без того хорошее отношение к Одиссею со стороны феаков становится теперь превосходным, и они даже предлагают ему корабль для скорейшего возвращения на родину. О насмешках и покровительственном тоне теперь не может быть и речи.

Все состязания описаны Гомером с максимальным, потрясающим реализмом. Здесь опять играет роль предельная детализация. Лишь мастерство поэта не делает отталкивающим и скрупулезные анатомические описания, особенно когда речь идет о битвах, о смертях, о тяжелых ранениях.

Все это особенно четко выражено в XXIII песне «Илиады», где описываются погребальные игры, устроенные в память о Патрокле.

Характерно, что даже во время краткого отдыха между боями эллины гомеровской эпохи не забывали о столь любимых ими упражнениях. Причем это была не обязательная военно-спортивная тренировка, а естественное и привычное времяпрепровождение. В то время как Ахилл, обуреваемый гневом на Агамемнона, мечется и ищет выхода своей ярости:

...дружины его на берегу моря

Дисков и сулиц, и стрел забавлялись праздным метаньем.⁸

(Илиада. II, 773–775)

Тут уместно вспомнить, что диск сначала служил отнюдь не только спортивным целям. Осадив город (но не желая разрушать его), эллины иногда писали на дисках из глины или камня условия сдачи и перебрасывали снаряд через крепостную стену. Но совершенно очевидно, что со временем диск обрел сугубо спортивные функции, сменив поле боя на поле стадиона.

АГОН И БОГИ-ОЛИМПИЙЦЫ

Агон постоянно присутствует и в мифе, и в эпосе: агон мирный и боевой. И тут, как уже говорилось, эллин сравнительно легко переступает грань, отделяющую его от богов, порой отваживаясь даже бросать вызов небожителям, недвусмысленно приглашая их к единоборству.

⁸ Тут и далее отрывки из «Илиады» даются в переводе Н. И. Гнедича.

Правда, в мифах бессмертные почти всегда побеждают восставших на них смертных: наказание за безосновательную гордыню и самонадеянность.

Афина карает непокорную Арахну, от стрел Аполлона и Артемиды гибнут дети заносчивой и строптивой Ниобы. Легендарный лучник царь Еврит вызывает на поединок Аполлона:

*Вот почему и погиб великий Еврит, не достигнув
Старости в доме своем: умертвил Аполлон его в гневе,
Что его вызвать посмел он в стрельбе состязаться из лука.*

(Одиссея. VIII, 226–228)

Но Геракл в единоборстве за Деяниру побеждает речного бога Ахелоя! Правда, это победа великого героя над божеством «местного значения». Однако — победа несомненная!

Если же обратиться к гомеровскому эпосу, то разгоряченный битвой Диомед при осаде Трои не только весьма ощутимо пощекотал копьем Афродиту, но и осмелился выступить против самого бога войны:

*...на Арея напал Диомед нестрашимый
С медным копьем; и, усилив его, устремила Паллада
В нижнее чрево, где бог опоясывал медную повязь;
Там Диомед поразил и, бессмертную плоть растерзавши,
Вырвал обратно копье, и взревел Арей меднобронный
Страшно, как будто бы девять иль десять воскликнуло тысяч
Сильных мужей на войне, зачинающих ярую битву.*

(Илиада. V, 855–861)

Правда, герою, как видим, деятельно помогает Афина Паллада (боги нередко предпочитали сводить между собой счеты с помощью людей). Но факт остается фактом: смертный заставил с позором retirроваться бессмертного.

Тем не менее было бы вульгарной ошибкой видеть в этих настроениях и действиях героев эпоса и мифов проявления атеизма или хотя бы пренебрежения к богам. Нет, как мы уже говорили, осуществлялся почти произвольный переход грани между человеком и богом...⁹ Иными словами, эллины успешно совмещали критику богов с глубокой верой в их могущество.

Но, в отличие от христианской заповеди нижайшей покорности, эллины стремились бороться и жить на этом свете, а не на том: «Идеалом языческой античности является деятельный и непокорный судьбе герой (гомеровский Ахиллес или Одиссей, эсхилловский Прометей или софокловская Антигона), идеалом же христианского средневековья — святой».¹⁰

⁹ Джеймсон М. Г. Указ. соч. С. 265.

¹⁰ Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу. М., 1972. С. 34.

Правда, тут речь идет о противодействии судьбе (μοίρα (мойра)). Но ведь в представлении древнего грека даже боги порой были вынуждены ей подчиняться. Те самые языческие боги, которые являлись в поэтическом воображении эллинов то суровыми, жестокими и гневными, то — радостными и великодушными.

Да, время от времени грек поднимал бунт против обитателей Олимпа. За что расплачивался в исторические времена отнюдь не на небесах, а на земле: уже родившееся и укрепившееся государство подобного свободомыслия простить не могло.

Поэтому не один Сократ пострадал за «непочтение к богам». Еще до него из Афин был изгнан Анаксагор, считавший, что миром правят не боги, а человеческий разум. За воззрения, близкие к атеистическим, был вынужден покинуть Афины и философ Протагор (а его сочинения сограждане публично сожгли на городской площади).

И, однако же, Аристофан в своих комедиях почти безнаказанно и относительно свободно высмеивал чуть ли не всех богов, выводя их на сцену в довольно несолидном виде.

Вот что по поводу этого сложного и противоречивого явления пишет Ф. Х. Кессиди: «Атеизм — явление редкое в истории греческой теоретической мысли: он получил известное распространение в конце V — первой половине IV веков до н. э. Правда, многие греческие мыслители, начиная с Ксенофана (VI век до н. э.), подвергали критике народные религиозные верования, но эта критика далеко не обязательно велась с позиций атеизма. Ксенофан отвергал народные верования не за признание богов, а за приписывание им человеческих черт и свойств — за антропоморфизм. Народные верования критиковал и Гераклит, не будучи, однако, атеистом. Да и выдающиеся атеисты древнего мира Демокрит, Эпикур и Тит Лукреций Кар не отвергали существования богов, хотя и считали, что боги не принимают участия в мировых процессах и делах людей».¹¹

Корни подобного свободомыслия, несомненно, следует искать еще у Гомера. Непочтительные замечания в адрес богов, явные насмешки над ними и осуждение бесчисленных несправедливостей, учиненных небожителями, буквально переполняют «Илиаду» и «Одиссею». Однако и тут не стоит пытаться усмотреть атеизм в прямом, современном понимании этого слова. Просто Гомер (а вместе с ним — и его слушатели или читатели) относился к героям мифов и богам так же непосредственно, как мы порой относимся к своим современникам (пусть и великим): дистанция была не так уж велика.

С другой же стороны, бессмысленно подходить к Гомеру и его героям с мерками современности: слишком уж значительна отдаленность во времени и разнице социальных условий. А бунт против богов еще не означает неверия. Тем более что нельзя, нелогично бунтовать против тех, кого не признаешь реальной силой.

¹¹ Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу. М., 1972. С. 30.

Наиболее диалектично объясняет это явление А. Ф. Лосев: «Невозможно поверить, чтобы эпический художник, способный изображать богов, демонов в таком смешном виде, действительно признавал мифологию (читай — «эллинский пантеон». — Ю. Ш.) во всем ее буквальном реализме. Но отрицания мифологии здесь тоже нет».¹²

Иными словами, веря в богов, Гомер недвусмысленно критикует небожителей, дает свою авторскую оценку их действиям, характерам и персонам в целом.

Итак, гомеровские герои остаются постоянными агонистами всегда и во всем, состязаясь в доблести не только с воинами противника или спортивными соперниками, но и с судьбой, и с богами-олимпийцами. К этому их неизменно призывают законы общинно-родового строя и традиции родовой аристократии, наконец, мораль, основой которой является эллинский патриотизм. Что и выливается в постоянное стремление

*...других превзойти, непрестанно пылать,
отличаться,
Рода отцов не бесчестить...*

(Илиада. V, 208–209)

Весьма метким нам кажется и еще одно замечание Ф. Х. Кессиди: «...язычник-грек, в отличие от верующего христианина, не чувствует себя низшей тварью по сравнению с творцом».¹³ Это тем более симптоматично, что выступление против несправедливостей богов и судьбы — не просто стремление к агону, а признак зарождения сознания и чувства долга. Именно того чувства, которое для гомеровского героя значит иногда больше, чем страх перед судьбой и гневом олимпийцев.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СРЕДСТВ И ТЕМЫ

Обилие всевозможных агонов, многочисленные праздники, сопровождавшиеся выступлениями атлетов, обязательная повседневность гимнасиев и палестр способствовали тому, что даже в бытовой лексике эллинов появилось немало терминов и выражений, связанных со спортом. А из устной речи, естественно, они перекочевали в литературу.

Здесь эти термины распространились быстро и широко в виде многообразных сравнений, метафор, эпитетов и прочих фигур и тропов. Это даже становится одной из разновидностей традиционных *loci communes*.

¹² Лосев А. Ф. Гомер. М., 1960. С. 207.

¹³ Кессиди Ф. Х. Указ. соч. С. 94.

Сначала в мифологии, а затем в эпосе почти каждый бог или герой получает «в собственность» один или несколько обязательных эпитетов.¹⁴

У Гомера эта традиция выражена особенно четко. В поэмах Аполлон (Ἀπόλλων (Apollon)) снабжен эпитетами: ἐκάεργος (hecaërgos), ἐκατηβελέτης (hecetebeletes) далеко разящий; ἐκατηβόλος (hecatebolos) или ἐκηβόλος (hecebolos) — далеко мечущий, далеко разящий; ἐκηβόλος (hecebolos) — метко разящий, далеко мечущий; ἀργυρότοχος (argürotokos), ἀργυρεῖος ἑκατος (argüreiios hecatos) — серебрянолучный, сребролукий и другие. (Ил. I, 21, 43, 75, 360, 457, 479 и др.)

Ахилл (Ἀχιλλεύς (Achilleus)) носит эпитеты: ὀκῦς (oküs) — быстрый, стремительный; πόδας ὀκῦς (podas okós) — быстроногий; ποδάρκης (podarkes) — быстроногий, крепконогий; ὀκύρορος (okürogos) — стремительный, быстроносущийся (Ил. I, 58, 364, 489. II, 688. XIX, 40. XXI, 161, 265. XXIII, 218, 333, 798 и др.).

Старец Нестор (Νέστωρ (Nestor)) неизменно называется Γεγήνιος ἵπποτα (Gerenios hippota) — лихой геренский ездок, наездник или, как перевел Гнедич, конник геренский (Ил. II, 433, 601. XIV, 39, 52. XXIII, 349 и др.).

Наиболее характерный для Тевкра (Τεῦκρος (Teukros)) эпитет — παλίντονα τόξα τιταίνων (palintona toxa titainon), т. е. натягиватель упругих луков, натягиватель изогнутых луков, а по Гнедичу, «наляцатель жесткого лука» (Ил. II, 528, 557 и др.).

Брат его Эант (Ἄϊας (Aias)) получил у Гомера титул ταχύς (tachüs) — быстрый (Ил. II, 527. XXIII, 738, 754).

Многосторонний атлет Диомед (Διομήδης (Diomedes)) не только ἵπποδαμος (hippodamos) — укрощающий коней, и ἵππος ὄλαξε ζυγόν (hippus hüpaxe zügon) — запрягший коней, подведший коней под ярмо, но и δουρίκλυτος (duriklütos) — знаменитый копьеборец, копьеметатель (Ил. XIV, 109. XXIII, 290 и др.).

Как видим, здесь принимаются во внимание определенные (причем выдающиеся!) физические качества богов, героев и басилевсов, их неоспоримое умение одержать верх в каком-либо одном (а то и во многих) состязаниях.

Гомеровский эпос изобилует не только подобными эпитетами, но и сравнениями:

Вот, например, описание бега Ахилла:

*Бурный, как конь в колеснице, всегда победительный в бегах,
Быстро несется к мете, расстилаясь по чистому полю,
Так Ахиллес оборачивал быстро могучие ноги.*

(Илиада. XXII, 22–24)

¹⁴ Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С. 293, 438; Ярхо В. Н. Эсхил. М., 1958. С. 88–89.

Сравнение с конем дает представление и о скорости, и о мощи несущегося по полю брани Пелида.

Естественно, что подобные сопоставления чаще всего встречаются при описании битв, единоборств и других действий военного характера. Ведь тут, как и в спортивном поединке, требовалось максимальное напряжение сил бойца, ловкость и умение, от которых в данной обстановке зависели и жизнь, и успех.

Отражая атаку троянцев, стремящихся поджечь греческие корабли, Эант:

*...по помостам судов устремился, широко шагая,
Шест корабельный в могучих руках потрясая огромный,
Крепко в составах сколоченный, двадцать два локтя длиной.
Словно как муж, ездок на конях необычно искусный,
Лучших из множества коней избрав четырех и связав их,
Правит и с поля далекого к граду великому гонит
Битой дорогой; толпою и мужи, и робкие жены
Смотрят дивуясь, а он беспрестанно и твердо, и верно
Скачет, садясь с коня на коня, на бегу их ужасном, —
Так Теламонид Аякс с корабля на корабль по помостам
Прядал, широко шагая и крик подымая до неба.*

(Илиада. XV, 676–696)

Здесь автор, очевидно, имел в виду ἀροβάται (arobatai) — своеобразную джигитовку, входившую в программу и Олимпийских и других игр античности: состязающиеся всадники на большой скорости соскакивали с лошадей, бежали рядом, а потом вновь должны были на ходу взлетать на коня (В. Латышев, 1889; К. Мюллер, Ф. Мезе, 1930; С. Семенов-Зуссер, 1940; М. Кубланов, 1954, и др.).

Нередко гомеровские сравнения носят, так сказать, обратный характер. Не только в бытовых описаниях встречаются определения спортивного характера, но и наоборот — при описании состязаний Гомер прибегает к сравнениям совершенно мирным, житейским.

Вот, например, начало рассказа о борьбе Одиссея с Эантом:

*Крепко руками они под бока подхватили друг друга,
Словно стропила, которые в кровле высокого дома
Умный строитель смыкает,
в отпору насильственных ветров.*

(Илиада. XXIII, 711–713)

Это наиболее типично для Гомера, ибо в сравнениях он почти всегда выступает как мирный человек, а не воин.

Суть этой особенности гомеровских поэм хорошо определена А. Ф. Лосевым: «...не мирная и трудолюбивая жизнь сравнивается у Гомера с войной и поясняется через нее, но война и военные действия сравниваются с мирным бытом и поясняются через не-

го».¹⁵ В данном же случае как примета мирной жизни выступает агонистика.

Что касается критической литературы, посвященной гомеровским сравнениям вообще, то она столь же обширна, сколь и общеизвестна. О литературоведческом компаративизме спортивного характера исследований (и даже отдельных замечаний) гораздо меньше. Поэтому позволим себе обратиться еще к одной цитате.

По поводу этих же мирно-агонистических сравнений Н. Л. Сахарный замечает: «Мы на короткое время отвлечены от напряженного хода битвы и силой фантазии поэта захвачены изумительным изображением спортивного задора и мастерства. Вернувшись к обстановке боя, мы остро чувствуем ее трагический контраст с этим мимолетным видением из иной, мирной обстановки».¹⁶

Характерны и те определения, к которым прибегает Гомер для измерения расстояния. В частности, повествуя о конных состязаниях на погребальных играх и желая выразить все напряжение этих скачек, он говорит:

*Столько же мало отстал от Нелеева внука
Царь Менелай: на верчение диска сперва оставался.*

(Илиада. XXIII, 522–523)

В свою очередь:

*...Мерион, предводителя критян могучий сподвижник
Гнал, на полет копья от царя Менелая оставши.*

(Илиада. XXIII, 528–529)

Как и в предыдущих случаях, повторяем: эти примеры можно умножать и умножать.

ИГРЫ И ХАРАКТЕРЫ

Трудно найти вид состязаний, который не был бы описан у Гомера самым тщательным образом. В гомеровских поэмах упоминается о борьбе, о кулачном бое, о состязаниях в беге и прыжках, о метании копья и диска — о тех видах состязаний, которые в более позднее время вошли в состав Олимпийских и других священных игр.¹⁷

Действительно, знаменитые погребальные игры, устроенные Ахиллом, вполне можно назвать «Малыми Олимпийскими». И уж во всяком случае их описание является одним из многочисленных доказательств того, что 776 году до н. э. предшествовал не один десяток Олимпиад. Историк античного спорта почерпнет у Гомера

¹⁵ Лосев А. Ф. Гомер. С. 105. См. также: *Severyn A. Homèr. Вгих.*, 1948. I. S. 96.

¹⁶ Сахарный Н. Л. Гомеровский эпос. М., 1976. С. 153.

¹⁷ Новосадский Н. И. Художественное воспитание в Древней Греции // ВДИ. 1940. № 2.

такие реалистические подробности всевозможных состязаний, словно все это происходило сегодня.

Детально описывается подготовка пяти героев к ристаниям. Старый Нестор, наставляя сына своего Антилоха, со знанием дела поясняет ему все тонкости скачек:

*...возница искусством одним побеждает возницу,
Слишком иной положась на свою колесницу и коней,
Гонит, безумец, туда и сюда беспрестанно кружась;
Кони по поприщу носятся: он и сдержат их бессилён.
Но возница разумный, коней управляя и худших,
Смотрит на цель беспрестанно, вблизи лишь ворочает, знает,
Как от начала ристаний конскими править браздами:
Держит их крепко и зорко вперед уходящего смотрит.*

(Илиада. XXIII, 318–325)

Самым трудным и напряженным моментом скачек являлось прохождение меты. Здесь, как правило, происходило наибольшее число несчастных случаев.

Очень подробно, ничего не упуская, рассказывает Антилоху Нестор, как благополучно обогнуть роковой столб (XXIII, 334–342).

Все эти описания говорят о напряженном, яростном соперничестве, царившем на скачках. Каждая деталь, мельчайшая подробность выписаны поэтом с безупречным знанием дела.

Не менее блестяще знал Гомер и человеческую психику. На ристалище у него встречаются не безликие конники. Состязания служат здесь фоном для раскрытия человеческих характеров.¹⁸ Вот начинается гонка: азартный, легко идущий на риск ради столь желанной победы Антилох и ласковым словом, и бичом понукает коней, и угрозами (XXIII, 403–416). Он выбирает самый сложный, опасный, но и самый короткий путь, обгоняя колесницу более осторожного Менелая. Атрид «устрашился» катастрофы на дистанции и умерил бег своих коней:

*В страхе, что узкой дорогой бегущие кони столкнутся,
Их колесницы, сшибясь, опрокинутся, и среди поля
Сами слетят на прах, за победой риставшие оба.*

(Илиада. XXIII, 435–437)

Риск оправдал себя, и даже на более слабых конях сын Нестора, смелый и обаятельный, обогнал Менелая:

*Сколько пространства,
с плеча повергаемый, диск пробегает,
Брошенный мужем младым, испытующим юную силу,
Столько вперед ускакал Антилох.¹⁹*

(Илиада. XXIII, 431–433)

¹⁸ Schraeder R. La moral grecque dans Homère. Lausanne, 1934.

¹⁹ Сравните еще, например, Илиада XXIII, 522–523.

Однако после состязаний сын Нестора показал себя весьма рассудительным и почтительным юношей: он добровольно отказывается от награды в пользу негодующего (но тут же смягчающегося) Менелая (XXIII, 591–597).

Как видим, в отличие от традиций классической Олимпии, на Патрокловых ристаниях каждый обязан сам править своей колесницей. О том, чтобы выставить вместо себя нанятого возницу (или, тем более, раба), — не может быть и речи. Гомеровские герои привыкли добывать победу собственными руками.

Прекрасным, упорным бойцом показан в поэме Диомед — порывистый, искренний и гордый. Правда, первенство он выигрывает не без помощи богов (Афины), но боги же (Аполлон) и мешали ему (XXIII, 382–393).

Искреннее сочувствие вызывает «первый ристатель» Эвмел, сброшенный на землю из-за козней упрямой Паллады.

*Сам с колесницы сорвавшись, чрез обод он грянулся оземь,
До крови локти осадил, изранил и губы, и ноздри,
Сильно разбил над бровями чело; у него от удара
Брызнули слезы из глаз и поднявшийся голос прервался.*

(Илиада. XXIII, 394–397)

Впрочем, подобные и даже более серьезные трагедии на эллинских ипподромах случались довольно часто. Эта картина выхвачена из жизни.

Кстати, страсти богов, показанные Гомером, еще более приближают небожителей к людям. Поэт «приземляет» их и делает это явно не без умысла. Как заметил С. Маркиш, «обостренное чувство реальности играет свою роль в своеобразном снижении гомеровских богов, наделенных вспыльчивостью, тщеславием, злопамятностью, высокомерием, даже физическими недостатками». ²⁰ Но о взаимоотношениях гомеровских героев с богами мы уже говорили выше.

...Итак, лучший гонщик приходит к финишу последним. Однако его авторитет настолько велик, что хозяин игр Ахилл решает:

*...дадим, как достойно, вторую награду
Сыну Адмета; а первая следует сыну Тидея.*

(Илиада. XXIII, 537–538)

И это справедливое решение встречено всеобщим одобрением. Возражает лишь Антилох, de facto завоевавший второе место. Но и он не обойден справедливым Ахиллом. Так, еще четче вырисовывается благородство гомеровских героев: только что яростные соперники в состязании, теперь они во всем готовы идти друг другу навстречу.

²⁰ Маркиш С. П. Указ. соч. С. 43.

Тезис гармонии, всестороннего физического развития находит, пожалуй, наибольшее выражение в образе Одиссея. Спорту доисторической Греции был чужд узкий профессионализм. Воин и атлет должен быть разносторонним спортсменом.

Выйдя на соревнование с сильнейшими из феаков, Лаэртид не только побеждает в дискометании (Одиссея. VIII, 186–190), но и готов принять участие (а следовательно, и победить) в любом ином агоне (VIII, 206).

Бойцом такого же типа (но старшего поколения) является Нестор. Мы упоминали наставления старого, опытного конника, которые тот давал сыну перед состязаниями (Илиада, XXIII, 334–342). Но конные ристания — отнюдь не все, что знает и умеет Нестор. С увлечением и гордостью рассказывает он, как в молодости, на тризне царя Амаринка в Бупраксе сам

*...кулачною битвой бойца одолел Клитомеда,
Трудной борьбою борца ниспроверг Плевронийца Анкея,
Ног быстротой превзошел знаменитого бегом Ификла,
Дротиком двух победил: Полидора и мужа Филея.
Только одними конями меня преогли Акториды;
Но числом одолели, завидуя в сей мне победе,
Ибо славнейшая всех за нее оставалась награда;
Стали вдвоем на меня, и как первый лишь правил конями,
Только лишь правил, другой, их гоня, бичевал без пощады.*

(Илиада. XXXIII, 634–642)

В гомеровский период еще не существовали государственные гимназии, палестры (как в более позднее время), и каждый герой развивал в себе качества атлета, соревнуясь на играх с другими. Как мы увидим далее, определенной последовательности видов состязаний на играх тогда тоже не было.²¹

Ясно и другое: постепенно меняется характер игр. Они теряют черты массовых, общеплеменных празднеств. Уже в конце позднемикенского и позднемикенского периодов происходит выделение богатых и влиятельных родов, игры становятся привилегией аристократии. Массовость исчезает, коллектив сменяют отдельные солисты.

Впрочем, дело не только в организационных принципах состязаний. Очевидно, что в гомеровской Греции в условиях разложения родообщинных отношений выдвигающаяся из массы членов рода аристократия, постепенно концентрирующая в своих руках военное дело, использует элементы физической культуры и физического воспитания для совершенствования военных навыков и качеств и тем самым — для усиления своего влияния в роде и власти над народом.

²¹ Lukas G. Kritische Beiträge zur Olympischen Idee. Halle, 1950. S. 8.

Как уже упоминалось, в более позднее время (Периклов век, например) у греков был весьма развит культ красоты. Идеалом афинского гражданина была калокагатия, т. е. нравственная красота, соединенная с красотой физической (см. у Платона, Фукидида, Аристотеля, Гиппократ). Перикл говорил: «Каждый гражданин у нас может быть способен к самым разнообразным видам деятельности, обладая изящным и ловким телом».²²

Естественно, гомеровские герои тоже имели свои идеалы. Но их калокагатия носила более ограниченный характер в силу примитивного состояния тогдашнего общества. Однако уже и тогда физическая немощь считалась позором для грека.

Вспомним, что Терсит — один из немногих отрицательных персонажей у Гомера, отличался не только умением мастерски поносить царей и героев, но и

*Был косоглаз, хромоног; совершенно горбатые сзади
Плечи на персях сходились; глава у него подымалась
Вверх острием, и была лишь редким усеяна пухом.*

(Илиада. II, 217–219)

Это откровенно сатирический портрет человека, в котором Гомер сознательно свел воедино моральное и физическое уродство. Первое же, даже беглое сопоставление Терсита с любым героем «Илиады» или «Одиссеи» доводит до предела впечатление его ничтожества. Так Гомер намеренно «уничтожает» с помощью художественных средств труса, ругателя и потенциального изменника Терсита.

Несмотря на явно демократические тенденции, Гомер в определенной мере был идеологом родовой знати (А. Лосев, 1960; И. Тренчени-Вальдапфель, 1956; В. Рудольф, 1965). Но Терсита он осуждает не только как противника ахейских вождей, но и как плохого гражданина. «Терсит — разложившийся аристократ, не понимающий общенародного дела; и его не только бьет Одиссей, но над ним смеется и все войско».²³ И менее всего следует усматривать в образе Терсита силы демоса, его волеизъявление.

Правда, есть основания считать Терсита своеобразным «козлом отпущения», связанным с древним ритуалом обязательного жертвоприношения.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ АГОНИСТИКИ

Насколько же точно гомеровские поэмы и описанные в них состязания отражают программу наиболее знаменитых игр древности — Олимпийских?

²² Фукидид. II, 41.

²³ Лосев А. Ф. Гомер. С. 94.

Как известно, списки победителей и участников всех античных агонов велись отнюдь не с момента их возникновения, да и потом весьма нередко были пропуски. Это в полной мере относится и к Олимпийским играм.

До сих пор эталоном служит программа Оксиринхского папируса — списка победителей на Олимпийских играх. Этот документ, хотя он и содержит имена победителей 75–83 Олимпиад, был составлен, как доказано (К. Роберт, 1900; М. Кубланов, 1954 и др.), уже в III веке н. э. То есть в Оксиринхском папирусе мог быть отражен более поздний порядок видов состязаний.

Действительно, ab ovo Олимпийские каталоги не велись. Составление этих списков было начато где-то на рубеже VI–V веков до н. э. софистом Гиппием из Элиды.²⁴ До этого же никаких сводных списков победителей, вероятно, не существовало вообще.

Списки же победителей на Пифийских играх были составлены лишь во второй половине IV века до н. э. Аристотелем и Каллисфеном.²⁵ Аристотель же упорядочил и продолжил и главный олимпийский каталог. Осуществлено это было на основании надписей на базах статуй победителей, частичных списков имен и даже устной традиции.

Что же касается принятого (канонизированного) порядка Олимпийских состязаний, то, судя по данным Оксиринхского папируса, он был таков:

1) στάδιον (простой бег); 2) δίαιλος (двойной бег); 3) δόλιχος (длинный бег); 4) πένταθλον (пятиборье); 5) πάλη (борьба); 6) πύξ, πυγμή (кулачный бой); 7) πανκράτιον (панкратий).

Классическая Олимпийская программа даже в римское время, по мере возможности, оставалась неизменным эталоном всех агонов (хотя и была сокращена).²⁶

Естественно, состязания у могилы Патрокла и агоны, которые устроили в честь Одиссея феаки (Одиссея. VIII), нельзя отождествлять с Олимпийскими, Панафинейскими или еще какими-либо общегреческими играми. Однако и там фигурируют классические виды соревнований. Причем если в «Илиаде» первыми состязаниями являются конные ристания (что не соответствует общепринятому в историческую эпоху положению), то в «Одиссее» очередность агонов почти полностью соответствует тому порядку, который стал обычным на Олимпийских играх:

1) στάδιον (бег); 2) πάλη (борьба); 3) ἄλμα (прыжок); 4) δίσκημα (дискометание); 5) πύξ (кулачный бой) и т. д. Это тоже, между прочим, свидетельствует: «Одиссея» действительно была создана позже «Илиады» (что соответствует и последовательности описываемых в гомеровских поэмах событий).

²⁴ Schröder B. Der Sport im Altertum. Berlin, 1927. S. 65.

²⁵ Кубланов М. М. О местной историографии на Боспоре // ВДИ. 1954. № 4.

²⁶ Parnicki-Pudelko S. Указ. соч. С. 58 и далее.

Вряд ли является случайностью и то, что в обоих произведениях названо по шесть основных видов состязаний:

«Илиада»:

1) ἵπποδρομία (скачки); 2) πυγμή (кулачный бой); 3) πάλη (борьба); 4) στάδιον (бег); 5) δίσκημα (дискометание); 6) τοξεία (стрельба из лука).

«Одиссея»:

1) στάδιον; 2) πάλη; 3) ἄλμα; 4) δίσκημα; 5) πυγμή; 6) φαίνοντα (вид игры в мяч).

ЭТИКА И ЭСТЕТИКА СОСТЯЗАНИЙ У ГОМЕРА

Древние греки преклонялись перед лучшими атлетами не только в силу их быстроты, ловкости и выносливости. Как мы уже говорили (см. главу I), эллины — люди с высокоразвитым эстетическим чувством — всегда ценили красоту совершенного человеческого тела и его движений. Пластическая прелесть бега, могучее напряжение мышц в борьбе, непередаваемая красота проносащихся ипподромом коней, неудержимо приближающихся к мете, — все это радовало глаз эллина, в равной мере почитавшего и силу, и гармонию.

Поэтому вполне закономерно, что кулачный бой (πυγμή) уже в древности имел гораздо меньше приверженцев, нежели все остальные виды античного спорта. Жестокие схватки кулачных бойцов нередко приводили к серьезным увечьям, а порою и к смерти одного из противников. Лица многих спортсменов носили следы страшных ударов, их черты были почти всегда обезображены.²⁷

О трагических последствиях этого тяжелейшего из состязаний писали многие авторы (Ф. Мезо, П. Гиро и др.). Во время кулачного боя головы атлетов защищались кожаными или бронзовыми шлемами (впрочем, не всегда), а кулаки обвивались ремнями с металлическими накладками.

Противника старались поставить лицом против солнца, чтобы с ним, полуослепленным, легче было расправиться. Бой длился до победы одного из бойцов. Искалеченными, изуродованными до неузнаваемости выходили порою атлеты из жестоких кулачных поединков. Естественно, что у многих зрителей уже во времена Гомера πυγμή вызывала отвращение, т. е. это состязание, равно как и панкратий, представляло резкий контраст со всеми остальными, поражая не только жестокостью, но и антиэстетизмом.

Доказательство этого — фигура кулачного бойца Эпея в «Илиаде». Все без исключения герои и атлеты описаны Гомером с явным сочувствием (а порою и восхищением). Они обладают бесчисленными положительными качествами, о чем свидетельствуют щедро приданные им хвалебные эпитеты и общий тон повествования.

²⁷ Павсаний. VIII, 41, 1–3.

И лишь кулачный боец Эпей на состязаниях, устроенных Ахиллом, явно не вызывает симпатий автора (а следовательно, и окружающих). Этот тип бойца — полная противоположность универсальным многоборцам Одиссею, Нестору, Ахиллу, Диомеду, Эанту и другим. В совершенстве он владеет лишь сокрушительным кулачным ударом и весьма этим гордится.

Уже в самом начале Эпей показан как неудержимый хвастун. После призыва Ахилла, пообещавшего в награду победителю мула, а за второе место — кубок,

*...быстро восстал человек и огромный, и мощный
Славный кулачный боец, Панопеева отрасль, Эпеос.
Меска рукой жоловатой за гриву схватил и кричал он:
«Выступи тот, кто намерен кубок унести двоедонный.
Меска ж, надеюсь я, не отвяжет никто из ахеян,
В битве кулачной победной, горжуся, боец я здесь первый!»*

(Илиада. XXIII, 664–669).

Далее Эпей хвастается тем, что уж никак не могло вызвать сочувствие даже в те времена жестоких межплеменных битв (а речь-то идет о соплеменнике!). Обратясь к присутствующим, уже заранее предвкушая победу, он кричит:

*Что до битвы, объявляю при всех, и исполнено будет:
Плоть до костей прошибу я и кости врагу изломаю.
Пусть за моим противником все попечители выйдут,
Чтоб из битвы унести укрощенного силой моею.*

(Илиада. XXIII, 672–675)

Тут же, однако, читатель узнает, что не всегда Эпей столь храбр и дерзок. В тоне «первого кулачного бойца» слышны и досада, и явная зависть, когда он тут же нехотя признает:

*Будет того, что меж вами я воин не лучший, — что делать:
Смертному в каждом деянии быть невозможно отличным.*

(Илиада. XXIII, 670–671)

Но последнее заявление не может служить оправданием для Эпея. Это лишь своего рода признание в слабости (пусть не физической — данное обстоятельство дела не меняет).

Выйти против Эпея решается Эвриал — сын героя Мекистея, «некогда в Фивы ходившего к играм надгробным Эдипу» (Илиада. XXIII, 679). Симпатия автора на стороне Эвриала, который и моложе, и красивее Эпея. Но исход битвы предрешен. Вот ее описание (кстати, сделанное с почти не свойственной Гомеру лаконичностью):

*Так опоясавшись оба, выходят бойцы на средину,
Разом один на другого могучие руки заносят,
Сшиблись; смешались быстро подвижников тяжкие руки.
Стук кулаков раздаётся по челюстям; пот по их телу
Льётся ручьями; как вдруг приподнялся могучий Эпеос,*

*Резко врага оглянувшегося грянул в лицо, — и не мог он
Больше стоять; подломившись, рухнулись крепкие члены.*

(Илиада. XXIII, 685–691)

Впрочем, Эпей не одержим особой «спортивной» яростью. Это могучий увалень, который, как и все люди, наделенные большой физической силой, традиционно добродушен и отходчив. Эвриал почти без чувств лежит на земле, а Эпей тут же помогает его поднять.

Но даже такое (повторяем, весьма скупое для Гомера) описание кулачного боя и его последствий дает нам исчерпывающее представление о жестокости подобных поединков. Вероятно, автор умышленно избегал тут излишней детализации, щадя эстетические чувства слушателей (а теперь — читателей).

Далее Эпей как атлет показан Гомером в самом неприглядном свете. Ограниченный, неловкий силач знает лишь одно: кулачный бой. Когда же дело касается иных видов состязаний, он терпит поражение.

Вот герои начинают соревноваться в метании огромного железного диска:

*...первый тот круг подымает Эпеос;
Долго махал он и бросил; и хохот раздался по сонму.*

(Илиада. XXIII, 839–840)

Здесь мы встретились с исключительным для древнегреческого эпоса явлением: осмеивается атлет, осмеивается определенно и недвусмысленно. И этот атлет — кулачный боец.

Кстати, уместно вспомнить, что в Спарте многие столетия не культивировались ни кулачный бой, ни панкратий (Павсаний, Плутарх). Кроме всего прочего, спартанцы не могли допустить, чтобы их соотечественник лежал на земле побежденный и жалкий.

Б. Билинский пишет: «На кулачном бое стояло нечто вроде клейма плебейских состязаний. В “Илиаде” Гомер откровенно высмеивает Эпеоса».²⁸ Но на наш взгляд, от кулачного боя отталкивало не только «клеймо плебейства», но и упомянутый антиэстетизм. И не случайно в греческом фольклоре незадачливый Эпей на протяжении многих веков выступал как фигура сугубо комическая. Уместно тут вспомнить, что эта литературная традиция и впоследствии не раз получала фактическое подтверждение. Кулачного бойца — труса, фессалийца Боиска осмеял Ксенофонт. Этот воин «...сражался так, словно он по болезни не может нести щита, а сейчас, как я слышу, он ограбил многих котиоритов».²⁹ А уж в I веке н. э. в своих блестящих эпиграммах едко высмеял кулачных бойцов Лукиллий.³⁰ Таким образом, в данном случае мы встречаемся не с чем-то случайным, а с системой взглядов.

²⁸ Billński B. Antyczny krytyki antycznego sportu // Meander. 1956. № 9.

²⁹ Ксенофонт. Анабасис. V, VIII, 23 / Перевод М. И. Максимовой.

³⁰ AP. XI, 77; XI, 78; XI, 81 и др.

Тем более что высмеивались не столько сами кулачные бойцы (и, разумеется, далеко не каждый из них), сколько обстановка варварской и бездумной жестокости, царившая порой на античных рингах. Вот одна из наиболее хлестких эпиграмм Лукиллия, обращенная к некоему Авлу:³¹

*Авл, кулачный боец, посвящает Зевсу свой череп,
Бережно все до одной косточки вместе собрав.
Коль из Немеи вернется живым, посвятит Громовержцу
Шейные все позвонки (те, что остались пока).*³²

Кульг красоты развивался в Греции постепенно и достиг апогея в «золотой век» Перикла. Обучаясь гимнастике с детских лет, думали не только о том, чтобы тело стало сильным, но также и об определенной красоте, гармонии линий.³³ В Афинах калокагатия царилла почти безраздельно. Вспомним хотя бы случай, когда афиняне, восхищенные «Антигоной» Софокла, в знак признательности единодушно выбрали поэта ... полководцем в войне против Хиоса. Он же получил особый приз за игру в мяч, когда исполнял роль Навсикая в своей одноименной трагедии (Плутарх, Павсаний).

Многие знатоки античности видели в гимнастике греков базу эллинского искусства (Й. Бинтц, 1878; А. Фуртвенглер, 1905; С. Милеев, 1931; М. Коган, 1936; Н. Новосадский, 1940). Интересно привести высказывание Н. И. Новосадского: «Многие изображения на вазах и многие статуи представляют различные виды и различные моменты гимнастических состязаний, начиная от изображения бега детей и кончая статуями атлетов, обладавших чудовищной силой и шедших уже не на состязания, а на смертный бой».³⁴

Но те, которые шли «на смертный бой», не олицетворяли собой понятие калокагатии, ибо гораздо больше были сродни Эпею, чем Одиссею или Нестору.

Если ж говорить об удачном сочетании физических и умственных достоинств, то здесь предпочтение следует отдать Одиссею. Недаром он и «мудрый», и «хитроумный», и «многомудрый», и «могучий», и «славный», и даже «богоравный» (Илиада. X, 383, 400, 488, 527, 554 и др.; Одиссея. I, 65; II, 173, 225; III, 84, 162; IV, 240, 280 и др.) Впрочем, перечислить все принадлежащие Одиссею эпитеты довольно трудно — столь много их. Это и герой, и в то же время живой человек со множеством достоинств и слабостей, благородный и коварный одновременно, что, собственно, и делает образ Одиссея жизненным и столь привлекательным. Из всех гомеровских героев

³¹ Там же. XI, 258.

³² Перевод мой. — Ю. Ш.

³³ Alexander Ch. Greek Athletics. New York, 1925. P. 34.

³⁴ Новосадский Н. И. Указ. соч. С. 17 и далее.

Лаэртид наиболее «земной». Так, борясь с Эантом, он прибегает к обычным борцовским хитростям, что, в соединении с силой и умением, помогает ему победить (Илиада. XXIII, 719–728).

Да, Одиссей достойный и опытный атлет, прекрасный боец. Но он никогда не упускает случая воспользоваться ловким тактическим приемом. И эта вполне дозволенная правилами борьбы уловка принесла ему и приз, и признание зрителей.

А победа Одиссея над Циклопом — это победа разума над грубой физической силой. Поэтому нельзя полностью согласиться с Б. Билинским, когда он пишет: «Идеалы греческой аристократии, по Гомеру, очень часто основывались на значении физической доблести».³⁵ С Лаэртидом на древние игры приходит интеллект.

Таким же блестящим тактиком показал себя Одиссей и состязаясь в беге вместе с Эантом и Антилохом:

*Бег их сперва от черты начинался; и первый всех дальше
Быстрый умчался Аякс; но за ним Одиссей знаменитый
Близко бежал, как у женщины ткущей с пряжею ходит
Цевка у персей, которую ловко руками бросает,
Нить за уток пропуская, и близко пред персями держит, —
Так Одиссей за Аяксом близко бежал.*

(Илиада. XXIII, 758–763)

И хотя на помощь Одиссею в самый решительный момент приходит его вечная покровительница Афина (Эант поскользывается и падает), победа достается Лаэртиду отнюдь не без оснований. Особенно если учесть, что по возрасту он намного старше обоих своих соперников. С почтительным восхищением Антилох (занявший третье место) говорит об Одиссее:

*Сей же из прежнего рода, от прежнего племени отрасль;
Но зелена, говорят, Одиссеева старость; и трудно
В беге с ним спорить ахейским героям, кроме Ахиллеса.*

(Илиада. XXIII, 790–792)

А во второй поэме «...мы сами видим, что спустя 10 лет (т. е. через 20 лет после отъезда с Итаки. — Ю. Ш.) он ... у феакийцев бросает громадный камень гораздо дальше, чем феакийские юноши — диски».³⁶

СПОРТИВНОЕ ДОЛГОЛЕТИЕ

Человеку непосвященному спортивное долголетие Одиссея, побеждающего юношей, может показаться таким же художественным вымыслом, как и деяния богов или, скажем, волшебные превраще-

³⁵ Billński B. L'Agonistika sportiva nella Grecia Antika (aspetti sociali e ispirazioni litterarie). Roma, 1961. P. 16.

³⁶ Маркуш С. П. Указ. соч. С. 120.

ния на острове Калипсо. Но это не так. Многие эллинские атлеты действительно очень долго не покидали стадионы и гимнасии именно как участники состязаний.

Известный кулачный боец Феаген получил только за участие в наиболее популярных играх и состязаниях около 1400 венков.³⁷ Даже если предположить, что ежегодно он выступал не менее 40 раз (практически это допустимо), то Феаген выходил победителем на играх в течение 30 лет.

Известна легенда об атлете-лучнике Тиманфе.³⁸ Он успешно выступал на состязаниях, будучи уже шестидесятилетним. Когда же Тиманф не смог согнуть свой лук, то он, не перенеся этого, бросился в огонь.

«Отдельные, наиболее известные атлеты античности, одерживали победы в течение тридцати и более лет, но это было, конечно, исключением и отнюдь не массовым явлением».³⁹

В этом смысле непревзойденным (и несомненным) образцом служит величайший атлет античности Милон Кротонский. Ученик и единомышленник Пифагора, человек разносторонний и могучий, борец Милон в течение двадцати лет шесть раз завоевывал победный олимпийский венок (не считая бесчисленных побед на прочих общегреческих праздниках).

Все вышесказанное относится не только к физическому воспитанию в собственно Греции. Многие нам известны и о спортивном долголетии тех греков, которые жили в колониях Северного Причерноморья. Здесь не было редкостью, когда в состязаниях одновременно выступали отцы и сыновья.

В 1895 году в Анапе, на месте древней Горгииппии, была найдена большая агонистическая плита с двусторонней надписью (III в. до н. э.). Горгииппийский каталог победителей содержит 225 имен. И случаев, когда в одних и тех же состязаниях одновременно принимали участие отец и сын, отмечено девятнадцать.

Киевский археолог-нумизмат В. А. Анохин добросовестно исследовал возрастную генеалогию персонажей Горгииппийского агонистического каталога и обнаружил там «атлетические династии» каллатийцев в Горгииппии: не только отцов и сыновей, но даже дедов и внуков. Возрастные группы он определяет в таких пределах: мальчики (от 12 лет), юноши 16–17 лет (первая группа) и 18–19 лет (вторая группа) и взрослые (старше 20 лет). Этот ученый составил весьма убедительные таблицы: «Родословные победителей состязаний в честь Гермеса в Горгииппии». Таблицы эти подтверждают своеобразный универсализм атлетов-колонистов.⁴⁰

³⁷ Павсаний. VI, II, 2.

³⁸ Там же. VI, XI, 3.

³⁹ Берзин Э. О. Горгииппийский агонистический каталог // Советская археология. 1961. № 1.

⁴⁰ Анохин В. А. История Веспора Киммерийского. Киев: Одигитрия, 1999. С. 214–223.

Все это становится еще закономернее и понятнее, если мы вспомним, что греческие граждане (особенно спартанцы) обязаны были нести воинскую службу с 18 до 60 лет, т. е. 42 (!) года подряд.⁴¹

ГОМЕРОВСКИЕ ИГРЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Почитание чьей-либо памяти спортивными состязаниями — обычное для Древней Греции явление. Сведения об этом институте мы находим еще в мифологии (см. главу II). Упоминали мы уже и рассказ Нестора о погребальных играх на тризне царя Амаринка в Бупраксе (Илиада. XXIII, 634–642). Таким образом, Ахилловы игры на похоронах Патрокла отражали действительное положение вещей, несмотря на периодическое «божественное вмешательство».

Судя по всему, программа подобных состязаний (в отличие от общегреческих) носила произвольный характер. Не так строго, вероятно, придерживались тут и обязательных правил: против Нестора на конных ристаниях выступили двое в одной колеснице (Илиада. XXIII, 641–642).

Имя Ахилла связано у Гомера с играми вполне закономерно. Один из лучших атлетов эллинской мифологии и эпоса, Пелид мог служить эталоном античного спортсмена: красив, могуч, благороден, честен, прекрасный воин, борец и непревзойденный бегун. Существовавший в Греции и в Северном Причерноморье культ Ахилла тоже свидетельствует об этом. Причем анализ легенд о знаменитом Ахилловом ристалище на Тендровской косе дает нам право утверждать, что, например, ольвийские агоны, связанные с культом Ахилла, восходят еще к догеродотову времени.⁴²

Участие в подобных состязаниях — большая честь, доступная отнюдь не каждому. В договоре об исополитии между Милетом и Ольвией среди привилегий, получаемых милетянами в Ольвии, специально оговаривалось право участвовать в ольвийских агонистических празднествах.⁴³

Вот что, в частности, пишет о культе Ахилла В. В. Латышев: «Известно, что культ Ахилла был широко распространен на Северо-Западе Евксинского Понта и что этот герой был одним из самых важных представителей Ольвийского Пантеона. По древнейшему преданию эллинов Ахилл, убитый под Троей, был торжественно сожжен на костре и прах его погребен под высоким курганом на берегу

⁴¹ Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М.: АН СССР, 1954. С. 48.

⁴² Кубланов М. М. Из истории культуры Северного Причерноморья // Древний мир. М., 1962.

⁴³ Латышев В. В. Исследование о государственном строе и истории г. Ольвии. СПб., 1887.

Геллеспонта, тогда как тень его, низойдя в подземное царство, стала царствовать над умершим (Одиссея. XI, 490 и далее). Но уже рано распространяется среди эллинов другая легенда, по которой Фетида унесла труп сына с пылающего костра на острова блаженных, или в Елисейские поля, или, наконец, на Белый остров (Левку), или Ахиллов, где герой, получив бессмертие и женившись на Елене (по другим версиям — на Мееде или Ифигении), проводит дни свои в гимнастических и военных упражнениях, а вечера — в веселых пирах в обществе супруги и близких людей».⁴⁴

Описание Гомером подготовки к играм и действия самого Ахилла раскрывают перед современным читателем многие подробности агонистического быта. После погребения Патрокла Ахилл, собрав своих соратников, объявляет (и показывает), какие награды ждут победителей. Лучшему вознице призом служит рабыня-рукодельница и треножник; второму — кобылица; третьему — «умывальник прекрасный, новый еще, сребровидный, четыре вмещающий меры»; наградой четвертому в конных ристаниях служат два таланта золота, а пятому — «фиал двусторонний» (Илиада. XXIII, 258–270).

Система призов, предложенная Ахиллом, имеет мало общего с обычной Олимпийской, Панафинейской или Немейской системами. Это просто дары богатого устроителя игр, ничего не жалеющего ради памяти погибшего друга.

Венгерский ученый Д. Хорянский считает, что такие похоронные игры первоначально носили характер юридического акта: борьба шла за наследство умершего.⁴⁵ Это мнение поддерживает и И. Тренчени-Вальдапфель: «Похоронные игры были связаны с древним юридическим актом распределения наследства. В более поздние же времена, как на похоронах Патрокла, так и на похоронах Амфидаманта, эти игры служили поводом для символического выкупа наследства. На похоронах погибшего вдали от родины Патрокла агон устраивается Ахиллом, и им же устанавливаются призы...»⁴⁶

Приятно, что большей частью не корысть, а желание отличиться толкают гомеровских героев на эти состязания, заставляют их бороться за победу с максимальным напряжением сил. Об этом говорит и, быть может, странная (правда, с современной точки зрения) градация призов: «сребровидный умывальник» поставлен выше двух талантов золота. Гомер почти любовно описывает вещи-призы. Все они — творения искусных эллинских мастеров. Здесь ценится в первую очередь изящество работы, а не «материальная» стоимость предмета.

⁴⁴ Там же. С. 53–54.

⁴⁵ Horniánski D. Temetési versenyküzdelmek az őzgörögöküel. Budapest, 1900. P. 31.

⁴⁶ Тренчени-Вальдапфель И. Гомер и Гесиод. М., 1956. С. 25.

Обычно же олимпийские победители, как было сказано выше, награждались, в первую очередь, венками из ветвей священной оливы. В Дельфах это был лавровый венок. На играх в Немейской долине награждали венком из сухого сельдерея, а на Истмийских празднествах — венками их свежего сельдерея или веток сосны.

Кроме того, на Панафинейях лучшие атлеты награждались амфорами с вином и оливковым маслом (в зависимости от занятого места и других обстоятельств число сосудов колебалось от 1 до 60).⁴⁷ Наградой атлету иногда служили и золотые треножки. Изображения олимпийских чемпионов чеканились на специальных монетах. В Афинах лучшие атлеты дополнительно получали от города премию в 500 драхм. В Пеллене — плащ из наилучшей шерсти. В Аргосе — бронзовый щит и т. д. (В. Латышев, Ф. Мезе, А. Фуртвенглер, Ф. Велишский и др.).

У Гомера, как и положено было на всех античных состязаниях, атлеты занимают места на старте согласно жребию (Илиада. XXIII, 352–358).

Жеребьевка среди участников проводилась эллинами почти по всем видам состязаний. Особенно строго и неукоснительно делалось это перед поединками борцов, панкратиастов и кулачных бойцов.⁴⁸ Проводилась жеребьевка и перед конными состязаниями, определяя состав заездов. А вот и традиционное начало ристания:

...мету им далекую на поле чистом

Царь Ахиллес указал; но вперед повелел, да при оной

Старец божественный Феникс, отеческий оруженосец,

Сядет и бег наблюдает, и после им истину скажет.

(Илиада. XXIII, 358–361)

В какой-то степени эти Патрокловы состязания — отражение больших игр. Вне всякого сомнения, образцом тут служили если не Олимпийские, то какие-либо доисторические игры. И это еще одно доказательство глубокой древности эллинских празднеств с участием атлетов.

ЛУЧНИКИ НА ДРЕВНИХ СТАДИОНАХ

Физические упражнения, практикуемые между боями, как мы уже отмечали, были для эллинов обычным явлением. Элементы военного и спортивного тесно переплетались, легко переходя друг в друга. И это вполне закономерно. По словам В. Д. Блаватского, «...эллинским воинам, а особенно сражавшимся в тяжелых доспе-

⁴⁷ Галанина Л. К. Панафинейская амфора — награда атлету в Афинах. Л., 1962.

⁴⁸ Pauli-Wissowa-Kroll. Realencyklopadie der classischen Altertumswissenschaft. I, I. S. 836–866.

хах гопплитам, требовалась сила, выносливость и сохранение бое- способности до старости. Этому немало способствовало распростра- вение физической культуры среди граждан полисов».⁴⁹

Но при взаимопроникновении военного и спортивного у Гомера всегда преобладает последнее. Вот сын Пелегона пеонянин Астеро- пей сражается с Ахиллом. Пелид готовится отразить удар его копья:

...но дротами вдруг обоими

Сын Пелегонов пустил: копьеборец он был оборучный.

(Илиада. XXI, 162–163)

И здесь невольно восхищаешься скорее мастерством копьемета- теля — атлета, а не воина.

В «Илиаде» описываются состязания дискометателей, бегунов, борцов, кулачных бойцов, бег колесниц, копьеметание. Наконец, уже в заключительной части игр, назначает Ахилл и поединок в стрельбе из лука. По условиям надо попасть или в голубку, привя- занную к мачте, или в шнур, удерживающий ее. Награды — двуост- рые и простые секиры. Лучшим стрелком из лука оказался Мерион (Илиада. XXIII, 856–880).

Закономерно, что лучники у Гомера приступают к состязаниям после прочих атлетов. Этот вид спорта не был главенствующим на античных стадионах ни в раннюю эпоху, ни в более поздние време- на. На Олимпийских играх стрельба из лука отсутствовала вообще.

В очень интересной (и, пожалуй, не менее спорной) книге М. Рим- шнейдер «От Олимпии до Ниневии во времена Гомера»⁵⁰ говорится об определенно пренебрежительном отношении Гомера к состязани- ям лучников: одним из доказательств этого немецкая исследователь- ница считает именно тот факт, что на тризне Патрокла лучники со- ревнуются предпоследними.⁵¹ Сам по себе этот довод не слишком убе- дителен (ведь нельзя же все агоны поставить на первое место!). Но затем М. Римшнейдер сопоставляет ценность и значимость спортив- ных призов и наконец приводит фрагмент стихотворения Архилоха:

То не пращи засвистят и не с луков бесчисленных стрелы

Вдаль понесутся, когда бой на равнине зачнет

Арес могучий: мечей многостонная грянет работа.

В бое подобном они опытни боле всего —

Мужи, владыки Евбеи, копейщики славные...⁵²

Связь, несомненно, логичная, и выводы не вызывают возражений. Однако совершенно непонятно, почему М. Римшнейдер так же уверен- но называет Архилоха (а затем и Тиртея) современниками Гомера.⁵³

⁴⁹ Блаватский В. Д. Указ. соч. С. 48.

⁵⁰ Римшнейдер М. Указ. соч.

⁵¹ Там же. С. 55.

⁵² Перевод В. Вересаева (по изданию: Эллинские поэты. М., 1963. С. 205.)

⁵³ Римшнейдер М. Указ. соч. С. 56, 59.

Впервые документы о спортивном состязании лучников появля- ются лишь в Ольвии, где был найден обломок мраморной стелы, от- носящейся к концу V — началу VI века до н. э.

Стихотворная надпись гласила: «Я говорю, что на 282 оргии стре- лял (из лука) славный Анаксагор, сын Демагорея».⁵⁴

Оргия равнялась 1,85 м. Следовательно, Анаксагор выстрелил на 521,5 м. Это феноменальный результат даже для искусных ан- тичных лучников. Э. Штерн пишет: «На материке стрельба из лука не практиковалась как вид состязаний (подчеркнуто нами. — Ю. Ш.). В Ольвии, несомненно, была введена под влиянием скифского эле- мента населения».⁵⁵

Той же точки зрения (хотя и не так категорически) придержива- ется В. Д. Блаватский: «...с военными условиями Северного При- черноморья связано появление в Ольвии состязания, мало свой- ственного (разрядка наша. — Ю. Ш.) грекам Средиземноморья, а именно, в стрельбе из лука».⁵⁶

Достаточным ли основанием для такого мнения служит отсут- ствие эпиграфического материала о состязаниях лучников в мате- риковой Греции?

Нам кажется, что нет. Во-первых, лук — один из древнейших охотничьих, боевых и спортивных снарядов. Недаром лучшим луч- ником был «Аполлон-стреловец». Он стал учителем царя Еври- та, а тот, в свою очередь, обучал стрельбе из лука Геракла. Был и сре- ди героев непревзойденный лучник: Филоктет.

Одиссей, тоже прекрасный стрелок, признается феакам:

Луком один Филоктет меня побеждал неизменно

Под Илионом, когда мы, ахейцы, в стрельбе состязались.

(Одиссея. VIII, 219–220)

Как видим, речь идет не о случайных состязаниях, а о система- тических, где Филоктет неизменно побеждал своих соперников.

Об этом говорят и уже упомянутые состязания лучников, кото- рые устроил Ахилл (Илиада. XXIII, 850–880).

Наконец, самое яркое, подробное и высокохудожественное во всей древнегреческой литературе описание лучной стрельбы — распра- ва Одиссея с женихами Пенелопы. Знаменитое состязание по стрель- бе из лука, а точнее — рассказ о стрельбе Лаэртида.

Назойливые и бесцеремонные, домогающиеся не столько самой Пенелопы, сколько власти вообще, а в частности — власти в доме

⁵⁴ Штерн Э. Новый эпиграфический материал, найденный на юге Рос- сии // Записки императорского Одесского общества истории и древностей. Т. XXIII. 1901.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Блаватский В. Д. Античная археология. АН СССР. М., 1961. С. 125–126.

Одиссея, — женихи толкают отчаявшуюся Пенелопу на необходимость объявить (знакомый сюжет) состязание. Приз победителю — сама Пенелопа.

Интересно, что С. В. Шостакович считает: женихи Пенелопы представляли собой «мужской союз» сверстников (вспомним, например, спартанскую агелу). Такое предположение достаточно основательно, даже если учесть и все теневые стороны знаменитого сватовства. Однако далее исследователь говорит: «... расправа Одиссея с женихами — это своего рода бунт сторонника моногамии против режима группового брака: перестреляв женихов, Одиссей как бы расстрелял «брачный клан», сбросил иго группового брака».⁵⁷

С такой трактовкой эпизода можно было бы согласиться, если бы в самом тексте «Одиссеи» мы обнаружили соответствующие строки. Но ведь существование рядом с законной женой рабынь-наложниц еще не идентифицируется с понятием группового брака. Поэтому, нам кажется, С. В. Шостакович механически переносит социальнородовые понятия расцвета общинно-родового строя во времена более поздние. Иными словами, это заманчивое предположение остается пока бездоказательным.

Не без наущения со стороны Афины и Одиссея царица предлагает женихам соревноваться в стрельбе из лука:

...хочу состязанье назначить.

*В зале своем Одиссей топоры расставлял друг за другом,
Как корабельные ребра, двенадцать числом. Отступивши
Очень далеко назад, он простреливал все их стрелойю.*

Нынче хочу предложить женихам состязание это.

Тот, кто на лук тетиву с наименьшим наденет усильем

И топоров все двенадцать своею стрелойю прострелит,

Следом за тем я пойду.

(Одиссея. XIX, 572–579)

Знаменитый лук Одиссея был подарен самим Аполлоном царю Евриту, тот перед смертью передал его своему сыну Ифиту, который и преподнес это великолепное оружие Лаэртиду (Одиссея. VIII, 224; XXI, 13).

По манере женихов обращаться с этим оружием совершенно ясно, что оно им хорошо знакомо и как орудие состязания. Однако натянуть лук могучего Одиссея не смог никто: ни Леодей, ни Эвримах, ни Антиной, ни другие женихи, несмотря на всевозможные ухищрения и даже молитвы. Наконец после долгих споров, насмешек и волнений лук попадает к хозяину — Одиссею:

...в руках обращая

Лук свой туда и сюда, осторожно рассматривал, целы ль

⁵⁷ Шостакович С. И. Сказание о Пелопидах. Иркутск, 1975. С. 35.

*Роги и не было ль что без него в них испорчено червем.
Глядя друг на друга так женихи меж собой рассуждали:
Видно, знаток он и с луком привык обходиться;*

быть может,

*Луки работает сам и, имея уж лук, начатой им
Дома, намерен его по образчику этого сделать.*

(Одиссея. XXI, 393–399)

Эти столь обыденные детали (своего рода «гомеровские прозаизмы») свидетельствуют о том, что лук был знаком любому греку не менее, чем, например, диск или копье.

Но вот Одиссей неожиданно поднимает лук:

Как певец, приобвыкший

Цитрою звонкой владеть, начинать песнопенье готовясь,

Строит ее и упругие струны на ней из овечьих

Свитые тонко-тягучих кишок, без труда напрягает, —

Так без труда во мгновение лук непокорный напруг он.

Крепкую правой рукой тетиву натянувши, он ею

Щелкнул: она провизжала как ласточка звонкая в небе.

(Одиссея. XXI, 405–411)

И, наконец, не дав женихам опомниться от изумления, царь Одиссей стреляет:

Лук за ручку держа, тетиву со стрелой потянул он

И, не сходя с табуретки, вперед наклонясь и нацелясь,

Острую выпустил с лука стрелу. Мгновенно через дыры

Ручек всех топоров, ни одной не задев, пролетела

Тяжкая медью стрела.

(Одиссея. XXI, 419–423)

Думается, что нельзя категорически утверждать, что «на материке стрельба из лука не практиковалась как вид состязаний» (Э. Штерн). Слишком широко и подробно отражены агоны лучников в древнегреческой мифологии и эпосе, чтобы допустить их полное забвение на состязаниях атлетов.

Правомерно предположить, что весьма распространенные в древнейшие времена (т. е. по крайней мере до 884 и тем более до 776 г. до н. э.), после возобновления Олимпийских игр Ифитом и Ликургом состязания лучников почему-то были исключены из агонистической программы и снова обрели право спортивного гражданства уже в Северном Причерноморье.

Причины отстранения лучников от участия в общеэллинских состязаниях могли быть различными. Главным же поводом, думается, стала все возрастающая аристократизация агонов в классическую эпоху. Лук же, как известно, никак не мог быть отнесен к «рыцарским» видам оружия. Архилох, как помните, сообщает нам

в одном из фрагментов,⁵⁸ что эвбейская аристократия судьбу сражений решала мечом, весьма неохотно прибегая к луку и праще. Страбон пишет, что во время Лелантской войны Халкида и Эретрея заключили между собой договор, «...запрещающий пользоваться дальнобойным метательным оружием».⁵⁹

Естественно допустить, что под давлением этих обстоятельств стрельба из лука постепенно отмирала как вид олимпийских и других состязаний. Однако эти соревнования возродились в греческих колониях Северного Причерноморья как под влиянием местного скифского элемента, так и в силу военной необходимости.

Между прочим, скрупулезно рассмотрев описание лучной стрельбы Одиссея, М. Римшнейдер выразила сомнение в точности гомеровского рассказа: возможно ли, дескать, укрепить двенадцать секир в глиняном полу настолько прочно, чтобы они могли стоять непоколебимо и служить мишенями? Она пишет: «Стрелять надо было стоя или опустившись на одно колено. Но у какого же топора бывает такая длинная рукоятка, если учесть вдобавок, что часть ее закопали в землю? Одиссею пришлось бы распластаться по земле или же держать лук горизонтально, что совершенно исключено».⁶⁰

Но ведь речь идет не о простом топоре, а о боевых секирах! И если тяжелые ясеневые копья эллинов порой достигали четырех метров, то древки боевых секир бывали двухметровыми.⁶¹ Вкопанная на полметра в землю, такая мишень могла стоять вполне прочно. Вспомним, например, что современная новогодняя елка довольствуется и пятисантиметровым гнездом в удерживающей ее крестовине. Древние же греки были всегда «техничными» людьми и без труда могли справиться с подобной (не такой уж, скажем прямо, сложной) задачей.

Однако немецкая исследовательница в итоге признает: «Во всяком случае, его описания могут служить свидетельством спортивных интересов греков и являются хорошей иллюстрацией Олимпийских игр, даже если поэт, как это с ним нередко случается, дает волю фантазии».⁶²

С точки же зрения этики и эстетики физического воспитания греков, «Илиада» и «Одиссея» занимают совершенно особое место в древнегреческой литературе. Обе поэмы ценны для нас как своей энциклопедичностью, так и тем, что содержат агонистические детали, часто уже не свойственные эллинским играм исторического периода.

⁵⁸ Фрагмент 3 (Диль). Перевод В. Вересаева был приведен выше.

⁵⁹ Страбон. 448, 12.

⁶⁰ Римшнейдер М. Указ. соч. С. 99.

⁶¹ Engelbrecht D. Die Waffe in der Antike. Halle, 1909. S. 96.

⁶² Римшнейдер М. Указ. соч. С. 99.

Можно сделать также вывод, что уже во времена Гомера наибольшим уважением пользовались всесторонние, универсальные атлеты, обладающие высокими интеллектуальными (а не только физическими) качествами.

Спортивные состязания того периода символизировали начало аристократизации определенной части греческого общества и его дальнейшее расслоение.

Погребальные игры в память о погибшем Патрокле отражали реальную обстановку и детали древнегреческих агонов.

Наконец, эстетические убеждения Гомера (и многих завсегдатаев эллинских состязаний) уже тогда восставали против животной ограниченности кулачных бойцов и панкратиастов, о чем свидетельствует отталкивающий образ Эпея.

Глава IV

ТЕМА АГОНИСТИКИ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ VII-VI ВЕКОВ ДО Н. Э.

Свидетельством влияния спортивной агонистики на развитие литературы и мировоззрение эллинов явилось рождение самостоятельного и весьма специфического жанра древнегреческой поэзии — эпиникия.

Величальная песня в честь победителя звучала на стадионе сразу после состязаний, вечером во время дружеского пира и, наконец, в родном городе атлета, когда тот возвращался с игр, увенчанный и счастливый. Стихи и соответствующий музыкальный аккомпанемент создавали настроение торжественное и радостное одновременно.

В. В. Майков так определяет этот жанр: «Эпиникий есть стихотворение, написанное по поводу победы, одержанной тем или другим лицом на общественных играх, следовательно, это есть стихотворение “на случай” ... и должно в себе содержать намеки на личность победителя, его род и отечество, и обстоятельства, сопровождающие факт одержанной победы».¹

ЭПИНИКИЙ, АГОН И ПОЛИС

Впрочем, эпиникий не сразу стал поэтическим отражением индивидуальных черт победителя. Сначала, вероятно, создавались величальные оды более общего содержания. Так же, как первые статуи атлетов в Олимпии еще не носили персонального характера, а чаще всего являлись типичными образами сильнейших мужей Греции,² так и первые эпиникии не создавались для каждого победителя в отдельности.

¹ Майков В. В. Четыре эпиникия Пиндара в честь Иерона Сиракузского и Этнейского // Журнал Министерства народного просвещения. 1892. № 8-10. С. 77.

² По этому поводу Парницкий-Пуделко С. пишет: «Статуя победителя сначала не носила индивидуальных черт, а представляла только обобщенный образ атлета. Право на персональное сходство лишь позднее завоева-

Таким универсальным эпиникием, исполнявшимся в честь сильнейших (сперва единственно, а потом и наряду с персональными одами), был знаменитый «Тройственный каллиник» Архилоха:

Тенелла!

Светлопобедный — радуйся, о царь Геракл, —

Тенелла —

светлопобедный —

И сам, и Иолай твой — два копейщика! —

Тенелла!

*Светлопобедный — радуйся, о царь Геракл!*³

Этот лаконичный гимн Гераклу — основателю Олимпийских игр и атлету — не утратил прелести и влияния даже во времена Пиндара.

Правда, Эратосфен считал это произведение не эпиникием, а только гимном (III, 13). Однако думается, что античный ученый больше имел в виду форму, чем содержание.⁴

Популярность Архилохова «Тройственного каллиника» — это еще одно подтверждение того, что среди многочисленных мифологических версий об учреждении состязаний в Олимпии миф о Геракле-основателе всегда занимал почетное место.

Агонистика завоевала классическую Грецию. Влияние и дух спортивных состязаний распространяется повсюду. Этот процесс настолько всеобъемлющ, что «...уже в VII-VI веках до н. э. элементы агонии проникают в философию — интеллектуальные состязания: зарождается диалектика. Терминология спортивной агонистики прочно входит в словарь философских и литературных понятий».⁵

Если в греческой поэзии мы находим обильный мифологический, исторический и географический материал, то фактов, относящихся к античной агонистике, здесь, пожалуй, не меньше. Состязания и доблесть победителя становятся источниками вдохновения не только для поэтов, но также для скульпторов и художников.⁶

У каждого свободного (и зажиточного!) грека создавалось вполне определенное праздничное и приподнятое настроение в дни больших агоний, когда, как сказал Архилох,

*...толпой валил народ на состязания.*⁷

Однако задачи агонистики и требования, предъявлявшиеся к атлетам, во времена Гомера, Архилоха и Пиндара не были одина-

ли олимпийскими — трехкратные победители на Олимпийских играх» (Указ. соч. С. 40). См. также: Милеев С. Искусство и физическая культура. М.; Л., 1931. С. 44-45.

³ Anthologia lyrica Graeca. Fasc. 3. Lipsiae, 1964. P. 47-48. № 120 (119).

⁴ История греческой литературы. АН СССР. М., 1946. Т. 1. С. 253-254.

⁵ Biliński B. L'Agonistica sportiva... Roma, 1961. P. 36.

⁶ Воцинина А. М. Античное искусство. М., 1962. С. 116.

⁷ Anthologia lyrica Graeca. Fasc. 3. Lipsiae, 1964. P. 37. fr. 85 (104) / Перевод С. Я. Лурье.

ковыми. В разные периоды истории античного общества существовали различные (в зависимости от господствующих взглядов и социальных условий) мнения о взаимосвязи спортивной агонистики и гражданского долга.

Период VI–V веков до н. э. в определенном смысле можно назвать «золотым веком» эллинской гимнастики и атлетики. Предлагали даже назвать этот отрезок истории Олимпийских игр «агональным» (Г. Буркхардт, Э. Эренберг, Г. Дюпперон).

Но в недрах «золотого века» вызревают новые взгляды, опрокидывающие прежние представления о человеческой доблести.

Формируется и крепнет древнегреческий полис. Вступают в свои права экономические законы полисной системы. Необходимость постоянной обороны полиса способствует новому возрождению и распространению среди его граждан стройной системы физической культуры.

В это время «аристократическому идеалу физической силы, олицетворенному в фигурах гомеровских героев, зажиточные слои ремесленников и торговцев из ионийских городов противопоставили новые ценности. Исходя из общественно важной мудрости, дающей силу экономике, главной доблестью является денежное богатство — важное условие жизни в полисе».⁸

Одновременно все больше усиливается классовое расслоение эллинского общества, все резче очерчиваются контуры рабовладельческого государства, те контуры, которые у Гомера иногда носят еще несколько расплывчатый характер. И все отчетливее против аристократического блеска спортивной агонистики выступает народное течение. Оно выражается в иронической критике атлетов. Сначала здоровое и разумное, отвергающее лишь «чистую» агонистику, это течение позднее, в эпоху эллинизма доходит до почти полного отрицания агонии (например, киники, о которых шла речь в главе I).

Итак, культ силы, с одной стороны, и культ богатства на фоне интеллекта — с другой. Несомненным выражением этого раздвоения взглядов в гимнасиях был двойной культ Геракла и Гермеса (см. главу II данной работы), первый из которых олицетворял физическую силу, а второй — интеллект и коммерческую смекалку. Кроме того, промежуточное место занимает культ Тесея — более изящного и утонченного, чем Геракл, но, конечно, в гораздо большей степени атлета, чем Гермес. Все трое мирно уживались в эллинских гимнасиях, что явствует из уже упомянутого описания мессенского гимнасия у Павсания.⁹ То, что начинает лишь вырисовываться у Гомера, теперь обретает силу и полноправие. Как заметил

⁸ Biliński В. Antyczny krytycy antycznego sportu // Meander. 1956. № 9-10. С. 289.
⁹ Павсаний. IV, 32, I.

Б. Билинский в уже упомянутой работе, «многоумный Одиссей всеявственней опережает быстрого Ахилла».¹⁰

Все нарастая, звучит в поэзии того периода тема служения родному полису, т. е. патриотическая тема. В стихах идет речь и о «прикладном» значении агонистики.

АРХИЛОХ, ТИРТЕЙ, ФЕОГНИД О ГРАЖДАНСКОЙ ДОБЛЕСТИ

Помимо знаменитого «Тройственного каллиника», до нас дошло очень немного произведений Архилоха, где звучала бы агонистическая тема. Несомненно, однако, что она была близка и понятна темпераментному, искреннему и отважному поэту. Это мы видим хотя бы в области сравнений, к которым Архилох прибегает в стихах. В известной эпиграмме, посвященной некоей Состене, поэт сравнивает лысый череп надменной «красавицы» не с круглым камнем-голышом, не с шарообразным сыром, а с мячом,

*...что в палестре бросают
юноши друг другу.*¹¹

Воин и патриот, Архилох не прельщается внешней, показной и демонстративно-декоративной стороной состязаний. Он ценит в своих согражданах лишь те качества, которые могут принести пользу отечеству, пригодиться не только на стадионе, но и в бою. Вот как оценивает он двух вождей:

*Нет, мне не нравится вождь горделивый,
с изящной походкой
И завитыми красиво кудрями,
надменный, холеный.
Пусть малорослый иной,
пусть бежит он слегка косолапо, —
Только бы твердо ступал по земле
и был сердцем отважен!*¹²

Приведенные строки отчетливо характеризуют ἀρετή в представлении Архилоха. Тут нет речи ни о богатстве, ни о благородном (а то и божественном) происхождении. Ибо, участник многих битв, поэт знал настоящую цену всему этому. Архилох был поэтом, который «полной рукой черпал из сокровищницы человеческого гения, облагородив и форму, и содержание греческой литературы».¹³ К этому

¹⁰ Biliński В. Указ. соч. С. 291.

¹¹ Перевод С. Я. Лурье.

¹² Anthologia lyrica Graeca. Fasc. 3. Lipsiae, 1964. P. 27. Fr. 60 (58) / Перевод мой — Ю. Ш.

¹³ Biliński В. Указ. соч. С. 272.

следует добавить, что Архилох был социальным творцом, остро ощущавшим дух и требования времени.

Его современник (или живший несколько позже) Тиртей ненамного уступал Архилоху в эмоциональности. Выразитель интересов Спарты, он был ярким и тенденциозным поэтом. Его понимание и оценка *ἀρετή* во многом совпадают с оценкой Архилоха.

Наивысшей доблестью человека и гражданина Тиртей считает воинское умение, опирающееся на физическую мощь. У него эта тема звучит еще более целенаправленно, нежели у Архилоха, круг интересов которого был несравненно шире, чем у вдохновителя лакедемонян.

В одном из стихотворений¹⁴ Тиртей наставляет молодежь:

*Я не считаю ни памяти доброй, ни славы достойным
Мужа за ног быстроту или за силу в борьбе,
Хоть бы он даже был равен циклопам и ростом, и силой,
Или фракийский Борей в беге ему уступал,
Хоть бы он видом был даже прелестней красавца Тифона
Или богатством своим Мида с Киниром затмил.
Хоть бы он царственной был Танталова сына Пелопа.
Или Адрастов язык сладкоречивый имел,
Хоть бы он всякую славу стяжал, кроме доблестной силы!
Ибо не будет никто доблестным мужем в войне,
Если не будет отважно стоять в виду сечи кровавой
Или стремиться вперед в бой рукопашный с врагом:
Эта лишь доблесть и этот лишь подвиг для юного мужа
Лучше, прекраснее всех прочих похвал средь людей.¹⁵*

Когда у знаменитого Леонида спросили его мнение о Тиртее, тот ответил: «*ἀγαθός νέων φυχάς ἀκάλλειν*» (способен возбуждать души юношей).¹⁶

Как видим, и Архилох, и Тиртей, оба творившие приблизительно в середине VII века до н. э., во многом одинаково определяют роль и место спортивной агонистики в жизни человеческого общества. Правда, Тиртей предъявляет к соотечественникам более определенные требования. Но у обоих поэтов сила и телесная красота могут войти как составные элементы в понятие доблести и чести лишь на службе у отечества — у родного города.

Все чаще физическая универсальность уступает первенство моральным качествам и порой богатству. Примечательно, что несколько позднее Платон в своем «Государстве»¹⁷ выше всего ценил в граж-

¹⁴ Anthologia lyrica Graeca. Fasc. 1. Lipsiae, 1964. P. 15–18. Fr. 9 (12).

¹⁵ Перевод В. В. Латышева.

¹⁶ Магаффи Дж. История классического периода греческой литературы. Т. 1. М., 1882. С. 149.

¹⁷ Платон. V, 465, Д.

данах именно эти качества: быть защитником отечеству и в физическом, и в экономическом аспектах.

Почти на столетие позже Архилоха и Тиртея выступил со своими элегиями Феогнид. К этому времени власть денег в полисах настолько усилилась, что это нашло многократное отражение в стихах поэта.

В начале Первой элегии, наставляя Кирна, Феогнид говорит тому, что верный друг всегда дороже золота и серебра.¹⁸ Чуть дальше поэт сообщает, что главное в человеческой жизни — счастье. Оно выше богатства тоже.¹⁹ Подойдя к середине элегии, Феогнид, однако, вынужден констатировать, что бедность — страшнейшее несчастье для человека.²⁰ И еще через несколько стихов признается:

*Для большинства же людей наивысшая
добрость — богатство.²¹*

Новое веяние проступает в этих строках прямолинейно и недвусмысленно. Наиболее всесторонне и обоснованно в этот период аристократическую агонистику и аристократические идеалы вообще критикует Ксенофан. К тому времени здоровые корни древнегреческого спорта уже весьма основательно были поражены микробами профессионализма.

АТЛЕТИКА И МЕДИЦИНА

Победить на Олимпийском стадионе теперь мог лишь тот, кто тренировался систематически и упорно, отложив все остальные занятия. Или же, как было сказано, те выходцы из мастеровых, торговцев и бедноты, которые в силу жизненной необходимости стали атлетами-профессионалами и выступали на играх за деньги.

С другой стороны, все возрастает роль искусства и знаний в жизни древнегреческих государств. У науки возникают общие точки соприкосновения с агонистикой: педотрибы и гимнасты постигают начатки медицины и физиологии, зарождаются не только основы лечебной физкультуры, но и определенные методы тренировок атлетов.

В одном из своих диалогов Платон влагает в уста Сократа такие слова: «...в общем служении телу я вижу две части: гимнастику и медицину. И эти части, взятые вместе, относясь к одному и тому же предмету, находятся во взаимном общении, хотя и отличаются одна от другой».²²

¹⁸ Theognis. Lipsiae, 1961. P. 6. Vol. 77–78.

¹⁹ Там же. С. 129–130.

²⁰ Там же. С. 649–652.

²¹ Там же. С. 699–702.

²² Горгий. С. 464 / Перевод В. Карпова.

Аристотель с большим уважением писал о педотрибе Геродике из Селимврии. Современник Гиппократа, этот тренер, когда заболел, придумал для себя систему упражнений. Специальной тренировкой он добился того, что организм лучше усваивал пищу и окреп.²³

Вначале гимнастами назывались у эллинов обычные учителя в гимназиях и палестрах, тренировавшие юных греков. Однако впоследствии это звание носил не столько тренер, сколько человек, понимающий целебную силу физических упражнений. Как метод лечения гимнастика возникла значительно позже спорта: в своем медицинском значении это слово родилось лишь в V веке до н. э. И местом его рождения были античные стадионы.

Так, Иккос из Тарента, первый из греков начавший лечить физическими упражнениями, называл себя еще просто педотрибом. Примечательно, что в 446 году до н. э. Иккос стал олимпийником.

Кстати, диету как способ лечения в Элладе ввели впервые именно гимнасты и педотрибы, а не врачи.

Теоретические обобщения рождались на основе многолетнего опыта атлетов и их воспитателей. У Павсания есть рассказ о Гисимоне из Элиды, который «...когда был еще мальчиком, страдал простудой мышц (т. е. ревматизмом. — Ю. Ш.) и решил заняться пятиборьем, чтобы с помощью упражнений стать здоровым человеком. Впоследствии он победил в Олимпии и в Немее».²⁴

Очень много подобных повествований находим у древнегреческих прозаиков не только классического, но и эллинистического и даже римского периодов. Упражнения делают больного человека атлетом, победителем — этот мотив широко распространен в древнегреческой литературе, начиная с V века до н. э. и кончая III веком н. э.

В этом отношении интересен рассказ Элиана о некоем Стратоне: «Принадлежа к знатному роду, он, однако, совершенно пренебрегал телесными упражнениями. Но когда стал страдать болезнью селезенки и врачи предписали ему упражняться в гимназии, Стратон сначала предавался этому настолько, насколько было необходимо для здоровья. Постепенно делая успехи в этих занятиях и отдавшись им безраздельно, Стратон во время Олимпийских игр оказался в один день победителем в борьбе и панкратии. Он и вторично завоевал победу в Олимпии, а также отличился на Немейских, Пифийских и Истмийских играх».²⁵

Многие античные врачи были хорошими атлетами. Сам Гиппократ не раз выходил победителем в борьбе и на конных состязаниях. Отец медицины был очень высокого мнения о целебных свойствах физических упражнений, о практической смекалке и открытиях

²³ Политика. III, 406.

²⁴ Павсаний. VI, III, 5.

²⁵ Элиан. Пестрые рассказы. IV, 15.

учителей гимнастики. В своем труде «О древней медицине» Гиппократ писал: «...Те, которые заведуют гимнастикой и укреплением сил, постоянно открывают что-нибудь, посредством чего всякий, пользуясь известной пищей и питьем, может наилегче достигать укрепления и делаться могучим и здоровым».²⁶ Почти в каждом труде отца медицины можно прочесть рекомендации гимнастического характера с целью лечения различных заболеваний.

Большое значение придавал Гиппократ образу жизни людей, всегда связывая их здоровье и склонности с существующими социальными условиями. Великий медик имел возможность сравнивать образ жизни различных народов и делает несомненно социальный вывод: «...от покоя и лениности возрастает трусость, а от упражнений и трудов — храбрость».²⁷

Наконец, публичные чтения писателями и учеными своих произведений перед олимпийской или даже просто гимназией аудитории тоже являются свидетельством неуклонно возрастающей роли интеллекта.

КРИТИКА «СПОРТИВНОЙ ИДИОТИИ». КСЕНОФАН. ДВЕ ТРИАДЫ

В это время многие уже начинают понимать пагубность нездорового ажиотажа, который разгорается на стадионах. Почти обоже- ствляя атлетов-любимцев, публика нередко превозносила их лишь за силу кулачного удара или умение изуродовать противника, оставаясь в рамках жестких параграфов Олимпийского устава. Против этого страстно выступали Еврипид, Аристофан, Исократ, Эпиктет, Дион Хрисостом и другие.

Итак, «...уже в древности восставали против спортивной идиотии, ратуя за разумный спорт, против его переоценки вообще и тевных сторон в особенности».²⁸

Из всех древнегреческих поэтов классической эпохи подобная критика наиболее широко представлена у Ксенофана.

В одной из его элегий²⁹ выражена досада и горькая ирония по поводу бессмысленного возвеличивания недалеких и ограниченных атлетов, победы которых не приносят никакой общественно-практической пользы полису и соотечественникам.

²⁶ О древней медицине. 4 / Перевод В. Карпова.

²⁷ О воздухах, водах и местностях. 23 / Перевод В. Карпова. Иногда этот труд издается под именем Псевдо-Гиппократа, но и в таком случае суть данного высказывания ничуть не теряет для нас своего значения.

²⁸ Diem C. Antiker und moderner Sport. Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts und Archäologischer Anzeiger. Bd. 74. S. 360. Berlin, 1960.

²⁹ Anthologia lyrica Graeca. Fasc. 1. Lipsiae, 1964. P. 65-66. Fr. 2 (2).

В то же время ученые, поэты и другие люди, ежедневно думающие и пекущиеся о благе отечества, остаются в тени. Поэт сетует по поводу того, что удачливый пятиборец, кулачный боец, борец, всадник, даже жестокий панкратиаст, завоевав олимпийский приз, прославится среди земляков, получит от них дары и пожизненное содержание, хотя действительных заслуг у него значительно меньше, чем у тех, чье «искусство выше всякой силы коня или мужа» (с. 1–12).

Поэт подчеркивает, что знание, умение, общий интеллект, наука, искусство приносят обществу неизмеримо большую пользу, нежели простая быстрота ног или бездумная сила могучих рук. Предостерегая сограждан от чрезмерного и нездорового увлечения «агонистической идиотией», Ксенофан концентрирует в элегии доводы убедительные и горькие по своей сути. Впрочем, лучше всего привести здесь это произведение полностью:

*Если кто в бегах других превзойдет
или как пятиборец
В роце Зевеса себя
выкажет прочим сильней.
Там, над Писейским потоком в Олимпии,
или в борьбе он,
Или в кулачном бою
к тяжелой победе придет,
Или же в схватке жестокой,
(что всеми зовется панкратий), —
То благодарны вовек
будут ему земляки.
Впредь и на играх ему
предоставят почетное место,
И от сограждан всегда
будет еду получать,
И от народа дары —
все, что лучшего в городе сыщут.
Первый на скачках, — опять
слава ему и почет,
Хоть по заслугам уступит он мне:
ведь искусство поэта
Выше, чем конская прыть
или уловки борца.
Все же, увы, не в почете оно.
А ведь несправедливо,
Если искусству ума
силу народ предпочтет.
Пусть и могучих кулачных бойцов
не имеет наш город,
Нет ни борцов-крепких,
ни пятиборцев лихих,
Ни бегуна быстрогого*

*(как средоточия мощи,
Что в состязаньи мужи ценят превыше всего),
Но все равно в благоденствии
город цветущий пребудет.
Радости ж мало для всех,
если в упорной борьбе
Стать победителем в Писе удастся кому-то:
Город ведь мой оттого
вовсе не станет сильней.³⁰*

Наивно было бы полагать, что большинство завсегдатаев античных стадионов было настроено столь же критически. Несомненно, что было как раз наоборот. Тем больше чести поэту, смело выступившему против далеко не прогрессивного общественного мнения. И неудивительно, что в поэтической запальчивости Ксенофан несколько «перегнул палку», начисто отрицал всякие заслуги атлетов перед родным городом вообще. Тем не менее в новых общественных слоях Греции зарождается все более отчетливая критика жестокой спортивной агонистики, критика серьезная и умно аргументированная. Однако дух соревнования на античных стадионах ничуть не ослабевает. Этому способствует и система полисов, и национальный характер греков.

Эллада была раздроблена на множество городов-государств, которые без устали соперничали друг с другом за первенство как на политической, так и на спортивной арене.

Аретѣ Ксенофана синтезирует в себе тезисы патриотизма и служения государству как у Тиртея и Архилоха. Однако его «доблесть» — более всеобъемлюща. Ксенофан воспеваает гармоническое телесное развитие в соединении с мудростью, наукой и искусством. Причем поэт открыто отдает предпочтение интеллектуальному перед физическим. Он выступает с откровенной критикой позиции новых общественных слоев ионийского полиса. Эта критика — отзвук длительного спора между физической и умственной культурой. Но, выступая против агонистики, Ксенофан показывает себя глубоким ее знатоком. В частности, в упомянутой элегии Олимпийские состязания перечислены именно в той последовательности, в какой они чередовались на берегах Алфея.

Французский ученый Л. Гарро отмечает, что Ксенофан «...в своей знаменитой элегии умно и яростно атакует давние, традиционные идеалы аристократии и одновременно вредные увлечения богатей молодых полисов».³¹

Аретѣ прочно становится основным, определяющим пунктом классовой этики. Но это общественное понятие со временем не толь-

³⁰ Перевод мой. — Ю. Ш.

³¹ Garrot L. L'athletique et la poesie. Paris, 1949. P. 123.

ко меняет, но и, как видим, расширяет свое смысловое и социальное значение.

Нередко, объединившись в полисе, аристократия и молодая поросль богачей стремятся наряду с военно-спортивным совершенством силового характера и к определенным эстетическим идеалам.³²

Влияние ἀρετή на внешность представителей правящих слоев древнегреческого общества в VI–V веках до н. э. ничуть не ослабевает, хотя носит уже иной характер, нежели во времена Архилоха и Тиртея.

Все более расцветает и крепнет калокагатия. Каждый свободный (и зажиточный) гражданин полиса должен быть хорошо воспитан как в духовном, так и в физическом отношении.³³

Не только в поэмах Гомера, не только у Тиртея, Архилоха, Феогнида и Ксенофана, но и (как увидим далее) в эпиникиях Пиндара, Симонида Кеосского неизменно ощущаются социальные признаки, видны штрихи общественной жизни, которые не могут заслонить награждения мифологических деталей и имен. Это характерно почти для всей поэзии классического периода древнегреческой литературы.

Что же касается более поздней эпохи — эллинистической и римской, — то здесь нередко бывал ощутим поворот в сторону формальной эрудиции «чистой поэзии», без попыток сообщить сведения о жизни, окружающей поэтов.

Однако не только в пределах одного литературно-исторического периода, но даже в рамках одного столетия мы находим в поэзии выражения резко противоположных взглядов на агонистику и ее общественное значение.

Упомянутый уже Б. Билинский предлагал рассматривать две поэтические триады:

Старая триада: Архилох, Тиртей, Ксенофан. А новая триада — это Пиндар, Симонид и Вакхилид.³⁴

Именно их поэзия в своем взаимном единстве и столь же взаимной противоположности дала нам своего рода литературные и социальные основания считать период VII–V веков до н. э. классической эпохой греческой агонистики.

Причем если Архилох, Тиртей и даже Ксенофан писали во время преобладающего влияния атлетических идеалов, то Пиндар, Симонид и Вакхилид творили в совершенно иных общественных условиях. Однако далее мы рассмотрим глубже вопрос о том, целиком ли выделение двух поэтических триад и противопоставление друг другу именно этих авторов.

³² Вошинина А. И. Указ. соч. С. 116.

³³ Rudolph W. Olympischer Kampfsport in der Antike. Berlin, 1965. S. 5.

³⁴ Biliński B. L'Agonistica sportiva... Roma, 1961. P. 28.

ГРАЖДАНИН-АТЛЕТ В ПОЭЗИИ СИМОНИДА КЕОССКОГО

Когда на поэтическую арену уверенно вышел Симонид Кеосский, были уже созданы все условия для развития величальной песни. Симонид слагал эпиникии в широком и в то же время конкретном смысле этого слова.

В древнегреческих полисах все более возрастает роль личности нового аристократа, собственника денежного богатства. Все напряженнее становится соперничество греческих городов не только на поле боя, но и на стадионах. Кроме того, именно в VI веке до н. э. были с исторической достоверностью учреждены Пифийские, Истмийские и Немейские состязания.³⁵

Какие же поэтические качества и общественные условия помогли Симониду Кеосскому создавать прекрасные величальные оды еще до Пиндара, а затем и в успешном соревновании с Фиванцем? Решающим явилось то, что Симонид «обладал умением представлять положительные черты человека и придать эпиникиям не тот общий характер, какой мы встречаем в Олимпийском эпиникии Архилоха, а индивидуальные, личные черты, необходимые для эпиникия».³⁶

Впрочем, поэзия Симонида Кеосского во многом уже не носила того независимого характера, который отличает произведения Архилоха, Ксенофана, Стесихора. Несмотря на определенную самостоятельность, Симонид был придворным певцом: содержание и направленность его стихов часто определялись соображениями не только творческого характера. Поэт в своих версифицированных высказываниях порой не идет дальше интересов ординарного тирана или аристократа. Но обязательства в отношении благосостояния и мощи родного государства у него редко отступают на второй план.³⁷

Близость к фессалийским тиранам Скопадам, известное влияние при дворах сицилийских правителей Феронта и Гиерона не были следствием одного лишь обаяния поэта. Получая поистине царские гонорары, Симонид обязан был активно воспевать тех, кто его содержал. Но делал он это, строго соблюдая меру и никогда не теряя чувства собственного достоинства.

Сколии и эпиникии Симонида носили не столько хвалебный, сколько поучительный характер. Находилось тут место для всевозможных рассуждений.³⁸

³⁵ Соответственно в 590, 583 и 573 гг. до н. э.

³⁶ История греческой литературы. АН СССР. М., 1946. Т. 1. С. 253–254.

³⁷ Wilamowitz-Moellendorff U. v. Sappho und Simonides. Berlin, 1913. S. 177.

³⁸ Например, фрагмент 5 (4). Тут и далее мы придерживаемся нумерации по изданию: Anthologia lyrica Graeca / Ed. E. Diehl. Lipsiae; Teubneri, 1925.

До нас, к сожалению, дошли лишь незначительные фрагменты эпиникиев великого кеосца. И к тому же весьма немногих. Сохранились отдельные стихи из эпиникиев в честь Анаксила Регинского, Главка Каристийского, Астила Кротонского, два отрывка из од, адресованных неизвестным победителям в пятиборье и состязаниях конных четверок, и другие. По свидетельству Квинтилиана, Симонидом Кеосским был создан эпиникий и в честь полководца Леократа.³⁹

Можно предположить, что в эпиникиях Симонида, как и Пиндара, большое значение имели мифологические сюжеты.

Но, прежде всего, проследим, как определяет Симонид и какие требования предъявляет к носителям традиционных «доблести» и «мужества». В упомянутом уже фрагменте (fr. 5(4)) поэт говорит:

*Стать истинно доблестным мужем —
В равной мере быстрым и сильным,
И разумным, во всем безупречным —
Очень нелегкое дело.*⁴⁰

Идея гармонического совершенства, объединения высоких интеллектуальных и физических качеств у Симонида четко определяет «истинно доблестного мужа». В определенном смысле реалист, Симонид выдвигает этот тезис как идеал, понимая и даже подчеркивая, насколько трудно его достичь. Эти строки не содержат в себе каких-либо противоречий сравнительно с определением ἀρετή Стесихором, Ксенофаном или Архилохом.

Хвалебные песни в широком понимании назывались у греков энкомиями. «Удобным временем для восхваления, кроме конца пира, было празднование какого-либо успеха, который имело данное лицо, например победа на национальных играх или же, с другой стороны, похороны. Таким образом, энкомии распадалась на эпиникии, или победные песни, и на трэны, т. е. плачи на похоронах».⁴¹ В творчестве Симонида Кеосского мы находим обе разновидности энкомиев.

В трэнах Симонид развивал ту же мысль о трудоемкой почетности настоящей доблести, которая никому не дается даром. Доблесть достается заслуженной наградой

*Лишь тому, у кого
Пот от тяжких трудов проступает
И кто выкажет мужества больше других.*⁴²

³⁹ Quintilianus. Institutiones oratoriae, XI, 2, 14.

⁴⁰ Эпиникий в честь Креонта Фессалийского. Тут и далее перевод фрагментов мой. — Ю. Ш.

⁴¹ Семенов А. Ф. Греческий лирик Симонид Кеосский и сохранившиеся отрывки его поэзии. Нежин, 1912. С. 55.

⁴² Fr. 37(58). V. 5-7.

И тут поэт с Кеоса ни в чем не противоречит своим литературным предшественникам, в то же время предоставляя читателю возможность увидеть ἀρετή в новом аспекте, рассмотреть это понятие под иным углом зрения, нежели у остальных авторов.

В отрывке другого трэна⁴³ говорится про относительность вообще всего, что может добыть себе на земле человек силой мышц и разума. Не стоит, дескать, трагически воспринимать жизненные неудачи, в этом нет смысла, ибо

*Все неизменно приходит
К прорве — Харибде:
Доблести все и богатство.*⁴⁴

Эта мысль находится в определенном противоречии с двумя отрывками, что были приведены выше. Впрочем, очень трудно на основании фрагментов делать какие-либо безапелляционные обобщения.⁴⁵

И еще один отрывок из трэна,⁴⁶ который словно продолжает, повторяет и развивает мысль Симонида о том, что тщета земных радостей и забот очевидна:

*А неизбежная смерть одинаково всем угрожает,
Ибо тут равный удел ожидает и добрых, и злых.*

То ли автор хочет успокоить скорбящих, то ли он задает недвусмысленный вопрос: а стоит ли стремиться стать «совершенным в отношении рук, ног и ума»,⁴⁷ если всех ожидает одинаковый конец?!

Можно допустить, что не только разные жанры, но и необходимость писать на заказ были причиной настолько противоположных позиций одного и того же поэта.

Из мифологии Симонид позаимствовал для своих эпиникиев мотивы, касающиеся состязаний и физической доблести. Отсюда же часто пополнял он и арсенал художественных средств.

Так, например, тема Калидонской охоты нашла свое поэтическое воплощение у Гомера, Стесихора, в эпиникиях Пиндара и Вакхилида. Воспел подвиги Мелеагра и Симонид.

Благодаря Афинию⁴⁸ сохранился отрывок, в котором всесторонне прославляется сила юноши,

*...что копьем
всех победил в состязаньи,
Через бурный Анавр метнув из Иолка,
Дающего много вина.*

⁴³ Семенов А. Ф. в уже приведенной работе и Т. Берг считают, что это трэн на гибель Скопадов.

⁴⁴ Fr. 8(38). Сохранился у Стобея, 118, Д.

⁴⁵ Wilamowitz-Moellendorff U. v. Ibid. S. 150.

⁴⁶ Fr. 9(39). Сохранился у Плутарха.

⁴⁷ Fr. 5(4).

⁴⁸ IV, 172 E.

И многозначительно добавляет:

*Так пели людям Гомер и Стесихор.*⁴⁹

Ф. Шнейдевин⁵⁰ не сомневается, что это отрывок из эпиникия. Т. Бергк⁵¹ не высказывается столь категорически. А. Ф. Семенов пишет, что «упоминание метания копьа могло встретиться в любом стихотворении».⁵²

По мнению Шнейдевина, это мог быть эпиникий по случаю победы в пятиборье. Строй данного фрагмента, упоминание метания именно в заключительной части стихотворения дает нам основание склониться к мнению Ф. Шнейдевина.

Повторяем, трудно составить точное представление о мировоззрении автора, оперируя лишь отрывками из его произведений. Но, впрочем, многие фрагменты настолько выразительны, что имеют вполне самостоятельное значение. В определенном смысле они закончены (если иметь в виду содержание, а не форму).

В произведениях Симонида есть немало расхождений с поэтическими взглядами Пиндара. К возможностям человека кеосец относится с большим доверием, чем фиванец. Но и у него встречается мотив зависимости смертного от воли (а вернее — своеволия) бессмертных. Богу все достается легко, а человеку — ценою огромных страданий.⁵³

Во всяком случае, совершенно очевидно, что Симонид видел идеал свободного элина в полной гармонии тела и души. И отсутствие одного из этих двух компонентов никогда не может восполнить гипертрофия другого. В частности, поэт замечает:

*Ведь и мудрость прекрасная ни к чему,
Если здоровья всеми чтимого нет.*⁵⁴

* * *

Эпиграммы Сионида, посвященные атлетам, содержат немало фактического материала, ибо являются большей частью надписями на статуях победителей или эпитафиями.

Чаще всего они содержат сведения трех видов:

1) имя победителя и название его родины; 2) место и вид состязаний; 3) перечень всех предыдущих побед или их общее и конечное число (если это эпитафия).

Поэтическое совершенство и разнообразие средств, применяемых Симонидом, оживляет эту, казалось бы, сухую агонистиче-

⁴⁹ Fr. 32(53).

⁵⁰ Schneidewin F. G. Simonidis Cei carminum reliquiae. 1835. S. 44.

⁵¹ Fr. 53. Bergk Th. Ibid.

⁵² Семенов А. Ф. Указ. соч. С. 85.

⁵³ Например, fr. 10 (61).

⁵⁴ Fr. 56(70). Сохранился у Секста Эмпирика — Adversus mathematicos, 556.

скую статистику. Наиболее интересны в этом отношении эпитафия аргивянину Дандесу, эпиграммы в честь славного Милона Кротонского, мальчика Феогнета, коринфянина Николада, родосца Касмила, Филона с Керкиры, сына Филона Диофанта и критянина Алкона.

Разнообразны виды состязаний, победителей в которых воспевает Симонид: Дандес победил на скачках, Феогнет — борец, Филон, Касмил и Алкон — кулачные бойцы, Диофант и Николад — пятиборцы. Главная идея большинства из этих стихотворных посвящений — слава, которую приносит победитель своей родине. Эту заслугу, это достоинство атлета Симонид (как и Тиртей и Ксенофан) ставит во главу угла.

Вот эпитафия аргивянину Дандесу.⁵⁵ Еще до перечисления двадцати двух побед агониста на ипподромах Олимпии, Дельф, Истма и Немеи поэт говорит, что это тот самый атлет, который:

...славную родину конной победой прославил.

По свидетельству Диодора⁵⁶ и Евсевия,⁵⁷ Дандес победил на 77-й Олимпиаде в 486 году до н. э.

А. Семенов, Т. Бергк и Э. Майнеке⁵⁸ считают, что даже лишь пятнадцать побед, одержанных в Немее, — подозрительно большая цифра. Но эти сомнения беспочвенны. Мы уже писали об атлетах, которые завоевали награды значительно большее число раз.⁵⁹

Да и сам Симонид дает понять, что он упомянул далеко не обо всех блестящих выступлениях Дандеса:

А остальные победы нелегко перечислить.

Это многозначительное заключение свидетельствует: побед было очень много, но жанр эпиграммы требует лаконизма.

О Феогнете, мальчике-борце, которому Симонид также посвятил эпиграмму,⁶⁰ писали и Пиндар,⁶¹ и Павсаний.⁶² Однако Симонид сделал это, нам кажется, с наибольшей экспрессией.

Вернее всего, это была надпись на базе статуи:

*Вот он, смотри, Феогнет, победитель в Олимпии, мальчик,
Столь же прекрасный на вид, как и искусный в борьбе,
И на ристалищах ловко умеющий править конями.
Славою он увенчал город почтенных отцов.*⁶³

⁵⁵ Fr. 98(125). Cod. Palat., XIII, 14.

⁵⁶ XI, 53.

⁵⁷ P. 40.

⁵⁸ Philologus, 34. P. III.

⁵⁹ Павсаний. VI, II, 2.

⁶⁰ Fr. 149 (у Плануда № 2).

⁶¹ Pythia, VII, 35.

⁶² VI, XI, I.

⁶³ Перевод Л. Блуменау.

Ловкость, быстроту и прочие агонистические достоинства Симо-нид Кеосский отмечает наряду с красотой Феогнета, с явным удо-вольствием воспевая мальчика, высокое атлетическое искусство которого полностью гармонирует с его прекрасной внешностью. И снова венцом эпиграммы являются слова о прославлении отчиз-ны и родителей Феогнета. И это не являлось простой данью поэти-ческой традиции: прославление родного города на стадионах уже во времена Симонида имело не только патриотическое и спортив-ное, но и остро политическое значение (не говоря уж о многих бла-гах, даруемых победителю). Впрочем, об этих благах Симоид как раз пишет довольно охотно, перечисляя их порой столь же скрупу-лезно, как и места и виды состязаний.

В эпиграмме в честь побед коринфянина Николада,⁶⁴ которая является посвятельной надписью на статуе⁶⁵ (этим объясняется сравнительная растянутость стихотворения), не только подробно перечисляются успехи пятиборца на состязаниях в Дельфах, на Панафинейях, на Истме, в Немее, Пеллене, Эгине, в Фивах и во Фли-унте, но не забыты и амфоры с весьма приятным содержимым, по-лученные в награду.⁶⁶

Все остальные из дошедших до нас эпиграмм агонистического характера по форме и содержанию полностью соответствуют тре-бованиям жанра: они максимально лаконичны. Вот образец та-кой эпиграммы-характеристики, где есть все сведения о победи-теле:

*Я сказал, кто ты сам, чей ты сын,
где родился и в чем победил:
Сын Эвагора Касмил, бой кулачный,
в Дельфах, сам — родосец.⁶⁷*

Кроме своей художественной ценности, стихотворения Симо-нида Кеосского обладают еще одним большим преимуществом: в ми-нимум слов уложен максимум информации.

Величественным лаконизмом отличается надпись на статуе Ми-лона Кротонского:⁶⁸

*Милона славного это прекрасная статуя; в Писе
Семь одержал он побед и поражений не знал.⁶⁹*

⁶⁴ № 155. Cod. Palat., XIII, 19.

⁶⁵ Hauvett A. De l'authenticité des épigrammes de Simonide. Paris, 1897. P. 13.

⁶⁶ Например, на Панафинейских, а иногда и на Истмийских играх.

⁶⁷ Fr. 154(149).

⁶⁸ Fr. 153(156).

⁶⁹ Перевод Ю. Шульца.

Правда, Ф. Буа и другие исследователи приписывают эту эпи-грамму Антипатру Сидонскому,⁷⁰ но главные сомнения вызывает другое: почему семь раз, когда известно, что Милон побеждал в Олимпии лишь шесть раз?!⁷¹

Возможно, седьмой победой Симоид считает победу над обще-ственным мнением, которое долгое время было не на стороне знаме-нитого атлета (по причине его весьма сложного характера), и лишь в последний раз античные «болельщики» единодушно приветство-вали Милона.

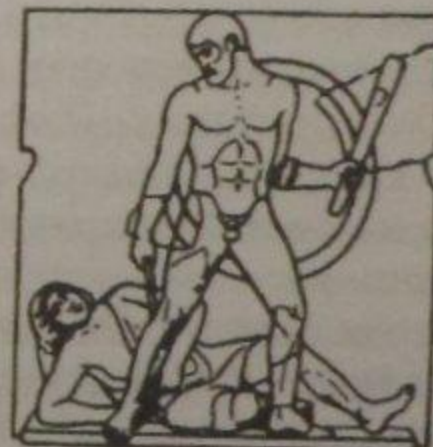
* * *

В эпиникиях и эпиграммах Симоида Кеосского преимуществен-но воспевалось гармоническое соединение физического и интеллек-туального совершенства, выраженное через личность атлета.

Поэтому, по сравнению с творчеством предшественников, стихи Симоида Кеосского очень индивидуализированы и конкретны.

Необходимость писать на заказ не мешала поэту выражать свое мнение относительно обязанностей гражданина и атлета.

Безусловно, в свое время эти стихи имели не только литератур-ный, но и общественный, политический резонанс.

⁷⁰ Anthologia lyrica Graeca. Ed. E. Diehl. Vol. II. P. IV.

⁷¹ Павсаний. VI, 14, 2.

Глава V

СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ В ЭПИНИКИЯХ ПИНДАРА

Пиндар — певец олимпийцев и знаменитых атлетов — был центральной и самой значительной фигурой среди поэтов, создававших эпиникии.

Если Симонид Кеосский более известен как непревзойденный мастер эпиграммы, то четыре книги эпиникиев Пиндара красноречиво определяют главный (хотя и не единственный) поэтический жанр фиванца.

Победные песни Симонида античные исследователи классифицировали по видам состязаний. Оды Пиндара были распределены по четырем книгам в зависимости от места игр. Сделали это александрийские ученые и, в частности, Аристофан Византийский.¹

Так родились книги Олимпийских, Пифийских, Истмийских и Немейских од. Никакой хронологической последовательности соблюдено тут не было, что мешает нам правильно судить о развитии поэтического таланта Пиндара.

Хронологическую систематизацию эпиникиев Пиндара проводили уже в наше время А. Бек,² Г. Германн,³ Л. Шмидт,⁴ Ф. Буа,⁵ О. Шредер,⁶ А. Турын⁷ и другие.

Из русских ученых эту задачу одним из первых взял на себя поэт В. Майков, с необычайной серьезностью и тактом исследовавший

¹ *Siöström Ax. Olympiorum ex Pindaro adumbratio. Helsingfor, 1832; Иноземцев А. Д. Пиндар и его эпиникии // Журнал Министерства народного просвещения. 1887. № 5; Schröder O. Pindari Carmina. Lipsiae, 1900.*

² *Boeckh A. Pindari opera. 1-2. Lipsiae, 1811.*

³ *Hermannus G. Opuscula. Vol. VI. Lipsiae, 1835.*

⁴ *Schmidt L. Pindars Leben und Dichtung. 1862.*

⁵ *Bois F. Poeta athletorum. 1871.*

⁶ *Schröder O. Указ. соч.*

⁷ *Turyn A. De codicibus Pindaricis. Cracoviae, 1932.*

и переводивший эпиникии.⁸ Его достойным современным последователем стал М. Гаспаров.⁹

Путем исторических выкладок и сопоставлений В. Майков не только определил хронологическую последовательность создания некоторых эпиникиев, но и предложил другой порядок их систематизации.

Если Й. Гартунг, тоже считавший систематизацию александрийцев неудачной, предлагал распределять оды по государствам, к которым принадлежали воспеваемые победители,¹⁰ то В. Майков в свое время предложил: «...мы распределим оды по лицам, которым они посвящены. Что же касается од единичных, т. е. не имеющих других, посвященных тому же лицу, то мы будем сообразовываться или с их одинаковым происхождением, из одного города, или (если это невозможно) — с их внутренним значением и помещать их в порядке их характерности или важности для усвоения творческой оригинальности Пиндара».¹¹

К сожалению, В. Майкову не удалось завершить своей работы...

До сих пор из 45 более или менее сохранившихся эпиникиев Пиндара — для девяти дата создания не установлена или определена приблизительно.

АРИСТОКРАТИЗМ ЭПИНИКИЕВ

Свои победные песни поэт писал преимущественно по заказу общин, городов и частных лиц. Поэтому не стоит искать тут элементов критического свободомыслия, хотя «часто он вплетал в лавры и терновые шипы, язвившие чело победителя».¹²

Фрагментарность некоторых эпиникиев Пиндара не мешает увидеть в них четкую «видовую» тенденцию.

Все его сановитые заказчики были людьми не только весьма зажиточными, но и преимущественно благородного происхождения (начиная от тирана Гиерона Сиракузского и кончая мальчиком Фегнетом). Естественно поэтому, что львиная доля эпиникиев (19 из 45) посвящена победителям в конных состязаниях (Olympia I, II, III, IV, V, VI, XII; Pythia I, II, III, IV, V, VI, VII; Nemea I, IX; Isthmia I, II, III), самом аристократическом виде агонистики эллинов.¹³

⁸ *Майков В. Четыре эпиникия Пиндара в честь Гиерона Сиракузского и Этнейского // Журнал Министерства народного просвещения. 1892. № 8-10; 1893. № 1, 4, 11, 12; 1896. № 6; 1898. № 5.*

⁹ См.: *Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты / Издание подготовил М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1980.*

¹⁰ *Hartung I. A. Pindars Werke. Leipzig, 1855.*

¹¹ *Майков В. Указ. соч. С. 84.*

¹² *История греческой литературы. Т. I. М.: АН СССР, 1946. С. 263.*

¹³ *Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Алкивиад, XI; Аристофан. Облака. С. 60-80.*

Богатые владельцы многочисленных конных упряжек и колесниц имели возможность щедро одарить поэта.

На втором месте по количеству посвященных од — панкратиады, которые удостоились семи эпиникиев (Nemea, II, III, V; Isthmia, IV, V, VII, VIII). По шесть эпиникиев посвящено бегунам (Olympia, XII, XIV; Pythia, IX, X, XI; Nemea, VIII) и борцам (Olympia, VIII, IX; Pythia, VIII; Nemea, IV, VI, X). Кулачные бойцы награждены лишь тремя победными песнями и еще сохранился один небольшой фрагмент (Olympia, VII, X, XI и fr. 2, 3 (26)), пятиборцы — лишь двумя (Olympia, XIII; Nemea, VII). Оставшиеся два эпиникия не имеют прямого отношения к спортивной агонистике.

Несомненно, что хотя Пиндар и писал по заказу, но он никогда не был ремесленником пера. Его вдохновенные произведения в большинстве своем глубоко моральны и религиозны. Поэт верил в свое предназначение быть певцом представителей древних аристократических родов, их прежних и новых подвигов и доблести.¹⁴ Тенденциозный аристократизм Пиндаровых эпиникиев выражается в том, что поэтом воспеваются лишь элита греческого общества, которая в VI-V веках еще преобладала на стадионах Эллады.

В отличие от Тиртея, Архилоха и Ксенофана, а в определенной мере даже и от Симонида, — Пиндар сознательно заостряет внимание читателей (или слушателей) на том, что стих его адресуется высшим слоям общества. Это преимущественно дорийская знать и тираны Сицилии. Так же сознательно поэт бесконечно усложняет каждый эпиникий, оснащая его генеалогическими и мифологическими деталями.

Иными словами, Пиндар даже в состоянии творческого транса весьма продуманно систематизирует, отбирает и, наконец, организует свой поэтический арсенал сообразно с конкретной величальной задачей.¹⁵

Что же касается метрической сложности его стиха, то, лишь отменив ее, мы не будем анализировать данную особенность победных од Пиндара, так как не это является предметом нашей работы.

Определяя адрес своих эпиникиев, Пиндар говорит:

*В колчане у меня под рукой много
Быстрых стрел, разумно звучащих.
Но простонародью их надо объяснять.
Мудрый же много знает от природы.*

Olympia. 2 (с. 83-86)

¹⁴ Turgul A. Pindar // Wiedza i Zycie. 1934. № 4. S. 636.

¹⁵ Гринбаум Н. С. Язык древнегреческой хоровой лирики (Пиндар). Кишинев, 1973. С. 25.

Действительно, простой народ не мог претендовать на полное понимание Пиндаровых стихов. Впрочем, многое в них еще в античные времена было уже непонятно даже для ученых.

Процесс развития агонистики в социальном аспекте очень сложен. Постепенно менялись взгляды общества на роль агонистов, изменялись и функции тех, кто эти агонии воспевал. И вот, писавший за плату Пиндар ясно дает понять: труд «на заказчика» не всегда мил ему. Правда, говорит об этом он лишь один раз. В эпиникии в честь Ксенократа Акрагантского (Isthmia II) фиванец с завистью вспоминает то время, когда певец был свободен в выборе темы, обладал независимостью и мог позволить себе творить не из корысти:

*Ибо тогда Муза не была корыстолюбивой,
Не была содержанкой и еще не торговала
Сладкими, медоточивыми, посребренными
И сладкоголосыми песнями Терпсихоры.*

(С. 6-8)

Впрочем, о продажности в низменном смысле этого слова тут, разумеется, не может быть и речи. При всех обстоятельствах Пиндара в первую очередь увлекал и поглощал сам процесс поэтического творчества. Выполняя очередной заказ афинян или сиракузян, он отдавал этому столько душевных и даже физических сил, словно сам был родом из Афин или Сиракуз. Вернее всего, он ощущал и воспринимал Элладу единой, а не разобщенной, раздробленной на множество полисов (которые к тому же нередко враждовали между собой).

В этом смысле очень показателен следующий эпизод. Однажды афиняне заказали Пиндару дифирамб. Поэтическое воплощение этого заказа оказалось столь мощным и великолепным, что соотечественники-фиванцы обвинили поэта чуть ли не в государственной измене и подвергли солидному штрафу.

Однако сограждане безосновательно разгневались на поэта. Как очень верно пишет М. Л. Гаспаров, «Пиндар не видел противоречий между городами в Греции и между партиями в городах — победа афинского атлета или победа эгинского атлета говорила ему одно и то же: «побеждает лучший»». ¹⁶ И самое важное то, что этот лучший эллин. А из какой точки Эллады пришел он на игры — для поэта значения не имело.

ПОБЕДИТЕЛЬ, ОБЩЕСТВО, СЕМЬЯ

Построение эпиникия диктовалось вполне определенными традициями и традициями. Неотъемлемыми составными частями победной оды были «местные и личные элементы, касающиеся победи-

¹⁶ Гаспаров М. Л. Поэзия Пиндара // Пиндар. Вакхилид. М.: Наука, 1980. С. 379.

теля, прославление его рода, предков, общины, указание на место и характер состязания, где была одержана победа. Столь же постоянной частью являются мифы и наставительные размышления».¹⁷

В каждом эпиникии Пиндар в первую очередь воздает хвалу непосредственно победителю, своему адресату. Делается это в духе единой традиции, но каждый раз своеобразно. Литературные приемы повторяются редко.

В III Олимпийской оде, посвященной победе Ферона Акрагантского в состязании колесниц, поэт путем пышных сравнений так возвеличивает атлета:

*Если среди стихий первая вода,
Среди ценностей же самое почитаемое золото,
То сегодня Ферон,
Благодаря своей доблести, достигшей апогея,
Касается Геракловых столбов.*

(С. 42-44)

Победитель добывает славу не только себе, но и своему городу, и своему отцу, и всему своему роду. Это весьма значительный социальный и этический момент, который древние нередко ставили во главу угла.

Псавмид Камаринский не раз побеждал в конных состязаниях (ему посвящены IV и V Олимпийские оды). В пятой оде, обращаясь к отечеству победителя — Камарину, Пиндар восклицает:

*Конями, мулами и скачкой
На одном коне
Большую славу тебе доставил
Победами и провозгласил отца своего Акрона
И новопостроенное жилище.*

(С. 7-9)

Тот же прием возвеличения города через личность победителя находим и во многих других эпиникиях: XII Олимпийский — посвященный Эрготелу Гимерскому, XIV Олимпийский — посвященный Асопиху Орхоменскому, II Пифийский — посвященный Гиерону Сиракузскому, IX Пифийский — посвященный Телесикрату Киренейскому, и другие.

Не только доброй традицией, но и весьма желательным элементом хорошего тона считалась в аристократической семье агонистическая преемственность от отцов к сыновьям. Знаменитая спортивная наследственность никогда не ускользала от внимания зрителей и, разумеется, поэтов. Победитель-сын и победитель-отец в прямом смысле и переносном взаимно вплетали все новые листья в венок семейной славы.

¹⁷ Тронский И. М. История античной литературы. Л., 1957. С. 93.

В лукиановском диалоге «Харон или наблюдатели» Аполлон с явным удовольствием указывает Харону на отца, счастливого своим сыном-атлетом, победителем на Олимпийских играх.¹⁸

Больше всего сведений о «семейных победах» находим у Павсания. Вот что он рассказывает, например, о лакедемоняине Гетоймокле: «Самим Гетоймоклом и его отцом Гиппосфеном были одержаны победы в борьбе на Олимпийских играх; в общей сложности они одержали одиннадцать побед, причем Гиппосфену удалось одержать на одну победу больше сына и тем превзойти его».¹⁹

Бывало, что цепочка агонистических побед протягивалась и дальше: от деда к внукам, от прадеда к правнукам.

Наиболее знамениты в этом смысле, пожалуй, родосские атлеты семейства Диагоридов. Павсаний упоминает о многочисленных статуях, поставленных в Олимпии представителям этого атлетического рода. Как правило, Диагориды были кулачные бойцы и панкратиасты.

Впрочем, иногда представители одного и того же рода нарушали «видовую» наследственность и выступали в разных агонах.

Сам Диагор неоднократно побеждал в кулачном бою. Его сын Дорией, самый младший из Диагоридов, выступавших на стадионе, победил в панкратии. Удостоены были олимпийских венков брат и сыновья Диагора — Акусилай, Дамант, Сосий. Наконец, не посрамили своего рода и внуки знаменитого атлета: также удостоились высшей награды в Олимпии Эвкл и Пейседор.²⁰ С именами Пейседора и его матери Каллипатеры (Ференики) связана известная легенда о женщине, проникшей на Олимпийский стадион, чтобы своими глазами видеть победу сына.²¹

Вообще Родос дал эллинскому миру много атлетов и, в частности, хороших кулачных бойцов, панкратиастов и прыгунов.

В той же VI книге «Описания Эллады» читаем: «Лакедемонянин Александр был первым провозглашен победителем в состязании колесниц, а надпись на его статуе гласит, что его дед по отцу еще раньше был увенчан венком за победу в пентатле».²² Нередко отец и сын добывали победу на одних и тех же состязаниях в один и тот же день.

По выкладкам, которые предлагает Э. Берзин, например, в греческих колониях Северного Причерноморья, между выступавшими одновременно отцом и сыном возрастная разница составляла в среднем 26 лет.²³ И это еще одно прекрасное доказательство спортивного долголетия эллинов.

¹⁸ Лукиан. Харон, или Наблюдатели, 17.

¹⁹ Павсаний. III, 13, 7.

²⁰ Там же. VI, 7, 1.

²¹ Там же.

²² Там же. VI, 1, 2.

²³ Берзин Э. О. Горгиппийский агонистический каталог // Советская археология. 1961. № 1.

Тема семейных побед широко распространена в одах Пиндара. Воспевая победу Мелисса Фиванского в панкратии и в конном ристании (Isthmia, III), поэт подчеркивает, что

*Прирожденной доблести предков
Он не посрамляет.*

(С. 13-14)

Этот же мотив присутствует в IV Истмийской оде (посвященной также победе Мелисса в панкратии), в VI, VII и VIII Истмийских одах, соответственно посвященных панкратиастам Филакиду Эгинскому, Стрепсиаду Фиванскому и Клеандру Эгинскому.

Отмечая одой победу отрока-борца Алкимиды Эгинского (Nemea, VI), Пиндар вспоминает об агонистических подвигах его деда Праксидаманта — многократного победителя в Олимпии, пятикратного на Истме и троекратного в Немее (Nemea, VI, v. 15-22).

Весьма пространная VII Олимпийская ода посвящена уже упомянутому родосцу Диагору и его отцу Дамагету, который в свое время также отличился победами на Пифийских и Истмийских играх. Пиндар говорит, что

*Хочу воспеть огромного мужа,
Увенчанного при Алфее и Касталии
За победу в кулачном бою,
И отца его Дамагета,
Любезного правосудию...*

(С. 15-19)

Прославляя в XIII Олимпийской оде Ксенофонта Коринфского, одержавшего победу в конном ристании и пятиборье, Пиндар опять отталкивается от атлетической преемственности (отец победителя Фессал и дед Птеодор тоже в свое время были увенчаны в Олимпии):

*Трижды победный в Олимпии
Любезный гражданам дом воспевая...*

(С. 1-2)

Эта же тема звучит и в VI Пифийской оде, посвященной Ксенократу Акрагантскому (победил в состязании колесниц) и в XI Пифийской оде, посвященной мальчику-бегуну Фрасидею из Фив.

Наиболее концентрированную форму идея семейных агонистических традиций приняла в X Пифийской оде. Посвящая ее фессалийцу Гиппоклу, Пиндар восклицает:

*Счастливы и достойны похвалы мудрецов
тот муж, который,
доблестью рук или ног одержав победу,
величайшие из наград заслужит
отвагой и мощью;
и еще при жизни своей увидит юного сына,
который и сам завоюет
Пифийский венок.*

(С. 21-25)

'Αρετή У ПИНДАРА

Итак, место юноши и мужчины — на играх. Там их ждут не только персональные награды: на стадионе они могут прославить своих соотечественников, свою отчизну и, наконец, свой род.

Эти деяния рассматривались как составные элементы калокагатии, причем не абстрактной, а вполне конкретной: «В греческой литературе мы имеем гениального певца общественно-демонстративной калокагатии. Это Пиндар».²⁴

Кстати, у Пиндара мы находим и перечень различных наград победителям: олимпийский венок из ветвей маслины (Olympia, XI), истмийские венки из ветвей сосны, сельдерея, петрушки (Olympia, XIII), шерстяной плащ, которым награждались победители на Гермиях в Пеллене (Olympia, IX), и другие.

Сам факт победы отнюдь не обязательно занимает центральное место в эпиникиях Пиндара. Поэт чаще всего вообще не описывает состязаний. А победа служит лишь поводом для раскрытия элементов 'αρετή. Носителем же доблести всегда, естественно, являлся победитель.²⁵

Почетное место принадлежит у Пиндара аристократической (а еще лучше — божественной) родословной. Все это подчинено идее: 'αρετή не персональная особенность характера, воспитанная атлетом путем долгих тренировок. Нет, 'αρετή — божественный дар и передается по наследству от предков к потомкам, она неизменна и вечна.

Но тенденциозный аристократизм од Пиндара не должен заслонять того полезного и рационального, что свойственно произведениям классика торжественной хоровой древнегреческой лирики.

Вот что пишет по этому поводу проф. И. М. Тронский: «Идеал "доблести", провозвестником которой был Пиндар, имел большое культурное значение, несмотря на свой аристократически ограниченный характер. В "доблести" Пиндара нераздельно слиты атлетика и этика, физические и душевные качества... Это тот же гармонический идеал, который мы находим воплощенным в произведениях греческого изобразительного искусства».²⁶

Разумеется, в некоторых эпиникиях (о них речь пойдет ниже) есть и отступления от этого принципа. Однако частности и случайные обстоятельства в поэтическом творчестве никогда не делают погоду.

Итак, у Пиндара состязания — демонстрация силы и доблести не только конкретного атлета, но и всего его рода. Успех тут всегда

²⁴ Лосев А. Ф. Классическая калокагатия и ее типы // Вопросы эстетики. 1960. № 3. С. 419.

²⁵ Иноземцев А. Д. Указ. соч. С. 212; Schröder O. Ibid. S. 58.

²⁶ Тронский И. М. Указ. соч. С. 94.

зависит от благосклонности богов, которая распространяется лишь на избранных.²⁷

В VIII Олимпийской оде, посвященной юноше-борцу Алкимедонту (победившему на 80-й Олимпиаде), упоминается и его брат Тимосфен, отличившийся на Немеях. Тут читаем:

*...много есть к счастью путей по воле богов.
Вам же, Тимосфен, счастье дано
Зевсом чадородным:
Тебя прославил он в Немее,
Алкимедонта же сделал
Олимпийским победителем у холма Крона.*

(С. 14-18)

Тезис «врожденной доблести» часто встречается у Пиндара. Однако (умышленно или случайно — судить трудно) поэт расшифровывает и объясняет эту «врожденность» уже упомянутыми выше семейными традициями. Например, в X Пифийской оде (мы уже на нее ссылались), рассказывая о победе Гиппоника Фессалийского, Пиндар замечает:

*...врожденная доблесть
повела его по стопам отца,
двукратно одержавшего в Олимпии
победу в боевых доспехах Арея.*

(С. 12-14)

Итак, боги богами, но и атлетическую наследственность поэт тоже не в силах сбросить со счетов. Поэтому стих

Доблестные же и мудрые мужи бывают от бога

(С. 27-29)

уже не воспринимается так категорически, как мог бы восприниматься, будь он изолирован или самостоятелен вообще.

По этому поводу М. Л. Гаспаров в уже названной работе пишет: «Греческие состязания должны были выявить не того, кто лучше всех в данном спортивном искусстве, а того, кто лучше всех вообще, того, кто осенен божественной милостью. Спортивная победа — лишь одно из возможных проявлений этой божественной милости, спортивные состязания — лишь испытания, проверка обладания этой божественной милостью».²⁸

В этих словах ученого много справедливого и даже бесспорного. Однако полностью согласиться с М. Л. Гаспаровым мы все же не можем. Ибо если допустить, что победа античного атлета на стадионе расценивалась греками лишь как проявление вышеназванной милости небожителей (и полностью от милости этой зависела), то

²⁷ Тигун А. Указ. соч. С. 636.

²⁸ Гаспаров М. Л. Указ. соч. С. 362.

для чего же, собственно говоря, надо было изнурять себя ежедневными тренировками, скрупулезно осваивать систему сложнейших упражнений и соблюдать далеко не всегда приятный спортивный режим?!

Думается все же, что, воздавая должное богам, эллинские олимпийники действовали по принципу, выраженному много веков спустя русской пословицей: «На Бога надейся, а сам не плошай».

Тем более что культовая и поэтическая стороны в творчестве Пиндара отнюдь не были тождественны друг другу (при всей несомненной религиозности автора эпиникиев). Более того, поэтическая сторона неизменно преобладала.

Тут нам кажется уместным привести следующее высказывание Роберта Веймана: «Гимны Гомера и оды Пиндара обладали еще, правда, некоторой культовой функцией (в них восхвалялись боги), но поэтическое выполнение этой функции уже предполагало наличие живой образной, художественной фантазии. Следовательно, между культово-магическим ритуалом и возникновением искусства существовали значимые промежуточные звенья, происходили социально-эстетические процессы, в ходе которых культовое действо сублимировалось коллективной фантазией и, одновременно, оба эти элемента сливались в индивидуальном художественном творчестве».²⁹

Следующий элемент *ἀρετή* Пиндара — честность и прямота. Это — лучший метод достижения желаемого. Лучший, хотя, разумеется, не самый легкий:

Чтущие добродетели явным путем идут.

(Olympia. VI, с. 72-73)

Аристократический характер творчества Пиндара делал его поэзию узко ограниченной. Однако сила эпиникиев часто заключается в противоречивости высказываемых поэтом взглядов. Не всегда «явный путь» воспевается Пиндаром. В частности, превознося победы Гиерона и Феронта — сиракузских тиранов — Пиндар не скрывает, что они часто добывали победу в Олимпии и Дельфах умением своих возниц. Впрочем, это неэтично лишь с современной точки зрения. Как уже упоминалось, такое явление было вполне узаконенным и обычным для той эпохи. Прямое указание на это находим, например, во II Пифийской оде (с. 10-12).

Поэтому трудно согласиться полностью с А. Ф. Лосевым, который пишет: «Тем не менее оды эти не содержали никакой лести. Они воспевают фактических, а не фиктивных (подчеркнуто нами. — Ю. Ш.) победителей, а любовь к играм и наградам была у греков общенародным чувством».³⁰

²⁹ Вейман Р. История литературы и мифология. М., 1975. С. 28.

³⁰ Лосев А. Ф., Сонкина Г. А., Тахо-Годи А. А., Тимофеева Н. А., Черемухина Н. М. Античная литература. М., 1963. С. 63.

К сожалению, слишком часто на эллинских стадионах венки доставались не вознице, правящему конями, а хозяину упряжки, который во время состязаний находился среди зрителей.³¹ Таким же образом одерживали победы в Олимпии и Дельфах сиракузские тираны.

И в то же время, несомненно, что искренние симпатии автора принадлежали тем, кто победу на стадионах добывал самолично.

Когда Геродот Фиванский победил колесницей на Истмийских играх, то Пиндар в I Истмийской оде так восхвалял его:

*Ныне хвалу Геродоту с его
колесницей четвероконной сложу.
Он не доверил узды своей
Чуждой руке — и за то
Я влету ему похвалу
С Иолаем и Кастором
В гимн хвалебный.*³²

(С. 14–16)

Ссылка на Иолая и Кастора символична: ведь они всегда правили лошадьми собственноручно.

О группе эпиникиев, посвященных Гиерону Сиракузскому (Olympia, I; Pythia, I, II, III), В. Майков писал: «...В одах этих характеризуется как талант Пиндара, так и его независимое отношение к сильным мира сего...»³³

Действительно, прославление и восхваление у поэта никогда не переходит в заискивание. Чувство собственного достоинства Пиндар не терял ни при каких обстоятельствах, хотя и не стал советником и учителем тиранов, как Симонид Кеосский (по крайней мере, данных об этом у нас нет).

Тем не менее социальная приверженность певца эллинской аристократии вполне определена. В уже упомянутой нами монографии А. И. Доватура об Аристотеле читаем: «Если начать с высказываний о добродетели (ἀρετή) как свойстве, присущем тем, чье главенство в государстве гарантирует последнему счастливую жизнь, то нетрудно обнаружить связь этих высказываний с классовой позицией...»³⁴ Это мнение полностью приложимо и к творчеству Пиндара.

Победа на состязании — обязательная составная часть ἀρετή — часто ассоциируется и даже отождествляется у Пиндара с понятием счастья. На стадионах, где

*...состязаются скорость ног
и крепость сил*

³¹ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Алкивиад, XI.

³² Перевод М. Е. Грабарь-Пассек.

³³ Майков В. Указ. соч. С. 84.

³⁴ Доватур А. И. Политика и Политии Аристотеля. М.; Л., 1965. С. 38.

*на подвиги идущих,
добиться победы нелегко.*

Это доступно лишь самым достойным. Но зато в итоге:

*Победитель
в награду за подвиги
остальную жизнь проводит
в сладостном благоденствии.*

(Olympia. I, с. 95–99)

И далее:

*Для смертного наивысшее счастье то,
Которым он может
наслаждаться всегда.*

(С. 99–100)

Вспомнив о тех почестях, которые воздавались олимпионикам и вообще лучшим атлетам, можно поверить, что счастье, воспеваемое Пиндаром, было в определенной мере реальным.

Несмотря на социально узкую трактовку доблести, поэт признает: всякое достижение ценно лишь в том случае, если связано с преодолением препятствий. Победа и слава будут полными только тогда, когда их добудешь в трудном поединке. И это также определяет Пиндарову ἀρετή.

В VI Олимпийском эпиникии поэт говорит на этот счет вполне определенно:

*Доблести, не сопряженные с опасностями,
Не ценятся ни на суше состязающимися,
Ни на стремительных кораблях.*

(С. 9–11)

В этом смысле, если говорить о тезисе трудности победы, Пиндар перекликается и с Симонидом, и с иными своими предшественниками. Та же мысль: победа редко достается без труда и именно труд — ее лучшее украшение — высказана в X Олимпийском (с. 22–23) и в других эпиникиях.

Но наряду с этим «доблесть многих аристократов была очень и очень относительной: многие фактически воспевались за то, что обладали лучшими конюшнями и имели самых породистых лошадей...»³⁵

Воспеваётся Пиндаром и душевная щедрость победителя (Isthmia, I, С. 60–69), и его скромность (Olympia. VI, с. 73 и сл.) — один из существенных компонентов ἀρετή.

Тезис о всестороннем развитии атлета как наиболее желательном варианте четко высказан в V Пифийском эпиникии, посвященном победе Аркесилая Киренейского на состязании колесниц.

³⁵ Борухович В. Г. История древнегреческой литературы. М., 1962. С. 97.

Правда, сначала поэт говорит о профессиональном мастерстве спортсмена: во-первых, Аркесилай сам и отлично правил лошадьми (с. 46–47), а во-вторых — он один из немногих, кто сохранил свою колесницу невредимой среди четырнадцати (!) опрокинувшихся (с. 48–53). И тот факт, что Аркесилаю посвящены две оды (Pythia, IV и V), вероятно, не случаен.

Главная похвала содержится в последней части оды. Пиндар превозносит Аркесилая за «ум, что превосходит возраст», за «красоту речи», «крепость сил» и, наконец, снова за то, что он «искусный правитель колесницы» (с. 106–115).

Этот букет доблестей настолько значителен и привлекателен, что, случись возможность сказать подобное о прочих победителях, вряд ли поэт упустил бы ее. Итак, гармоническое сочетание физической мощи с интеллектом — прекрасная база для *ἀρετή*.

Жизнь полиса немислима без воинской доблести.³⁶ Однако в эпиникиях Пиндара эта сторона *ἀρετή* остается в тени (если не считать мифологических сюжетов).

Наконец, богатство материальное в полисе, несомненно, значит много, но калокагатия весьма ценит и духовное богатство. Вот из каких элементов складывается понятие *ἀρετή* на материале эпиникиев Пиндара.

ЭТИЧЕСКИЙ КОДЕКС АТЛЕТОВ

Рядом с категорией агонистической доблести (переплетаясь и перекликаясь с ней) у Пиндара возникает цепочка этических норм, своеобразный кодекс чести атлета и олимпионика.

Этот кодекс своеобразен, и он отнюдь не идентичен Олимпийскому уставу Ликурга Ифита.³⁷ Но и противоречий между ними тоже нет. Просто «этический кодекс» Пиндара и Олимпийский устав успешно дополняют друг друга.

Какие же этические положения содержат эпиникии?

Первое. Почетна и желанна лишь многотрудная победа. То, что досталось случайно или в легкой борьбе, не приносит морального удовлетворения ни атлету (настоящему атлету!), ни зрителям. В VII–VI веках до н. э. профессионализм на эллинских стадионах еще не достиг апогея. Именно «эту вершину любительской агонистики прославил и увековечил Пиндар».³⁸ Хотя жестокость кулачных поединков и взаимная безжалостность панкратиастов и в те времена не являлись исключением,³⁹ однако боролись тогда не изошренные

³⁶ Arist., *Politia*. III, 7, 6. 1283a. sqq. 19.

³⁷ Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Ч. II. С. 122 и далее. СПб., 1889.

³⁸ Curtius E. *Olympia*. Berlin, 1935. S. 61.

³⁹ Павсаний. VI, 4, 4; VIII, 41, 1; и др.

профессионалы, а преимущественно любители, находящиеся в относительно одинаковых условиях. И если ты становился *primus inter pares*,⁴⁰ то это было особенно почетно.

Наиболее четко и в то же время лаконично эта мысль высказана в X Олимпийском эпиникии, где воспевается победа в кулачном бою мальчика Агесиды (ему же посвящена и XI Олимпийская ода):

*Легкая победа немногим досталась,
Труд — лучшее украшение жизни.*

(С. 21–22)

Сходная мысль: «доблести, чуждые опасностям, не почитаются», звучит в VI Олимпийском эпиникии (с. 9–11).

Обращаясь к ахарнянину Тимодему, ставшему победителем в панкратии на Немейских играх (а до этого уже одержавшему ряд побед на других состязаниях), Пиндар восклицает:

*Тебя же, о Тимодем,
славным делает
многотрудная победа в панкратии.*

(Nemea. II, с. 14–15)

И даже благородное происхождение и расположение небожителей не приносит такой славы, как победа, добытая в тяжком и честном поединке.

Второй этический тезис: атлет всегда должен помнить, благодаря чьим наставлениям он стал победителем. Слова благодарности, обращенные к тренеру, встречаются во многих Пиндаровых эпиникиях. Это, так сказать, элемент хорошего тона, обязательный для атлета. В уже упоминавшейся X Олимпийской оде, посвященной Агесиде Локрийскому, с самого начала поэт высказывает пожелание, чтобы победитель выразил признательность своему тренеру Илу — «мужу-наставнику»:

*Агесидам же,
Победив бойцов в Олимпии,
Да возблагодарит Ила,
Как Ахилла Патрокл.
Муж, наставляющий рожденного к доблести,
С божьей помощью
Возвышает его к славе безмерной.*

(С. 16–21)

Два эпиникия (Olympia, VIII и Nemea, VI) посвящены мальчику-борцу Алкимеду Эгинскому. В обеих одах есть слова похвалы и благодарности, обращенные к Мелесию — тренеру Алкимеда, бывшему в свое время прекрасным атлетом. В молодые годы неоднократно побеждая на стадионах и получив немало наград, Мелесий теперь удостоен высшей награды — победы своего ученика:

⁴⁰ Первый среди равных (лат.).

Ныне ж награда ему
Сам Алкимедон,
Одержавший тридцатую победу.

(Olympia, VIII, с. 65–66)

Тема преемственности атлетического мастерства легко обнаруживается (как мы уже видели выше) во многих эпиникиях: брат, отец или даже дед передают агонистические навыки младшему наследнику. Теперь же речь идет о тренере и ученике. Собственно, VIII Олимпийский эпиникий в равной мере адресован и атлету, и его учителю. Похвалой Мелесию заканчивается и VI Немейский эпиникий (с. 60–65). Этот же мотив благодарности тренеру встречаем и в IV Истмийском эпиникии (с. 90).

Третий этический тезис: жестокость схваток нигде не осуждается Пиндаром (хотя ею, как мы знаем из других источников, иногда грешили адресаты поэта). Это считалось в порядке вещей, тем более что не в интересах Пиндара было заострять внимание аудитории на отрицательных моментах агонев. Такое условие диктовал сам жанр эпиникия.

Четвертый этический тезис — гармония физической силы и добродетели. Это положение соответствует уже рассмотренному выше сочетанию силы физической и интеллектуальной.

В V Истмийской оде Пиндар воспевает Пифея — старшего брата и тренера Филакида с Эгины:

С искусными руками
и таким же умом.

(С. 60)

А в VII Истмийской оде подобная похвала принимает уже несколько более специфические очертания: эпиникий посвящен панкратиасту Стрепсиаду из Фив. Боец описан как могучий великан, но одновременно он и красавец. А главное —

Его добродетель
не ниже телесной красоты.

(С. 22)

Итак, здесь атлетические достоинства и красота рассматриваются как составные части ἀρετή.

Город Эгину прославляет Пиндар именно за то, что его жители отличаются не только силой мышц, но также умны и доброжелательны, хорошие советчики в честных делах (Nemea, VIII, v. 13–14).

Наконец, как пятый этический принцип у Пиндара можно отметить бескорыстную честность победителя. Хотя нередко жажда награды превозмогает порядочность (как с горечью констатирует поэт), но да славятся искусные всадники и мужи с бескорыстными душами! Это — высшая доблесть! И пусть жажда славы также не заста-

вит тебя свернуть с прямого пути (Nemea, IX; Isthmia, IV). П. Турын пишет о том, что для земельной аристократии, глашатаем интересов которой был Пиндар, «...понятие доблести было объединенным понятием духовного и физического совершенства».⁴¹

Пять пунктов, выделенных нами, говорят о том, что в своих эпиникиях Пиндар стремился не к простому прославлению победителей, а, хочется верить, преследовал и воспитательные цели. Социальной же и фактической базой для поэтических обобщений послужили условия и обстановка проведения античных игр.

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ЭПИНИКИЕВ

В противоположность Ксенофану, Пиндар больше воспевал счастье победителя-индивидуума (Isthmia, I), нежели благо отчизны и сограждан. Хотя победитель у Пиндара почти всегда выступает на фоне родного города и соотечественников, но это, действительно, лишь фон. С другой стороны, социальная значимость эпиникиев фиванца не может быть сведена к сугубой индивидуализации как таковой. Это и естественно: само творчество поэта, сам жанр эпиникиев и условия, в которых они исполнялись, носили широкий общественный характер (как, впрочем, и все древнегреческое искусство).⁴²

Несмотря на аристократически ограниченную направленность Пиндаровой этики, мы легко различаем тут и общечеловеческие мотивы, и «...хотя Пиндар выступал как защитник гибнущего мира аристократии, добродетели, им воспетые, стали дорогими не только сердцу греческого народа, но со временем получили признание всего человечества».⁴³

* * *

В построении Пиндаровых од обязательным компонентом является мифологический сюжет, связанный каким-либо путем с личностью победителя или самим фактом победы. Пиндар, несомненно, был глубоким знатоком мифов и обрядов, вызванных местными культами, спецификой местной истории. Он умело выбирал именно те легендарные мотивы, которые подкрепляли и проясняли главную мысль эпиникия. Миф не только украшал оду, но и помогал поэту. В отношении мифологических сюжетов Пиндар поистине энциклопедичен.⁴⁴ Но в данной работе мы не ставим задачу пока-

⁴¹ Турын Р. Указ соч. С. 636.

⁴² Магаффи Дж. История классического периода греческой литературы. Т. I. М., 1882. С. 199.

⁴³ Гринбаум Н. С. Язык Пиндара // Ученые записки Кишиневского педагогического института. Т. VIII. 1957. С. 115.

⁴⁴ Мунк Э. История греческой поэзии. М., 1863; Schröder O. Ibid.; Wilamowitz-Moellendorff U. v. Pindaros. Berlin, 1922.

зять и проанализировать все неисчерпаемое богатство мифологических коллизий в произведениях фиванца. Нас интересуют основные мифологические сюжеты, содержащие агонистическое начало.

Первым и главным таким сюжетом является рассказ о Геракле Фиванском, учредителе Олимпийских игр. Одна из версий, о которой не упоминалось в главе II данной работы, сводится к тому, что Геракл, убив отважного Ктеата — сына Посейдона, — учредил в честь этой победы в долине Алфея игры, которые стали называться Олимпийскими. Рассказ об этом Пиндар искусно вплетает в ткань II и VI Олимпийских эпиникиев (соответственно стихи 3–4 и 65–70). Что же касается X Олимпийской оды, то она посвящена этой теме почти полностью. Подробнейшим образом повествует здесь Пиндар о том, как собрал Геракл всех героев-воинов, оградил в Писе роцу и посвятил Альтиду отцу богов — Зевсу.

Герои начинают состязаться, и поэт перечисляет всех победителей на этой самой первой Олимпиаде: в беге победил Ион, сын Ликимния; тегеец Эхем оказался сильнейшим в борьбе; в кулачном бою победил Дорикл из Тиринфа; четверкой коней одержал верх мантинеец Сам; Фрастор доказал, что он сильнейший в стрельбе из лука; каменный диск дальше всех метнул Никей. Вот те герои-атлеты, что

Победили на первой Олимпиаде.

(С. 59)

Второй агонистический сюжет — поэтический рассказ о конных состязаниях Пелопса и Эномая и об учреждении Олимпийских игр в честь победы героя.

В различных эпиникиях Пиндар приводит разные мифологические версии о начале Олимпиад.

Все это детально описывается в I Олимпийской оде, посвященной Гиерону Сиракузскому. Мотив состязания за право обладания невестой — один из наиболее распространенных в древнегреческой мифологии, а позднее — и в литературе (см. главу II, раздел I). Сиракузский тиран победил в состязании колесниц, так же, как и Пелопс. Таким образом, мифологическая параллель Пиндара уместна, многозначительна и приятна для адресата.

В V Олимпийском эпиникии, посвященном Псавмиду Камаринскому, одержавшему победу колесницей на 83-й Олимпиаде в 452 году до н. э., Пиндар также упоминает об Эномае и Пелопсе (с. 9–10). В самом же начале оды (с. 2) поэт обращается к Афине, восклицая:

О дочь Океана!

В мифологии эллинов Афина, по-видимому, считалась изобретательницей четырехконной колесницы,⁴⁵ так что и это упоминание

⁴⁵ Cicero. De natura deorum. III.

имени богини вполне уместно при воспевании победы Псавмида.

Тема спортивного состязания, где призом является невеста, положена также в основу мифов о Данаидах и о дочерях Антея. Пиндар подробно описывает эти легендарные эпизоды в IX Пифийском эпиникии.

Перечисленными примерами не исчерпываются агонистические сюжеты у Пиндара. Однако мы подробно рассматривали их выше, когда речь шла специально об агонистике в мифологии.

Определенная фрагментарность манеры Пиндара отмечалась многими исследователями.⁴⁶

Теперь, после всего сказанного, как само собой разумеющееся воспринимается предание о том, что Пиндар был похоронен на ипподроме.⁴⁷ Все его творчество столь тесно связано с агонистикой, что с нею же ассоциируется и личность самого поэта (разумеется, не как участника состязаний, но как своеобразного соучастника многих побед).

Всевозможные детали, самые интересные и содержательные исторические подробности античных игр — все это есть у Пиндара. И чаще всего опять же на мифологической основе.

Так, в I Истмийской оде он сообщает, что на заре агонистики пятиборья как комплекса не существовало:

*Пятиборья не было тогда,
Но в каждом состязаньи
Назначался отдельный приз.*

(С. 26–27)

Это указание поэт относит ко времени героев Иолая и Кастора — «возниц сильнейших». Впрочем, не только возниц, а вообще представленных в мифологии как разносторонние, универсальные атлеты, что вызывает восхищение Пиндара. Поэт тут же перечисляет главные состязания тех времен применительно к Иолаю и Кастору:

*Свет их доблести
Сиял повсюду,
Где состязались обнаженные мужи,
Где бежали гоплиты,
Гроыхая щитами,
Где руками метали заостренные копья
И где неслись далеко каменные диски.*

(С. 21–25)

⁴⁶ В частности, об этом пишет А. Круазэ в своей работе «La poésie de Pindare et les lois du lyrisme grec». Paris, 1895.

⁴⁷ Павсаний. IX, 23, 1.

Если говорить о двух направлениях физического воспитания и методики тренировок у эллинов вообще — направления сугубо народного, с одной стороны, и утонченно-аристократического, с другой — то, несомненно, Пиндар являлся певцом и сторонником второго.⁴⁸

ТРОПЫ ПИНДАРА

Форма произведения, художественные средства определяются содержанием. При анализе гомеровских поэм мы подробно останавливались на эпитетах и сравнениях агонистического характера. У Пиндара мы встречаем тоже ряд интересных двусловных прилагательных⁴⁹ такого же типа, но более разнообразных:⁵⁰

εὐαγών (euagon) — добытый в успешных состязаниях,

εὐαθλός (euathlos) — успешно борющийся,

ἵπποδρομιός (hippodromios) — покровительствующий конным состязаниям,

κράτηςιππός (kratesippos) — побеждающий в конных состязаниях,

πάμβιας (pambias) — всепобеждающий

и многие другие. Характерны метафоры и сравнения, к которым прибегает Пиндар: атмосфера состязаний и стадиона чувствуется тут постоянно.

Чаще всего Пиндар отождествляет свои песни с острыми и точно летящими стрелами, ибо каждая ода адресуется определенному лицу. Поэтическая меткость — это меткость образности и верно выбранного сюжета. «На кого ж направим из мягкого сердца славные стрелы?» — риторически вопрошает поэт в конце II Олимпийской оды, посвященной Ферону Акрагантскому (с. 90–91).

Максимально концентрируя и одновременно разнообразя художественные приемы, в другом случае Пиндар восклицает:

*Но сейчас эти стрелы
С лука далекомечущих Муз
Направь к ослепительному Зевсу
И на священный мыс Элиды,
Пелопсом, Лидийским героем,
Некогда приобретенный
В качестве приданого прекрасной Гипподамии.*
(С. 5–10)

⁴⁸ Billński B. L'Agonistica sportiva nella Grecia Antica. Roma, 1961. С. 40–41.

⁴⁹ Гринбаум Н. С. Язык Пиндара // Язык и стиль античных писателей. Л., 1966. С. 64.

⁵⁰ Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С. 239.

Такое уподобление поэтического слова луку и стрелам встречаем в I Пифийской оде (с. 33–35).

Иногда в аналогичном случае Пиндар применяет совсем иные метафоры. Так, в VI Олимпийской оде он отождествляет свой талант с возницей, а художественные средства — с мулами и в том же агонистическом стиле выражает надежду с их помощью благополучно достичь цели (с. 18–21).

Говоря о своем желании воспеть очередной атлетический подвиг (в данном случае — панкратиаста Пифея Эгинского), Пиндар сравнивает себя с прыгуном и просит определить ему цель и длину поэтического прыжка, ибо, говорит он,

Легко стремление ног моих.

(Nemea. V, с. 20)

Интересен и еще один поэтический образ, тоже заимствованный из арсенала агонистики. Во II Истмийской оде по традиции поэт говорит о своем желании воспеть подвиги славного победителя — Ксенократа Акрагантского. Это Пиндар намерен сделать не иначе, как

*Взойдя на колесницу
увенчанных золотыми повязками муз.*

(С. 1–2)

Кстати, Ксенократ победил именно в состязании колесниц.

Для многих эпиникиев Пиндара характерны своеобразные loci communes. Чаще всего речь идет о быстроте ног и могучих руках. В почти одинаковой форме говорится о многих атлетах, которые прославились

Побеждая силою ног и крепостью рук.

Такие застывшие (или полустытые) выражения характерны для X Немейской, I Олимпийской, III Пифийской и других победных од. Но характерно, что эти повторяющиеся формы не только украшают, но и оживляют своей образностью поэтическое повествование.

Великолепна своей вдохновенной точностью фраза М. Л. Гаспарова: «...Если пророка вдохновляет к вещанию Божество, то и поэта осеяют его божества — Музы, дарящие ему прозрение, и Хариты, украшающие это прозрение радостью. Таким образом, поэт — любимец богов не в меньшей степени, чем атлет, которого он воспева-ет; поэтому так часто Пиндар уподобляет себя самому атлету или борцу...»⁵¹

Таковы наши краткие размышления о социально-этических и агонистических аспектах творчества «...крупнейшего представите-

⁵¹ Поэзия Пиндара // Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. М.: Наука, 1980. С. 377.

ля греческой хоровой лирики — Пиндара, чье литературное наследие и по объему дошедших до нас произведений, и по значимости превосходит наследие всех остальных поэтов этого жанра».⁵²

Итак, развитие агонистики в Древней Греции было одной из причин расцвета литературы и искусства. И эпиникии Пиндара — лучшее доказательство такого утверждения.⁵³

⁵² Гринбаум Н. С. Язык древнегреческой хоровой лирики. Пиндар. Кишинев, 1973. С. 15.

⁵³ В этой главе мы пользовались в основном изданием: Pindari carmina cum fragmentis / Ed. V. Snell. I-II. Lipsiae, 1964.

Фрагменты из Пиндаровых эпиникиев мы попытались перевести свободным стихом. В других случаях указано имя переводчика.

Глава VI «АГОНИСТИЧЕСКАЯ ДОБЛЕСТЬ» У ВАКХИЛИДА

Имя Вакхилида как творца эпиникиев и певца атлетов менее знаменито, чем имена Симонида и Пиндара. Это положение было подобным как при жизни поэта, так и в более позднее время.

Известно, что Пиндар пять раз терпел поражение на поэтическом состязании с Коринной.¹ Так же и Вакхилид, младший по возрасту, менее опытный (и, несомненно, менее одаренный), неоднократно был побежден Пиндаром.² Во времена Сократа афинские школьники на память заучивали стихи Симонида и Пиндара.³

О Вакхилиде его современники ничего подобного не сообщают. Лишь столетием позже был период, когда больше читали Вакхилида как автора более доступного для понимания, чем два его великих предшественника.⁴

Но уже в III веке н. э. неизвестный автор трактата «О возвышенном» (сейчас его принято называть Псевдо-Лонгин) риторически вопрошал: «Неужели к тому же в хоровой поэзии ты выберешь для себя долю Вакхилида, а не Пиндара, и в трагедии предпочтешь называться Ионом Хиосским, но не Софоклом? Конечно, Вакхилид и Ион никогда не ошибались в правилах, а неизменно писали красиво и гладко. Пиндар же с Софоклом в своих порывах способны все озарять ярким пламенем...»⁵

И все же Вакхилид был не только одаренным, но и разносторонним поэтом. Почти не найдешь жанра в лирической поэзии, в котором он не проявил бы себя должным образом.

Причиной относительно малой популярности Вакхилида в наши дни в большой мере является очень поздняя (лишь в 1897 г.) публикация его произведений. Их обнаружил Ф. Кенион — ученый-

¹ Павсаний. IX, 23, 2; Мунк Э. История греческой поэзии. М., 1863. С. 137.

² Severyns A. Bacchylide, essai biographique. Liège, 1933. P. 7.

³ Schulz P. Der Athletendichter und seine Werke. Munchen, 1961. S. 39.

⁴ Там же.

⁵ О возвышенном / Перевод Н. А. Чистяковой. М.; Л.: Наука, 1966. XXXIII, 5.

папириолог из Британского музея.⁶ В этом ему помогали П. Пальмер, Р. Джебб, Г. Санди, Ф. Бласс. Двое из них осуществили в дальнейшем ряд фундаментальных изданий стихов Вакхилида и исследований о нем самом.⁷

Сегодня мы располагаем четырнадцатью эпиникиями Вакхилида. Причем степень сохранности их весьма неодинакова.

Как и у Пиндара, наибольшее число победных од Вакхилида посвящены участникам конных состязаний (четыре). Бегуны удостоены трех эпиникиев, борцы — двух, кулачные бойцы — также двух, пятиборцам и панкратиастам посвящено по одному эпиникию.

Три оды написаны в честь побед Гиерона Сиракузского на конных ристаниях в Олимпии и в Дельфах (III, IV, V эпиникии). Аргею Кеосскому, побеждавшему на Истме в кулачном бою среди мальчиков, посвящены две оды (I и II), также две — Лахону Кеосскому, мальчику, победившему в беге на Олимпийских играх, и по одной оде — Автомеде из Флиунта (пятиборье, Немеи), Аглаю из Афин (бег, Истми), Александру Метапонтскому (борьба мальчиков, Пифии), Тейсию Эгинету (борьба, Немеи), Пифею Эгинету (панкратий, Немеи), Клеоптону Фессалийскому (состязания колесниц, Петреи) и, наконец, Липериону Кеосцу.⁸

Для читателей эпиникии Вакхилида уже в античное время были понятнее и доступнее, чем победные оды Пиндара. В них меньше «темных мест». «Вакхилид, в отличие от Пиндара, ведет читателей более простой и понятной дорогой», — писал польский исследователь Л. Цвиклинский.⁹ В общем же поэзия Вакхилида беднее, упрощеннее, чем поэзия фиванского певца.¹⁰

Но поэты не только мастерски воспевают те или иные события, тех или иных лиц — поэты сообщают нам нередко что-нибудь новое, доселе неизвестное. Благодаря Вакхилиду человечество узнало о существовании в Древней Греции Фессалийских игр (так наз. Петража (Petraja)), о которых рассказывается в его 14-м эпиникии.¹¹

Подобно Симониду и Пиндару (а равно и более ранним поэтам — Алкману, Ариону и Стесихору), Вакхилид создавал песни для хора.

⁶ Kenyon F. G. The poems of Bacchilides, Editio princeps. London, 1897; The poems of Bacchilides from a papyrus in the British Museum. Oxford, 1897.

⁷ Bacchilidis carmina cum fragmentis / Edidit Fridericus Blass, Lipsiae (ed. I — 1898, ed. VII — 1958); Jebb R. G. Bacchilides. The poems and fragments with introduction. Cambridge, 1905.

⁸ Тут и далее даются ссылки на издание: Bacchilidis carmina cum fragmentis / Edidit Bruno Snell. Lipsiae, 1958.

⁹ Cwikliński L. Liryk Grecki. Rzecz o nowo odkrytych poezjach Bacchilidesa. Lwow, 1899. С. 34.

¹⁰ Zilinski T. Bacchilidea. Eos, V. 1898–1899. P. 28.

¹¹ Указ. соч. С. 49–50.

Он писал и текст, и мелодию. Сам же исполнял и роль дидаскола.

Во многих случаях характерной чертой эпиникиев Вакхилида является приглушенность их гражданского звучания. Вероятно, социальные мотивы мало волновали поэта, который, будучи весьма и весьма мобилен, спешил из одного конца Греции в другой для выполнения очередного поэтического заказа.

Однако чаще всего эпиникии обращены к кому-нибудь из кеосцев — земляков поэта.

Многие ученые считают, что Вакхилид вообще написал значительно меньше эпиникиев, чем Пиндар, и, полностью или частично, все они дошли до нас.¹²

Кроме того, он почти всегда более лаконичен, чем его великий предшественник и соперник: эпиникии Вакхилида сравнительно невелики (особенно II, IV, VI, VII, X, XII, XIV, где попросту констатируется факт победы и приносятся поздравления атлету). Но в то же время «детали рисуемой им картины развернуты во времени и в пространстве».¹³

Точно неизвестно, бывал ли Вакхилид в Сиракузах или слал Гиерону свои победные песни издалека (как это делал Пиндар). Но поэтическая дуэль с фиванцем вряд ли была заочной: слишком уж часто избирали оба поэта общий объект и сюжет для своих произведений.

Так, в 476 году до н. э. возница Гиерона снова принес ему победу в Олимпии. Пиндар воспел это приятное и почетное событие в I Олимпийской оде, а Вакхилид — в V эпиникии. В 470 году до н. э. Пиндар прославил сиракузского правителя в I Пифийской оде, а Вакхилид — в IV эпиникии. А еще в 483 году до н. э. оба поэта соперничали, воспевая победу мальчика-панкратиаста Пифея с Эгины на Немейских играх. Вакхилид во многих случаях более леств и прямолинеен, чем Пиндар. Он воспевал, например,

Мчащихся Олимпийским ипподромом коней Гиерона

(III, с. 3–4)

самыми «лобовыми» приемами. Причем это характерно не только для III оды.

Значительно более скупое, чем Пиндар, использует Вакхилид мифологические сюжеты. Причем «...в больших одах связь их с воспеваемым лицом совсем не такая прочная, какой хотелось бы ожидать».¹⁴

¹² Iurenka. Die neugefundenen Lieder des Bacchilides. Wien, 1898; Severyns. A. Указ. соч.; Cwikliński L. Указ. соч.

¹³ Борухович В. Г. История древнегреческой литературы. М., 1962. С. 101.

¹⁴ Cwikliński L. Указ. соч. С. 13.

Но если обратиться к Вакхилидовым дифирамбам, то в них мифологические персонажи (и соответствующие сюжеты) чувствуют себя несравненно привольнее, чем в эпиникиях, выступая вполне самостоятельно, а не в роли вспомогательной.

Так, в двух дифирамбах, главным действующим лицом которых является Тесей, поэтом своеобразно разработан один из уже названных нами ранее (см. главу II) агонистических сюжетов: мужественная борьба героя с разбойниками, угнетателями слабых и вообще носителями всякого зла и насилия.

В дифирамбе «Тесей»¹⁵ перечисляются (правда, довольно бегло) основные подвиги сына Эгея, от руки которого

*...Насильник Синис пал!
От губительной веприцы
Вызволил Кроммионский лес он,
Скирон-беззаконник мертв.
Уже не мерит с гостями тугих мышц
В борьбе Керкион. И молот выронил
Полипемона сын Прокопт.
Мощь мощнейший превозмог.*¹⁶

(С. 19–30)

Здесь Прокруст (или Дамаст) выступает под именем (уже третьим именем!) Прокопта. Образ его тем более омерзителен, что вместо секиры или меча Вакхилид вложил ему в руки молот: в данной трагической ситуации — орудие предельно тупого изуверства. И это, по закону обратного действия, еще больше возвеличивает подвиг Тесея.

В другом дифирамбе¹⁷ — «Юноши, или Тесей» — Вакхилида привлекла тема не столько атлетического, сколько морального поединка — своеобразный агон духа.

Избранный Вакхилидом мифологический сюжет относится к наиболее популярным: Тесей направляет жертвенный корабль на Крит. С ним — семь афинских юношей и семь девушек (страшная дань Миносу и Минотавру за убитого Андрогейя). Плывущий вместе с ними Минос влюбляется в Эрибею — одну из несчастных афинянок, — которая просит у Тесея защиты от более чем несвоевременных притязаний правителя Крита.

Будущий укротитель Минотавра в справедливом гневе сурово предупреждает Миноса:

*О кносийских ратей повелитель,
Или ты сейчас же бросишь сам
Над ребенком плачущим глумиться,*

¹⁵ № 18 (17).¹⁶ Перевод Вяч. Иванова.¹⁷ № 17 (16).

*Или пускай немеркнувшей денницы
Мне сиянья милого не видеть,
Если я сорвать тебе позволю
Хоть одну из этих нежных веток.
Силу рук моих изведай раньше —
А чему потом случиться надо,
Это, царь, без нас рассудят боги.*¹⁸

(С. 39–46)

Однако Минос, похваляясь своей божественной генеалогией (ведь он — сын Зевса!), требует, чтобы Тесей делом доказал, что происходит от Посейдона: царь швыряет в волны перстень и высокомерно предлагает юному герою достать его со дна.

Без колебаний приняв вызов, Тесей бросается в пучину. Он опускается в подводное царство отца столь же бесстрашно, как Геракл и Одиссей спустились в царство подземное: герой выигрывает необычайный агон. Здесь совершенно недвусмысленно воспевается моральное превосходство афинянина (на фоне само собой разумеющегося физического совершенства).

Так сюжет защиты обиженных переплетается в этом дифирамбе с темой испытания могучего, отважного и благородного иницианта. Впоследствии вакхилидовский вариант широко известного мифа послужил основой для многочисленных рисунков на аттических вазах.

* * *

Гражданские идеалы Вакхилида сравнительно легковесны. Его поэтико-агонистическая *ἀρετή* далеко не так сложна и всеобъемлюща, как, например, у Ксенофана, Симонида или Пиндара. Мотивы благородства, самопожертвования, служения согражданам и отечеству почти не находят отражения в его победных песнях.

Главное, по мысли Вакхилида — счастье на состязаниях и везение в жизни, ибо

*Что может быть ценнее,
Чем стать любимцем богов
И собирать отовсюду
Славу победных наград?!*

(IV, с. 18–20)

риторически вопрошает поэт.

Итак, славу и доблесть надо завоевывать на стадионах, призвав на помощь благосклонность богов. Победы же атлета обеспечивают ему расположение и смертных, и бессмертных.

Примечательно, что у Вакхилида (как и у Пиндара) в эпиникиях часто присутствует мысль о поэтическом искусстве как средстве увековечения имени атлета-аристократа, его славы и доблести:

¹⁸ Перевод И. Анненского.

*Доблести смертных не уменьшаются
Вместе с блеском жизни,
Но их (после смерти) питает Муза.*

(III, с. 90–92)

Ни Пиндар, ни Вакхилид в своих предположениях не ошиблись: имена атлетов-победителей стали известны потомкам не столько благодаря мраморным стелам, сколько благодаря песенному дару поэтов.

К началу IV века до н. э. профессионализм в агонистике завоевал уже довольно прочные позиции. Но аристократам, разумеется, не было нужды становиться атлетами-профессионалами. А те, кто зарабатывал, выступая в агонах, себе на жизнь, вряд ли стали бы заказывать эпиникии в свою честь. Поэтому объектами для победных од Вакхилида неизменно являлись аристократы-любители и приверженцы агонистики. Ибо поэт, пишущий по заказу, вряд ли был бескорыстен.

В большой мере творчеству Вакхилида присущи идеи эпикуреизма.

Жизнь коротка (III, с. 74) — эта мысль является отправным пунктом для оправдания беззаботного веселья, бездумных развлечений, безоблачного и весьма легковесного счастья. Почти во всех эпиникиях физическое у Вакхилида преобладает над духовным:

*Если человеку по жребию судьбы
Досталось здоровье,
Пусть он живет,
Побеждая, в дружеских состязаниях.*

(I, с. 165–168)

О другом, так сказать, более «возвышенном» применении человеческой силы и здоровья у Вакхилида трудно что-либо прочесть. И участие в дружеских состязаниях, особенно же победа на них — высшая доблесть по мнению поэта.¹⁹

В V эпиникии, посвященном Гиерону, Вакхилид пересказывает миф о Калидонской охоте. Когда Геракл, спустившись за Цербером в Аид, встречает там Мелеагра, юноша скорбно повествует Пелиду о своей грустной участи, с гордостью рассказывает о подвигах, которые совершил при жизни, о тех, кто пал от его руки (причем сожалению о сделанном тут места нет). Но о чем же скорбит Мелеагр более всего? О том, что, умирая, он должен был проститься навсегда с молодостью, силой и красотой (V, 144–148). Это типичный герой греческой мифологии с необузданными чувствами, не умеющий

¹⁹ См.: Wilamowitz-Moellendorf U. v. Bacchilides. Göttinger Gel. Anz., 1898. S. 34–46.

и не желающий хитрить: могучий, отважный и прямой как на состязаниях, так и в бою. Он живет боем и для боя. Недаром Геракл даже в царстве теней принял Мелеагра за живого противника и приготовился, на всякий случай, к сражению (V, 72–76).

Основой удачи в бою и на состязаниях для Вакхилида (как и для Пиндара) неизменно остается покровительство богов:²⁰

*И благие дела богов
Заставляют сердце трепетать
В предвкушении славы.*

(I, с. 163–165)

Болезни и бедность — вот два самых страшных врага человеческого счастья по Вакхилиду. Отнюдь не желая и не пытаясь анализировать корни этих явлений, поэт просто призывает всеми силами избегать этих двух несчастий, оставаясь, применяя терминологию атлетов,

Непобедимым для бедности.

(I, с. 171).

Итак, нужно пользоваться радостями жизни, ибо это, по мнению Вакхилида, и является основным из компонентов доблести. Пользоваться, пока молод, силен и здоров, ибо

*Не меркнет блеск небес,
Не гниет морская вода,
Золото не темнеет,
Лишь человек,
Когда попадает во власть седой старости, —
Уже не вернется к нему цветущая молодость.*

(III, с. 85–90)

Вот то, что характерно для ἀρετή именно в эпиникиях Вакхилида. Не желая повторяться, заметим лишь, что в основном по мировоззрению своему он все же мало отличается от Пиндара, так же прославляя счастье, богатство и удачу, как милость богов. Но, в отличие от фиванца, Вакхилид (как и его учитель Симонид) считал одновременно, что добродетель — не только дар богов, но во многом является результатом воспитания и обучения.²¹

Порой Вакхилид группирует в одном эпиникии несколько «атлетических» сюжетов, нагнетая напряжение и пышность обстановки. Это заметно в XIII эпиникии, где упомянуты и битвы Геракла с Немейским львом, и богатыри Эакиды, и, наконец, яркое сражение Эанта, который в одиночку отражал троянцев с Гектором во главе

²⁰ Тема «боги и агон» у Вакхилида всесторонне раскрыта в книге: Wilamowitz-Moellendorf U. v. Sappho und Simonides. Berlin, 1913. S. 184 et sqq.

²¹ Борухович В. Г. Указ. соч. С. 102.

от греческих кораблей (XIII, 91–120). Вакхилид описывает это не столь ярко и детально, как Гомер, хотя влияние «отца поэтов» тут несомненно.

Наконец, типичен и художественный арсенал Вакхилида. Так, например, у него встречается немало специфически «агонистических» эпитетов.

Бог Аполлон у Вакхилида κλυτότοξος (klutotxos) — славнолучный (I, 147); говоря об Аргее, поэт называет его κρατηροχείρος (kraterocheiros) — сильнорукий (I, 141); характерные эпитеты ἀμαχος (amachos) — непобедимый (I, 170), πολύζηχος (poluzechos) — исполненный соперничества (I, 184), ὑψιζυγός (upsizugos) — высоко восседающий (II, 12), αἰόχος (ajochos) — проворный, подвижный (III, 41), φίλιππος (filippos) — конелюбивый (III, 68) и многие другие встречаются как у Вакхилида, так и у Гомера и Гесиода.

Итак, в эпиникиях Вакхилида не найти сложных обобщений. Он «мельче» Симонида и Пиндара, но его «философия агона» не становится от этого менее своеобразной. Основа же этой философии — агонистический эпикуреизм. Ἀρετή Вакхилида не спутать с «доблестью» у других поэтов. И в этом — определенная цельность его поэтического кредо.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Да, в Древней Греции многое было необычным и не всегда объяснимым. И почти все — в превосходной степени, от всей души.*

Причин небывалого расцвета агонистики среди свободных эллинов было несколько. И рассматривать их следует лишь в гармоническом комплексе.

Прежде всего, это — многоликий пантеон греков, считавших состязания лучшим средством умиловивления богов и в дни радости, и в дни печали.

Следующая причина — свободолюбие древних греков, нежелание подчиняться многочисленным агрессорам и, как следствие, — необходимость находиться в постоянной боевой готовности.

В-третьих, — политическое соперничество древнегреческих полисов повсюду вплоть до стадионов.

В-четвертых, — остро развитое эстетическое чувство эллинов, обусловленное и образом жизни, и окружающей средой.

В-пятых, — могучее присутствие обязательного элемента состязательности как национальной черты в любой области эллинской действительности.

В-шестых, — калокагатия, властно призывавшая на стадионы и в палестры цвет эллинской аристократии.

Существование в Элладе двух педагогических систем — спартанской и афинской — в сочетании с агонистической повседневностью позволило мыслителям древности обобщить в своих произведениях лучшее, что дала человечеству древнегреческая наука о гражданском воспитании.

Весомое доказательство глубокой древности агонизма — состязательные сюжеты в мифологии и эпосе греков. А в поэзии классического периода последовательно отразилось то, как формировались и менялись взгляды эллинов на роль агонистики и физического воспитания в течение VIII–V веков до н. э.

* Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1985.

Олимпийские игры и другие древнегреческие агоны послужили мощным стимулом для развития величальной поэзии.

Эллинскому эпосу почти всегда присущи этические и эстетические мотивы. Это же относится и к жанру эпиникиев.

Архилох, Тиртей, Ксенофан и другие поэты классической эпохи активно восставали против «спортивной идиотии», отстаивая разумную агонистику. В их произведениях отражена борьба между глубоко физическим и интеллектуальным направлениями в оценке *ἀρετή*. В этом отношении они были несомненными пионерами в античной и мировой литературе. Ибо киники начинают высмеивать бездумный атлетизм лишь начиная с IV века до н. э.

Величальная поэзия (в частности, эпиникий) по мере расслоения эллинского общества становится все более индивидуальной, что нашло особенно четкое отражение в творчестве Симонида Кеосского, Пиндара и Вакхилида.

Агонистическая тема в эллинской поэзии органически переплетается с идеей патриотизма и защиты отечества (особенно — в период расцвета полисов). Также постоянно звучит тема гармонического развития гражданина.

О мощном влиянии агонистики как на повседневный быт, так и на литературу эллинов свидетельствуют и многочисленные поэтические и прозаические тропы, рожденные в обстановке античных стадионов, гимнасиев и палестр.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. Победительница в беге. Римская копия из мрамора.
V век до н. э. Музей Ватикана

2. Каменная гирия для прыжков.
Около 500 года до н. э. Археологический музей в Олимпии

3. Дискобол. Древнегреческий скульптор Мирон.
IV век до н. э. Римская копия

4. Дiskoметание. Рисунок на чернофигурной панафинейской амфоре.
V век до н. э. Неаполь

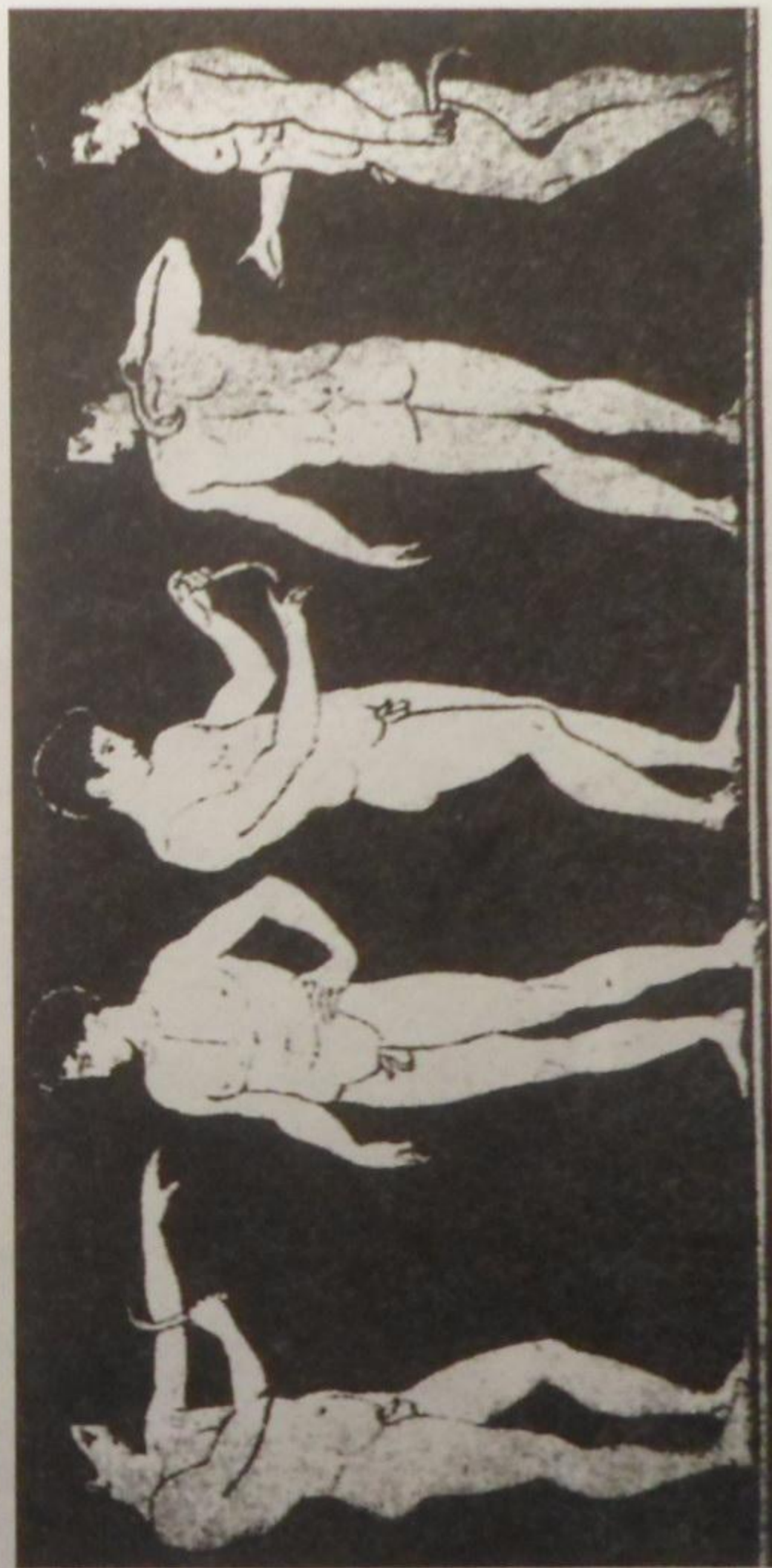
5. Панкратиасты. Римская мраморная копия с греческого бронзового оригинала. III век до н. э. Флоренция

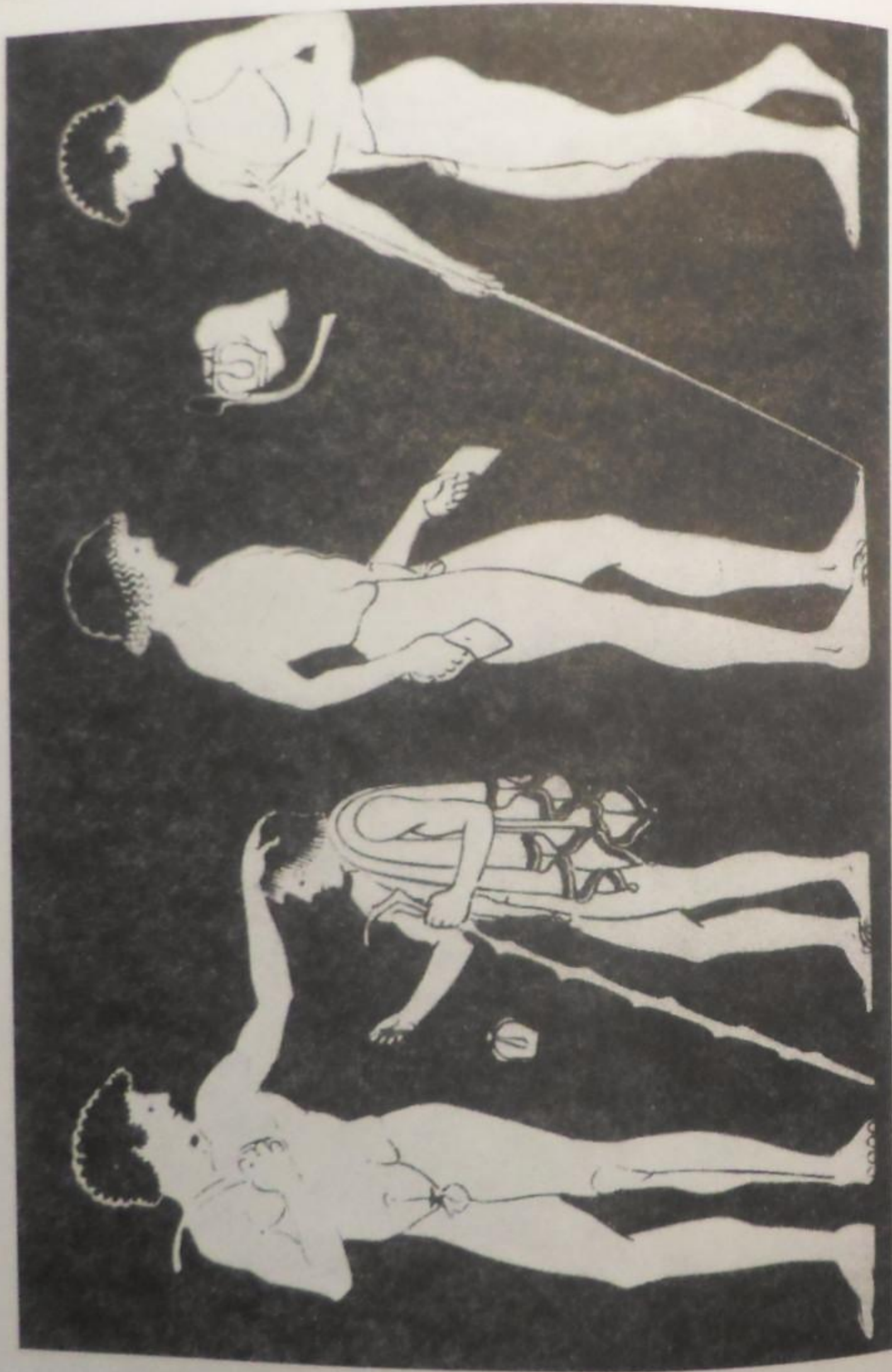
6. Кулачный боец. Бронза. I век до н. э. Статуя работы Аполлония, сына Нестора. Рим. Национальный музей (в Термах)

7. Пелоп и Гипподамия. Рисунок на краснофигурной амфоре.
Конец V века до н. э. Археологический музей в Ареццо

8. Атлеты после тренировки. Краснофигурный килик.
440–420 годы до н. э. Лондон. Британский музей

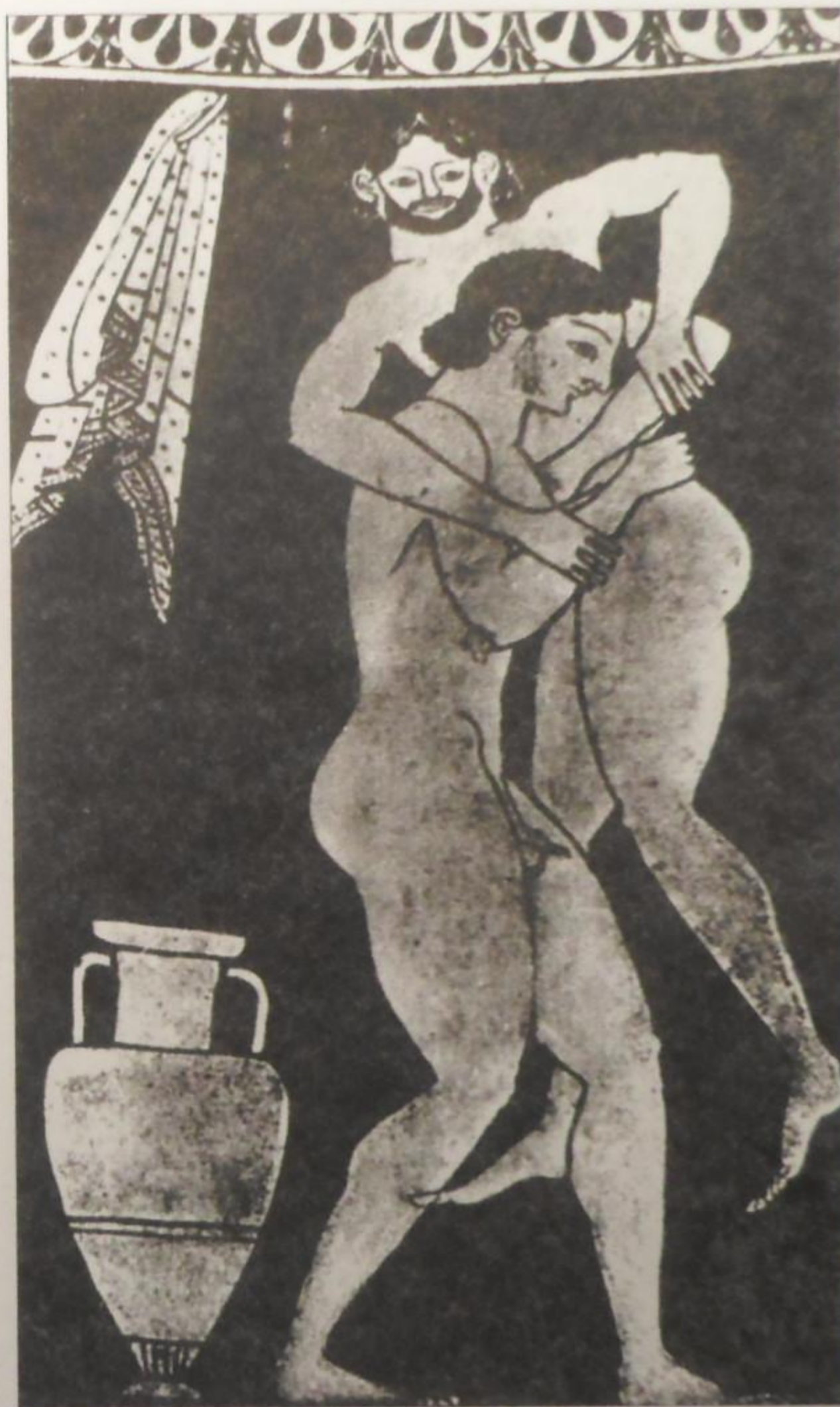
9. Юноши в палестре. Краснофигурное изображение на подставке вазы. Работа Антифона. Начало V века до н. э. Государственный музей в Берлине

10. Сцены кулачного боя. Краснофигурный килик. V век до н. э. Лондон. Британский музей

11. Борцы на тренировке. Чернофигурный килик.
VI век до н. э. Флоренция. Археологический музей

12. Борцы на тренировке. Краснофигурное изображение на амфоре.
Конец VI века до н. э. Берлин—Шарлоттенбург

13. Атлеты в палестре перед тренировкой. Рисунок на краснофигурной вазе. V век н. э. Государственный музей в Берлине

14. Бронзовый кувшин с маслом и стригили. Предположительно найдено возле Афин. IV век до н. э.

а)

б)

15. а) Финал кулачного поединка: побежденный атлет отказывается от продолжения боя.
б) Панкратиасты. Панафинейская амфора.
V век до н. э. Бостон.

16. Изображение скачек на панафинейской амфоре.
VI век до н. э.

17. Конные гонимы. Панафинейская амфора.
VI век до н. э.

18. Бег на короткую дистанцию. Рисунок на чернофигурной вазе.
Приблизительно 525 год до н. э.

19. Стадион в Олимпии (современный вид после раскопок)

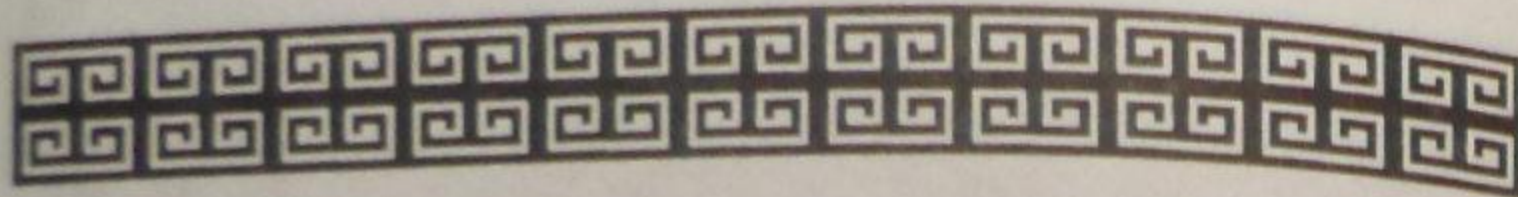
20. Бег на короткую дистанцию. Рисунок на чернофигурной вазе (панафинейская амфора). Конец VI века до н. э.

21. Зажжение священного олимпийского огня в Олимпийской долине у храма Геры и вручение факела первому бегуну

22. Начало олимпийской эстафеты

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ТЕКСТЫ

а) Оригиналы

- Anthologia lyrica Graeca. Ed. Diehl, vol. II, 1925.
Anthologia lyrica Graeca. Fasc. I. Ed. Diehl. Lipsiae, 1954.
Anthologia lyrica Graeca. Theognis. Fasc. 2. Ed. D. Jung. Lipsiae, 1961.
Anthologia lyrica Graeca. Fasc. 3. Ed. Diehl. Lipsiae, 1964.
Aristotelis. Politica post Susemihl. Lipsiae, 1929.
Athenei Deipnosophistae ed. Kaibel. I-III. Lipsiae, 1923-1927.
Bacchylidis carmina. Ed. B. Snell. Lipsiae, 1934.
Bacchylidis carmina cum fragmentis. Ed. B. Snell. Lipsiae, 1958.
Callimachea ed. Schneider I-II. Lipsiae, 1870-1873.
Dionis Chrysostomi orationes ed. Dindorf, I-II. Lipsiae, 1857.
Epigrammatum anthologia Palatina. Ed. Dübner, I-II; Cougny, III. 1888-1890.
Eusebii Caesariensis opera. Ed. Dindorf, I-II. Lipsiae, 1867.
Fabulae Aesopicae. Ed. Halm. Lipsiae, 1929.
Herodoti historiarum libri IX. Ed. Dietsch-Kallenberg, I-II. Lipsiae, 1933-1935.
Homeri carmina et cycli epici reliquiae. Graece et latine cum indice. Parisiis. F. Didot. 1837.
Homers Ilias für den Schulgebrauch erklärt von Karl Fridrich Ameis. Leipzig, 1884.
Homeri Ilias. Th. W. Allen. Oxford, 1931.
Homeri Odyssea. P. von der Müller. Basileae, 1946.
Hygini fabulae, Ed. Schmidt. Lipsiae, 1872.
Isocratis orationes. Ed. Benseler-Blass. I-II. Lipsiae, 1913-1927.
Mythographoi. Scriptores poëticae historiae Graeci. Ed. A. Westermann. Brunsvigae, 1843.
Mythographi Graeci. I. Apollodori bibliotheca etc. Ed. Wagner. Lipsiae, 1926, III, 1.
Pseudo-Eratosthenis catastorismi ed. Oliveri. Lipsiae, 1897.
Pausanii Graeciae descriptio ed. Spiro. I-III, Lipsiae, 1903.
Pindari opera, 1-2. Ed. Boeckh. Lipsiae, 1811.
Pindari carmina cum deperditorum fragmentis Selectis. Recognovit W. Christ. Lipsiae, 1869.
Pindari carmina recensuit O. Schroeder, editio maior I-III. Lipsiae, 1914-1930.
Pindari carmina cum fragmentis. Ed. B. Snell, I-II. Lipsiae, 1964.
Plutarchi. De musica. VI. Lipsiae, 1895.
Quintiliani institutio oratoria. Ed. Radermacher, I-II. Lipsiae, 1907-1935.

б) Переводы

- Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л.: Наука, 1972 / Издание подготовил В. Г. Борухович.
Аполлоний Родосский. Аргонавтика / Пер. Григория Церетели. Тбилиси, 1964.
Античная лирика. М.: Художественная литература, 1968.
Аристотель. Государственное устройство афинян / Пер. С. И. Радцига. М., 1937.
Аристофан. Книга комедий. М.: Academia, 1930.
Архилох. Стихотворения и фрагменты / Пер. В. Вересаева. М., 1915.
Геродот. История в девяти книгах / Пер. Ф. Г. Мищенко. М., 1888.
Геродот. История в девяти книгах / Пер. и примеч. Г. А. Стратановского. Под общей ред. С. Л. Утченко. Л.: Наука, 1972.
Геродот. Історія в дев'яти книгах / Пер., передмова та примітки А. О. Білецького. Київ: Наукова думка, 1993.
Гиппократ. Избранные книги / Пер. проф. В. И. Руднева. Редакция, вступ. статья и примеч. проф. В. П. Карпова. Биомедгиз, 1936.
Гомер. Илиада / Пер. Н. Гнедича. СПб., 1902.
Гомер. Илиада / Пер. Н. И. Гнедича. Издание подготовил А. И. Зайцев. Л.: Наука, 1990.
Гомер. Одиссея / Пер. В. Жуковского. СПб., 1888.
Гомер. Одиссея / Пер. В. Вересаева. М.: Художественная литература, 1953.
Гомеровы гимны / Пер. В. Вересаева. М., 1926.
Греческая эпиграмма / Под ред. Ф. А. Петровского. М.: ГИХЛ, 1960.
Демосфен. Речи / Пер. С. И. Радцига. М.: АН СССР, 1954.
Ксенофонт. Киропедия / Пер. Г. А. Янчевецкого. Киев, 1878.
Ксенофонт. Греческая история / Пер. С. Лурье. Л.: ОГИЗ; СОЦЭКГИЗ, 1935.
Ксенофонт. Анабасис / Под ред. акад. И. И. Толстого. Пер. М. И. Максимова. М.: АН СССР, 1951.
Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. СПб., 1887.
Ксенофонт. Мелкие статьи (выпуск третий). Ревель, 1895.
Лукиан. Как надо писать историю? / Пер. А. Мартова. Нежин, 1907.
Лукиан. Избранные атеистические произведения. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
О возвышенном / Перевод, статьи и примечания Н. А. Чистяковой. М.; Л.: Наука, 1966.
Нильсон М. Греческая народная религия. СПб., 1998.
Овидий Назон П. Метаморфозы / Пер. С. В. Шервинского. Вступ. статья А. И. Белецкого. Ред. и комментарии Ф. И. Петровского. М.: Academia, 1937.
Павсаний. Описание Эллады / Пер. и вводная статья С. П. Кондратьева. М.: Искусство, 1938 (Т. I), 1940 (Т. II).
Пиндар, переведенный с греческого языка Иваном Мартыновым, с примечаниями переводчика. СПб., 1827 (Ч. I), 1829 (Ч. II).
Пиндар. Оды / Пер. М. Л. Гаспарова // ВДИ. 1973. № 2, 3, 4; 1974. № 1, 2, 3.
Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты / Издание подготовил М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1980.
Платон. Сочинения / Пер. проф. В. П. Карпова. Ч. I и Ч. II. СПб., 1863.
Платон. Полное собрание сочинений / Пер. Я. М. Боровского. М.: Academia, 1936.
Платон. Избранные диалоги / Под ред. Д. Егунова. М.: ИХЛ, 1965.

- Платон. Сочинения: В 3-х т. М.: Мысль, 1968–1972.
- Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. I / Под ред. проф. М. Е. Грабарь-Пассек. Пер. С. П. Маркиша, С. И. Соболевского. М.: АН СССР, 1961.
- Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. II / Под ред. проф. М. Е. Грабарь-Пассек. Пер. разных авторов. М.: АН СССР, 1963.
- Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. III / Под ред. проф. М. Е. Грабарь-Пассек. Пер. С. П. Маркиша. М.: Наука, 1964.
- Софокл. Драмы. Т. I–III / Пер. с предисловием и введениями Ф. Ф. Зелинского. М., 1914.
- Страбон. География в 17 книгах / Под общ. ред. С. Л. Утченко. Перевод и примечания Г. А. Стратановского. Л.: Наука, 1964.
- Феокрит, Мосх, Бион. Идиллии и эпиграммы / Пер. М. Е. Грабарь-Пассек. М.: АН СССР, 1958.
- Фукидид. История. Т. I–II / Пер. Ф. Мищенко. Примечания, переработка и вступительный очерк С. Жебелева. М., 1915.
- Элиан. Пестрые рассказы / Под ред. акад. В. В. Струве. Пер. С. В. Поляковой. М.: АН СССР, 1963.
- Эллинистические поэты. М.: ГИХЛ, 1963.
- Эпиграммы греческой антологии / Переводы с древнегреческого под ред. М. Гаспарова и Ю. Шульца (их же комментарии). Вступительная статья М. Гаспарова. М.: Терра, 1999.

II. НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

а) Отечественные издания

- Антология мировой философии: В 2-х т. М., 1969.
- Андреев Ю. В. Мужские союзы в поэмах Гомера // ВДИ. 1964. № 4.
- Андреев Ю. В. Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит): Автореферат диссертации на соиск. учен. степ. кандидата исторических наук. Л., 1967.
- Анохин В. А. История Боспора Киммерийского. Киев: Одигитрия, 1999.
- Берзин Э. О. Горгиппийский агонистический каталог // Советская археология. 1961. № 1.
- Бергер А. К. Политическая мысль древнегреческой демократии. М.: Наука, 1966.
- Блаватский В. Д. Античная археология. М.: АН СССР, 1961.
- Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М.: АН СССР, 1954.
- Блаватский В. Д. Античный город // Античный город. М.: АН СССР, 1963.
- Борухович В. Г. История древнегреческой литературы. М.: Высшая школа, 1962.
- Борухович В. Г. Очерки по истории древнегреческой литературы классического периода (эпос, лирика, драма). Горький, 1957.
- Богаевский Б. Л. Доисторическая Греция // Проблемы истории докапиталистических обществ. ГАИМК. 1934. № 11–12.
- Брабич В., Плетнева Г. Панафиней та перші спортивні кубки // Фізкультура і спорт. 1962. № 5.
- Брабич В. и Плетнева Г. Зрелища древнего мира. Л.: Искусство, 1971.
- Бритова Н. Пракситель. М.: Искусство, 1958.

- Бузескул В. Античность и современность. СПб., 1913.
- Вейман Р. История литературы и мифология. М.: Прогресс, 1975.
- Воеводский Л. Каннибализм в греческих мифах. Опыт по истории развития нравственности. СПб.: Изд-во Безобразова В. и К., 1874.
- Воцинина А. М. Античное искусство. М.: Искусство, 1962.
- Галанина Л. К. Панафинейская амфора — награда атлету в Афинах. Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1962.
- Гаспаров М. Л. Древнегреческая хоровая лирика // Пиндар Ваххилид. Оды. Фрагменты / Издание подготовил М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1980.
- Гаспаров М. Л. Поэзия Пиндара // ВДИ. 1973. № 2.
- Гвоздева Т. Б. Конференция “Олимпийские игры в истории мировой культуры: к 100-летию возобновления современных Олимпийских игр” (Москва, 30 мая 1996 г.) // ВДИ. 1997. № 2.
- Гвоздева Т. Б., Лидынин И. А. “Круглый стол”: Олимпийские празднества (игры) как фактор греческого этно-культурного единства (Москва) 28 мая 1998. // ВДИ. 1999. № 1.
- Гордезиани Р. В. Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1978.
- Гордеичев О. Солон и его стихотворения. Варшава, 1877.
- Гринбаум Н. С. Язык Пиндара // Ученые записки Кишиневского пединститута. Т. VIII. Кишинев, 1957.
- Гринбаум Н. С. Язык Пиндара (сложные прилагательные) // Язык и стиль античных писателей. Л., 1966.
- Гринбаум Н. С. Диалектная база языка Пиндара // Филологические науки. 1966. № 1.
- Гринбаум Н. С. Язык древнегреческой хоровой лирики (Пиндар). Кишинев: Штиинца, 1973.
- Греческая и латинская эпиграмма о медицине и здоровье / Составление и примечания Ю. Ф. Шульца. М.: Медгиз, 1960.
- Дальский А. Н. Театрально-зрелищные действия на Крите и в Микенах. М.; Л.: Искусство, 1937.
- Двоеглазов Н. Ю., Макарова Л. М. Олимпийские игры в Древней Греции (Политические и общественно-психологические аспекты). Сыктывкар, 1985.
- Доватур А. И. «Политика» и «Политии» Аристотеля. М.; Л.: Наука, 1965.
- Жебелев С. А. Возникновение Херсонеса Таврического // Доклады АН СССР. 1930.
- Зайцев А. И. Гимн Диоскурам Алкмана и его эпические источники // Античность и современность. М.: Наука, 1972.
- Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1985.
- Зельин К. К. Принципы морфологической классификации форм зависимости // ВДИ. 1967. № 2.
- Зубов В. П. Аристотель. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- История греческой литературы. Т. I / Под ред. С. И. Соболевского, Б. В. Горнунга, З. Г. Гринберга, Ф. А. Петровского, С. И. Радцига. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946.
- История греческой литературы. Т. II / Под ред. С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровского. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
- История греческой литературы. Т. III / Под ред. С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровского. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

- Иноземцев А. Д. Пиндар и его эпипики // ЖМНП. № 5. СПб., 1877.
- Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу. М.: Мысль, 1972.
- Колесникова Л. Г. Спорт в античном Херсонесе. М.; Л.: Советский художник, 1964.
- Кубланов М. М. Из истории культуры Северного Причерноморья // Древний мир. М., АН СССР. 1962.
- Кубланов М. М. О местной историографии на Боспоре // ВДИ. 1954. № 4.
- Кузищин В. И. Олимпийские игры как феномен древнегреческой и мировой культуры. // Вопросы истории. 1997. №1.
- Кузищин В. И. Олимпийские игры как миротворческий фактор в политической жизни древней Греции (Институт священного перемирия — экехери) // Вопросы истории. 2000. №8.
- Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Ч. I, II. СПб., 1888—1889.
- Латышев В. В. Исследование о государственном строе и истории г. Ольвии. СПб., 1887.
- Латышев В. В. Дополнения и поправки к собранию древних греческих и латинских надписей северного побережья Черноморья // Записки императорского Русского археологического общества. 1900. Т. IV.
- Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Высшая школа, 1957.
- Лосев А. Ф. Гомер. М.: Учпедгиз, 1960.
- Лосев А. Ф., Соникина Г. А., Тахо-Годи А. А., Тимофеева Н. М. Античная литература. М.: Высшая школа, 1963.
- Лосев А. Ф. История античной эстетики. М.: Высшая школа, 1963.
- Лосев А. Ф., Шестаков В. П. История эстетических категорий. М.: Искусство, 1965.
- Лосев А. Ф. Эстетика хороводов в «Законах» Платона // Античность и современность. М.: Наука, 1972.
- Лосев А. Ф. Мифология греков и римлян в ее историческом развитии. М.: Мысль, 1996.
- Лурье С. Я. Неугомонный. М.: Детгиз, 1962.
- Любкер Ф. Реальный словарь классической древности. СПб., 1885.
- Магаффи Дж. История классического периода греческой литературы. М., 1882.
- Майков В. В. Четыре эпипики Пиндара в честь Иерона Сиракузского // ЖМНП. СПб., 1892. № 8—10.
- Маркиш С. П. Гомер и его поэмы. М.: ГИХЛ, 1962.
- Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 20, 21.
- Маркс К., Энгельс Ф. Об античном мире. М.: Искусство, 1952.
- Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976.
- Мифология древнего мира // Сб. статей под ред. И. М. Дьяконова. М.: Наука, 1977.
- Мифы народов мира. Энциклопедия / Глав. ред. С. А. Токарев. Изд. 2-е. М.: Советская энциклопедия. Т. I, 1987; Т. II, 1988.
- Милеев С. Искусство и физическая культура. М.; Л.: Физкультура и туризм, 1931.
- Мунк Э. История греческой поэзии. М., 1963.
- Мещеряков В. Т. Гармония и гармоническое развитие. Л.: Наука, 1976.
- Нахов И. М. Наука и религия в идеологии кинизма // Вопросы античной литературы и классической филологии. М.: Наука, 1966.

- Новосадский Н. И. Художественное воспитание в Древней Греции // ВДИ. 1940. № 2.
- Новосолов М., Суник О. Олімпійські ігри. Киев, 1961.
- Петров Е. Н. Очерки по истории физической культуры // М.: Физкультура и спорт, 1938. Вып. I.
- Полонская К. П. Поэмы Гомера. М.: Изд-во Московского университета, 1961.
- Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.
- Пропп В. Я. Морфология сказки. М., 1969.
- Пропп В. Я. Трансформация волшебных сказок // Фольклор и действительность. М., 1976.
- Радциг С. И. История древнегреческой литературы. Изд. 2. М.: Изд-во Московского университета, 1959.
- Римшнейдер М. От Олимпии до Ниневии во времена Гомера. М.: Наука, 1977.
- Ривкин Б. И. В долине Алфея. М.: Искусство, 1969.
- Семенов А. Ф. Греческий лирик Симонид Кеосский и сохранившиеся отрывки его поэзии. Нежин, 1912.
- Синицын С. Д. Физическая культура античного мира. М.: Физкультура и спорт, 1940.
- Соболевский С. И. Аристофан и его время. М.: АН СССР, 1957.
- Соколов Г. И. Олимпия. М., 1980.
- Соломоник Э. И. Фрагмент агонистического каталога из Херсонеса // ВДИ. 1963. № 4.
- Стеблин-Каменский М. И. Миф. Л.: Наука, 1976.
- Тахо-Годи А. А. Классическое и эллинистическое представление о красоте в действительности и искусстве // Эстетика и искусство. М.: Наука, 1966.
- Тахо-Годи А. А. Мифологическое происхождение поэтического языка «Илиады» Гомера // Античность и современность. М.: Наука, 1972.
- Томсон Дж. Исследование по истории древнегреческого общества. М., 1958.
- Тренчени-Вальдапфель И. Мифология. М.: Иностранная литература, 1959.
- Тренчени-Вальдапфель И. Гомер и Гесиод. М.: ГИХЛ, 1956.
- Тронский И. М. История античной литературы. Изд. 4-е. М.: Высшая школа, 1983.
- Хавин Б. Н. Все об Олимпийских играх. М., 1979.
- Хейзинга Й. Homo ludeus. М., 1992.
- Шанин Ю. В. Агоністична естетика Гомера // Питання класичної філології. Львів, 1966. № 5.
- Шанин Ю. В. Герои античных стадионов. Изд. 2-е. М.: ФиС, 1979.
- Шанин Ю. В. От эллинов до наших дней. М.: ФиС, 1975.
- Шанин Ю. В. Олимпийские игры и поэзия эллинов. Гомер и классическая лирика VIII—V вв. до н. э. Киев: Изд-во при Киевском государственном университете «Вища школа», 1980.
- Шебель Г. Олимпия и ее игры. Лейпциг, 1967.
- Шостакович С. В. Сказание о Пелопидах. Иркутск, 1975.
- Штерн Э. Р. Новый эпиграфический материал, найденный на юге России // Записки императорского Одесского общества истории и древности. Т. XXIII. 1901.
- Ярхо В. Н. Аристофан. М.: Гослит, 1954.
- Ярхо В. Н. Эсхил. М.: ГИХЛ, 1958.

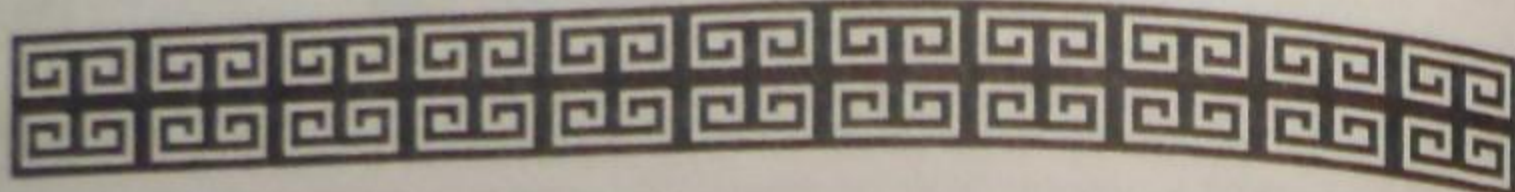
- Ярхо В. Н. Была ли у древних греков совесть? // Античность и современность. М.: Наука, 1972.
 Ярхо В. Н. Рок. Грех. Совесть. (К переводческой трактовке древнегреческой трагедии) // Мастерство перевода. М.: Советский писатель, 1973. № 9.
 Ярхо В. Н. Драматургия Эсхила и некоторые проблемы древнегреческой трагедии. М.: Художественная литература, 1978.

б) Зарубежные издания

- Alexander Ch. Greek Athletics. New York, 1925.
 Biliński B. Antyczne tradycje biegu maratonskiego // Meander. 1952. № 6-7.
 Biliński B. Agoni ginnici: Componenti atilfiche td intellettoali nell'autica agouilfico greco. Wroclow-Roma. 1979.
 Bogeng G. A. Geschichte des Sports aller Völker und Zeiten. Leipzig, 1927.
 Butler A. I. Sport in Classic Times. London, 1931.
 Blümel G. Sport und Spiel der Griechen und Römern. Berlin, 1934.
 Blümel G. Sport der Hellenen. Ausstellung griechischer Bildwerke. Berlin, 1936.
 Beloch K. I. Die Siegerliste von Olympia // Hermes. 1929. XLVI.
 Bois F. Poeta athletorum. Paris, 1871.
 Bielohlawek K. Sport bei Homer // Olympisches Feuer. 1957. № 7.
 Botsford G., Robinson Ch. Hellenic History. New York, 1956.
 Bintz I. Die Gymnastik der Hellenen. Gütebrsloch, 1878.
 Bland E. A. Olympic Story. London, 1948.
 Bowra M. Heroic Poetry. London, 1952.
 Cwiciński L. Liryk Grecki. Rzecz o nowo odkrytych poezyach Bacchilidesa. Lwow, 1899.
 Croiset A. La poesie de Pindare et le lois du lyrism grec. Paris, 1895.
 Curtius E. Olympia. Die Engrebnisse der von Deutschen Reich Voranstalten Ausgrabungen, I-V. Berlin, 1890-1897.
 Curtius E. Olympia. Berlin, 1935.
 Diem C. Antiker und moderner Sport. Jahrbuch des Deutschen Archaeologischen Instituts und Archaeologischer Anzeiger. Bd. 74. Berlin, 1960.
 Diem C. Ewiges Olympia. Minden Frankfurt, 1948.
 Delorme I. Gymnasien. Etude sur les monuments consacres a l'education en Grece. Paris, 1960.
 Deubner L. Kult und Spiel im alten Olympia. Leipzig, 1936.
 Dörpfeld W. Alt-Olympia. Untersuchungen und Ausgrabungen. Berlin, 1935.
 Ebert J. Zum Pentathlon der Antike. Akademie-Verlag. Berlin, 1963.
 Ebert J. (ed). Olympia von den Anfängen bis zu Cèubertin. Lpz., 1980.
 Fineley M., Pleket H. The Olympic Games the first thousand years. L., 1976.
 Forbs C. A. Greek Physical Education. New York, 1892.
 Förster H. Sieger in den Olympischen Spielen. Zwickau, 1922.
 Garrot L. L'Athletique et la poesie. Paris. 1977.
 Girard R. L'Education athenienna. Paris, 1889.
 Gundert H. Pindar und sein Dichterberuf. Frankfurt / M., 1935.
 Gardiner E. N. Olympia, its History and Remains. Oxford, 1925.
 Gardiner E. N. Athletics of the Ancient Wordl. Oxford, 1955.
 Hawett A. De l'authenticite des epigrammes de Simonide. Paris, 1897.
 Hirn A. Die Athletik im Altertum. München, 1930.
 Hornyanszky Dy. Temetési versenyküzdelmek az ösörögökuel. Budapest, 1900.
 Jaeger W. Paideia. 3 Bde. Berlin; Leipzig, 1934-1947.

- Krause I. H. Olympia. Wien, 1938.
 Kenyon F. G. The poems of Bacchylides from a papyrus in the British Museum. Oxford, 1897.
 Kublanow M. M. Agone // Das Altertum. 1960. № 3.
 Lukas G. Kritische Beiträge zur Olympischen Idee. Halle, 1950.
 Marrou H. I. Geschichte der Erziehung im klassischen Altertum. Freiburg, 1957.
 Mezö F. Geschichte der Olympischen Spiele. München, 1977.
 Mousset A. Olympie. Paris, 1960.
 Michel H. Sparta. Cambridge, 1952.
 Moretti L. Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni olympici. Atti della Academia Nazionale dei Lincei. Classe dei Scienze morali, storiche e filologiche. Ser. 8, Vol. 8, (2), 1957.
 Moretti L. Iscrizioni Agonistiche Greche. Roma, 1973.
 Nilsson M. P. Die hellenistische Schule. München, 1955.
 Parnicki-Pudelko S. Olympia i Olympiady. Poznan, 1964.
 Pauly-Wissowa-Kroll, Realenzyklopädie der classischen Altertumswissenschaft. Berlin, 1893-1956.
 Press L. Atrakcje dla ludzi i bogow. Warszawa, 1961.
 Proceedings of an international symposium on the Olympic Games, 5-9 September 1988 ed. by Penleby W. and Kylie Seis H. Athen, 1992.
 Rodenwald G., Hege W. Olympia. Berlin, 1937.
 Rudolph W. Olympischer Kampfsport in der Antike. Berlin, 1965.
 Schaerer R. La moral grecque dans Homère. Lausanne, 1934.
 Schneidewin F. G. Simonidis Cei carminum reliquiae. Brunsvigae, 1835.
 Schröder B. Der Sport in Altertum. Berlin, 1927.
 Schroeder O. Pindari carmina. Lirsiae, 1900.
 Schulz R. Der Athletendichter und seine Werke. München, 1961.
 Severyns A. Homèr. Brux, 1948.
 Severyns A. Bacchylide, essai biographique. Liège, 1933.
 Sznayder I. Podroze i turystyka w starozytnosci. Warszawa, 1959.
 The Archaeology of the Olympics: The Olympics and other festivals in antiquity/ Ed. by Raschke W. J. L. Wisconsin-press, 1988.
 Turyn A. De codicibus Pindaricis. Cracoviae, 1932.
 Trendelenburg A. Pausanias in Olympia. Berlin, 1914.
 Vogt M. Der Antike Sport. München, 1934.
 Wilamowitz-Moellendorff U. v. Pindaros. Berlin, 1922.
 Wilamowitz-Moellendorff U. v. Bacchilides. Göttinger Gel. Anz., 1898.
 Wilamowitz-Moellendorff U. v. Sappho und Simonides. Berlin, 1913.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ. ОЛИМПИЯ ДРЕВНЯЯ И СОВРЕМЕННАЯ.....	5
ВСТУПЛЕНИЕ.....	9
Глава I. ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ И АГОНИСТИКА	
В ЖИЗНИ ЭЛИНОВ.....	13
Две системы воспитания элинов.....	15
Педагогика состязаний.....	24
Калокагатия на стадионах.....	27
Эллинские мыслители —	
о гармонически развитом гражданине.....	33
Причины расцвета агонистики	
в Древней Греции.....	48
Глава II. АГОНИСТИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ	
ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ.....	54
Олимпийские игры.....	55
Истмийские игры.....	59
Пифийские игры.....	60
Панафиней.....	61
Немейские игры.....	62
Сюжеты.....	63
Классовые отношения и мифология элинов.....	78
Глава III. ОТРАЖЕНИЕ РИТУАЛЬНЫХ СОСТЯЗАНИЙ	
В ПОЭМАХ ГОМЕРА.....	80
Агон и сюжет.....	81
Агон и боги-олимпийцы.....	83
Взаимосвязь художественных средств и темы.....	86
Игры и характеры.....	89
Энциклопедия агонистики.....	93
Этика и эстетика состязаний у Гомера.....	95
Спортивное долголетие.....	99
Гомеровские игры и реальность.....	101
Лучники на древних стадионах.....	103
Глава IV. ТЕМА АГОНИСТИКИ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ	
ПОЭЗИИ VII—VI ВЕКОВ ДО Н. Э.	110
Эпиникий, агон и полис.....	110
Архилох, Тиртей, Феогнид о гражданской доблести.....	113
Атлетика и медицина.....	115
Критика «спортивной идиотии». Ксенофан.....	117
Две триады.....	117
Гражданин-атлет в поэзии Симонида Кеосского.....	121

Глава V. СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ	
В ЭПИНИКИЯХ ПИНДАРА.....	128
Аристократизм эпиникиев.....	129
Победитель, общество, семья.....	131
'Αρετή у Пиндара.....	135
Этический кодекс атлетов.....	140
Мифологическая основа эпиникиев.....	143
Тропы Пиндара.....	146
Глава VI. «АГОНИСТИЧЕСКАЯ ДОБЛЕСТЬ» У ВАКХИЛИДА.....	149
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ.....	157
ИЛЛЮСТРАЦИИ.....	159
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	182

Директор издательства:

О. Л. Абышко

Главный редактор:

И. А. Савкин

Художественный редактор:

Н. И. Пашковская

Корректоры:

Л. А. Абышко,

Н. М. Баталова

Оригинал-макет:

Р. И. Бабушкина

ИЛ № 064366 от 26. 12. 1995 г.

Издательство «Алетейя»:

193019, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, 13

Телефон издательства: (812) 567-2239

Факс: (812) 567-2253

E-mail: aletheia@spb.cityline.ru

Сдано в набор 11.05.2000. Подписано в печать 20.11.2000.

Формат 60×88/16. 12 п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 3631

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, д. 12

Printed in Russia

Important Dates

- 3rd millennium B.C. Early Hellenic finds in the alluvial layers underneath the Northern embankment of the stadium
- Ca. 1700 B.C. Erection of the Middle Hellenic apsidial houses 2, 3, 5 and 6
- 10th cent. B.C. Evidence for a cult of Zeus near the Alpheios
- 776 B.C. First historic Olympiad. Kroibos wins the stade-race
- 510 B.C. First coinage of Elis
- 472 B.C. (177th Ol.) Introduction of five-day festival of Zeus
- 430 B.C. Synoikismos of Elis: Founding of the Capital
- 374 B.C. Phidias starts work on his statue of Zeus (Height: 12,37 m)
- 364 B.C. (104th Ol.) Earthquake of Heliqi. Temple of Zeus heavily damaged
- 146 B.C. Battle of the Eleians against the Arcadians and their allies in the sanctuary
- 80 B.C. The Roman general Mummius dedicates to Zeus 21 shields from the spoils of Corinth
- 4 B.C. Sulla transfers the games to Rome with the exception of the competitions for boys
- 67 A.D. (not 65 A.D.) Tiberius wins the four-horse chariot-race
- 267 A.D. Nero six time winner of the games
- ca. 300 A.D. Invasion of the Peloponnese by the Herulians
- 393 A.D. (293. Ol.) Cult of Zeus restored by Diocletian
- 400 A.D. Last Olympic games of antiquity
- 400 A.D. Cult and games abolished by Theodosius I
- 400 A.D. Workshop of Pheidias rebuilt as a church
- 400 A.D. Temple of Zeus destroyed by earthquake
- 400 A.D. Invasion of the Peloponnese by the Slavs
- 400 A.D. Olympia abandoned

Olympiad Year, B.C. Event

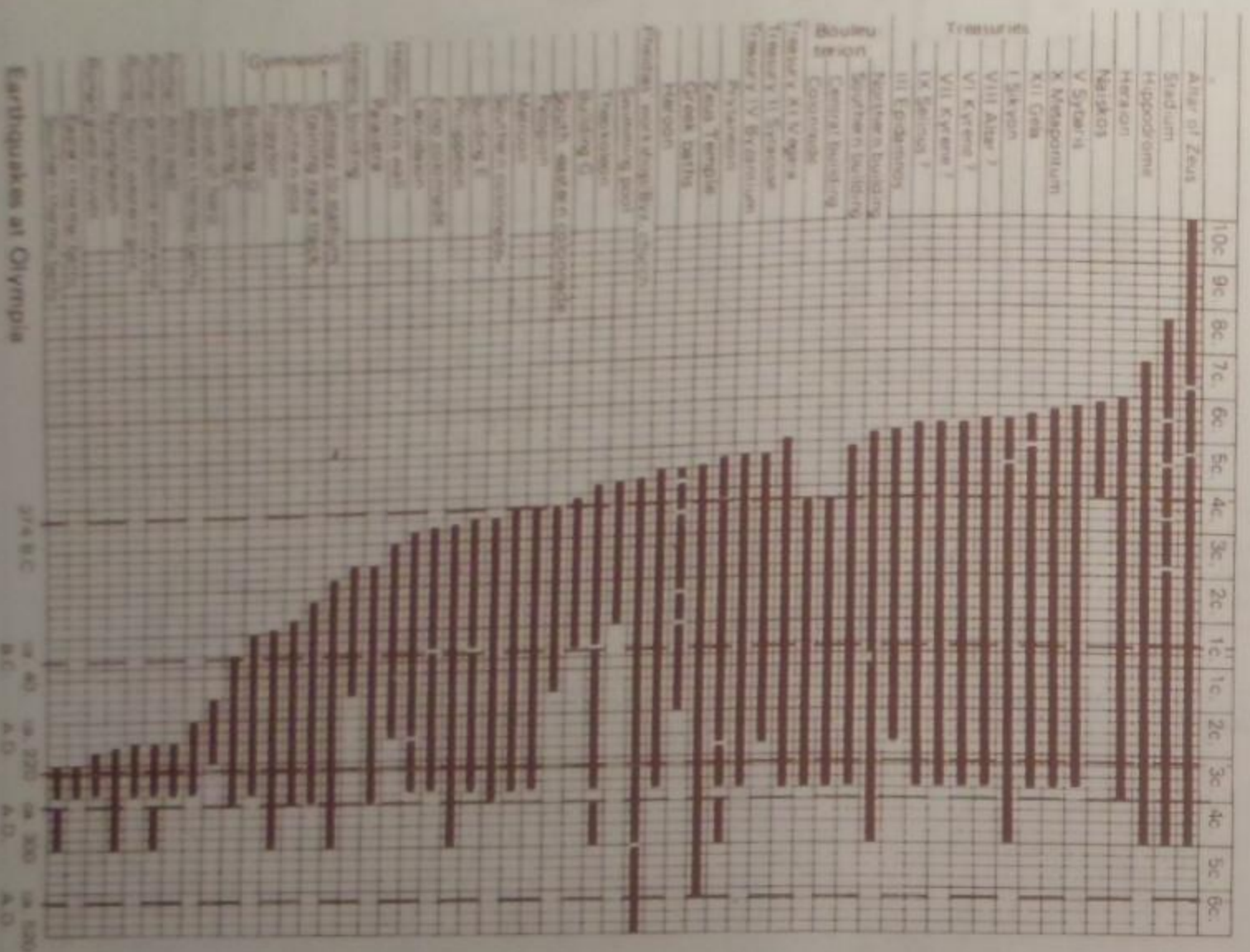
Olympiad	Year, B.C.	Event
1	776	Stade-race
14	724	Double stade-race
15	720	Dolichos (long distance foot-race)
18	708	Pentathlon and wrestling
23	688	Boxing
25	680	Four-horse chariot-race
33	648	Pankration and horse-race
37	632	Foot-race and wrestling for boys
38	628	Pentathlon for boys
41	616	Boxing for boys
65	520	Race-in-armor
70	500	Mule-cart race (discontinued at the 84th Olympiad)
93	408	Two-horse chariot-race
96	396	Competitions for heralds and trumpeters
99	384	Chariot-racing for teams of four colts
128	268	Chariot-racing for teams of two colts
131	256	Races for colts
145	200	Pankration for boys

1896 First modern Olympiad staged in Athens, under direction of Baron Pierre de Coubertin

1924 First Olympic winter games in Chamonix, France

Since 1936 (XIIth Olympic Games in Berlin) the Olympia flame is kindled through a sun-mirror at the altar of Hera, East of the Heraion, and brought to the sponsoring country.

Lifetime of buildings at Olympia, after A. Mallwitz, Olympia und seine Bauten (1972) Abb. 239

MAP of OLYMPIA

LEONIDAION

WORKSHOP
OF PHEIDIAS

SWIMMING POOL
AND BATHS

PALAISTRA

GYMNASIUM

Philippeion
(circular building)

HERAION

NYMPHAEUM

Sikyon

Syracuse

Epidamnus

Byzantium

Sybaris

Kyrene?

unknown

Selinus

Metapontum

Megara

Gela

Tunnel to the
stadium

STADIUM

Treasuries
from

SOUTHERN
COLONNADE

BOULEUTERION

TEMPLE OF ZEUS
SOUTH-EASTERN EASTERN THERMAL
BUILDING BATHS

PELOPION ALTAR OF ZEUS
ECHO-COLONNADE

METROON

GATEWAY
TO THE STADIUM

MODEL OF OLYMPIA, AS SEEN FROM THE EAST

THE ORIGINAL MODEL BY EVA MALLWITZ (1960) IS AT THE FOLKWANG MUSEUM, ESSEN W-GERMANY
THE COPY IN THE NEW MUSEUM AT OLYMPIA WAS GIVEN BY THE CITY OF ESSEN IN 1963.

